177

В этом номере

М. ЯРОВОЙ

В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ КОЛЛЕКТИВЕ

ЕДИНСТВО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Л. ЛАТАШ, В. АСТАХОВА

ТАИНСТВЕННЫЙ МИР СНА

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ИРЖИ КРШЕНЕК

ПЕТЛЯ

Начало повести

С. ЛЬВОВ

АПОКАЛИПСИС ДЮРЕРА

10 • 1976

Село

См. в номере: М. ЯРОВОЙ. «У подножья трех гор»

Овощевод-виноградарь Эрад Двалишвили

Овощеводы Ерчаник Караджан и Саркис Каракян.

Бригада доярок: Тереза Вахтер, Эльвира Мусилемян, Галя Югансон, Хатук Такнеджан, Эрланда Сапожникова

Герой Социалистического Труда Лаймо Михайловна Мазикас

На винограднике

Фото В. Корнюшина

НАУКА И РЕЛИГИЯ

№ 10 1976

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Год издания восемнадцатый

Художественный редактор
С. И. Мартемьянова
Технический редактор
С. В. Сегаль.
Корректор Р. Ю. Грошева.
Макет Е. В. Носковой.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Рукописи и фото не возвращаются

Духовный мир человека

Практика: опыт, проблемы

Единство обучения и воспитания

Человеку о человеке

История и современность

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Религия, церковь, верующий

Литература, искусство

У наших друзей

За рубежом

Наше обозрение

У ПОДНОЖЬЯ

Бригада школьников направляется на полевые работы.

ЭТА ИСТОРИЯ на первый взгляд кажется заурядной. Ну что, в самом деле, необычного в переселении разнорабочего абхазского колхоза «Дружба» Эдрика Александровича Кельдера из тесной старой хаты в просторный новый дом? Мало ли в разных концах и районах страны людей, которые строят себе жилье! Есть достаток, вот и обзаводятся домами.

И все же история эта — не совсем обыкновенная. Тут дело не только в достатке. Да, по правде сказать, у Кельдера, когда он начинал строить дом, нужных средств полностью и не было, хотя материал он припас. Но чтобы взяться за строительство, сил еще не хватало. И об этом кручинился человек, да так, что даже на бригадных собраниях, когда все толковали о совместных забстах, он сидел как бы отрешенный от всего, будто в голове лишь думы о новом доме. А он не из тех себялюбцев, которые только и пекутся о своем личном благе. Работник примерный, передовик производства, усердный радетель за коллективное хозяйство. И скромность его известна. Никогда ничего для себя лично не требует. Замечать стали: бывало, спросят, почему такой задумчивый, а он только рукой махнет — ничего, мол, пройдет! Но Кельдер жил и работал в большом трудовом коллективе, а в нем все держится не на давно уже отжившем принципе: «Каждый за себя, один бог за всех», а на совсем ином: «Каждый за всех и все за одного». И поэтому людям в бригаде небезразлично видеть, как что-то гнетет товарища. А когда дознались, стали ему выговаривать.

— Чего же молчал! Мы-то тебе, кажется, не чужие. Давно надо было сказать, что-нибудь да придумали бы...

И придумали: строить дом Кельдеру всей бригадой, позвать соседей, всех, у кого найдется для этого желание и свободное время. Такое подлинное товарищество эстонцы (а Кельдер — эстонец) называют талгут, грузины — дахмареба, армяне — окнутюн, русские — подмога.

И подмога началась...

Строили главным образом в выходные дни, свободные от дел общеколхозных. Работали дружно, в десятки рук. Построили дом. Поселился в нем Кельдер с семьей. Живут, радуются.

В колхозе «Дружба» немало возведено домов личного пользования. И, глядя на них, понимаешь, что построены они не только благодаря достатку сельских тружеников: велика роль и «подмоги», отражающей коллективизм и дружбу во взаимоотношениях. А пристальнее приглядеться, не ускользнут и другие замечательные черты советского общежития.

Что за люди строили дом Кельдера? Тут были грузины, эстонцы, армяне, русские, украинцы... Всех мне не могли назвать, сказали: «Мы тут не присматриваемся, кто какой на-

Колхозный детский сад.

ТРЕХ ГОР

Мих. ЯРОВОЙ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Фото В. Корнюшина.

циональности». И разъяснили, что и в других случаях такой же помощи людей друг другу доброхотные строительные бригады складывались многонациональными. Правда, варианты бывали разные. Не всегда, скажем, эстонцы плотничали, а грузины вели каменную кладку, случалось и наоборот. Но всякий раз каждый брался за дело, которое знал лучше.

— Бывало,— рассказывал мне один колхозник,— до спора доходило, когда принимались расставлять рабочую силу. Один другого убеждал, что именно он и только он, как никто другой, сделает раствор, кирпичную кладку, оштукатурит стены.

— И спорили-то не ради какой-то личной выгоды,— вставил другой собеседник.— За этот труд ведь никто ничего не получал. А ради того лишь, чтобы все получилось хорошо, без изъянов, чтобы радовался наш товарищ и его семья.

Простые слова. А в них — мера глубины духовного мира людей из колхоза «Дружба». И эта глубина постигается особенно зримо, когда старожилы в беседе нет-нет да и вспомнят, «как раньше жилось». Раньше — это значит, когда еще о колхозах никто и понятия не имел, а люди жили каждый сам по себе.

— Да, даже местожительство людей было полосой отчуждения,— вспоминали мои собеседники.— Селились-то в этих местах национальными группами. Это сейчас у всех нас один адрес — Леселидзевский сельсовет, а в прошлом...

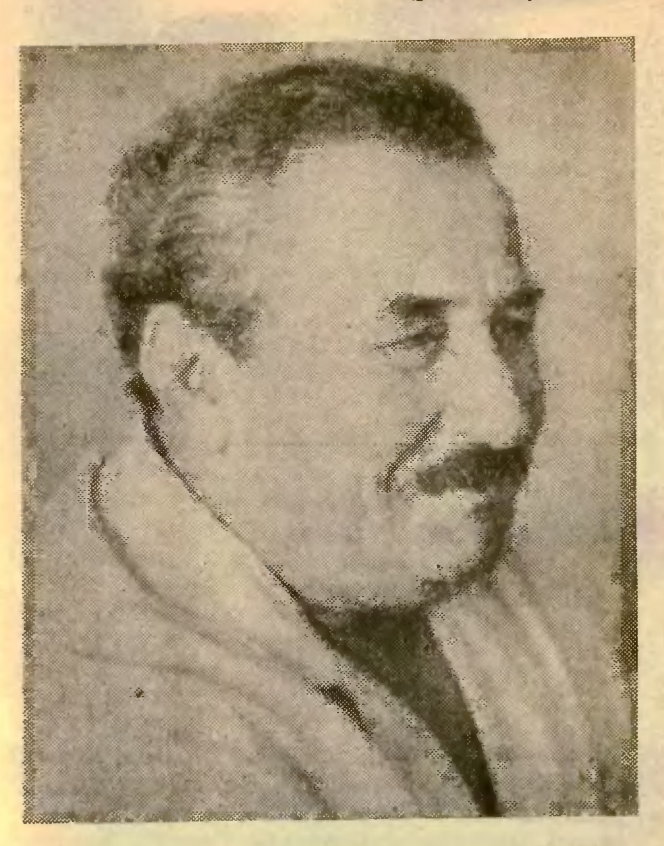
Леселидзевский сельсовет раскинулся на левом берегу горной речки Псоу, разграничивающей у самого Черного моря Российскую Федерацию и Грузинскую ССР. Его территория находится не на равнине, а на террасах: самая нижняя — на морском берегу, самая верхняя — в отрогах Главного Кавказского хребта. Так вот, населенный пункт, омываемый морскими водами, в довоенные годы назывался Ермоловка, а после войны его наименовали Леселидзе, в честь генерала, стоявшего во главе армии, оборонявшей Кавказ от фашистских захватчиков. Почти впритык к этому селу, на холмистой местности, располагалось Сальме. Еще дальше в горы — возвышалось Сулево.

И было так заведено: что ни село, то своя национальность. У моря — по большей части русские, молдаване, украинцы. В Сальме и Сулеве — эстонцы. Есть в селе Сальме Армянские ворота, где селились бежавшие из Турции армяне, есть Грузинский переулок, населенный главным образом грузинами. Само село Сулево делится на Верхнее и Нижнее. То горное место, где в 1885 году на пустующих землях поселились эстонцы, спасавшиеся от гнета остзейских баронов, здесь называют Верхнее Сулево. Пониже, где живут переселенцы из высокогорных районов Грузии,— Нижнее. А у каждого народа, известно, свои порядки, обычаи, привычки, нравы, традиции. Нередко продиктованные не столько национальными особенностями, сколько вероуче-

нием той религии, которую издавна исповедовал этот народ. Одних наставляли на «путь истинный» православные попы, других — священники армяно-григорианской церкви, третьих — лютеранские пасторы, мусульманские муллы, сектантские проповедники, иудейские раввины... И хотя они толковали на разных языках и с позиций разной веры, суть всех религиозных поучений сводилась к одному: «Все блага мира сего тленны. А сам этот мир — лишь переходная ступень к жизни вечной». Когда же человек, изнуренный бедностью, нуждой, голодом и холодом, начинал жаловаться на тяжелую жизнь, ему священнослужители твердили: «Не ропщи! Это бог посылает тебе испытания. Выдержишь их — попадешь в царство небесное, не выдержишь — вечно гореть тебе в адском огне».

И все же, как священники ни пугали людей, как ни старались, чтобы они жили в вечном страхе перед загробным наказанием, в народе, независимо от национальной принадлежности, словно споря с религиозными наставлениями, все большее признание получала мудрость, порожденная жизненным опытом: «На бога надейся, а сам не плошай». Каждый старался выбиться из нужды, бедности.

— Стараться-то старались,— рассказывает заслуженный колхозник, ветеран труда, один из первых организаторов коллективного хозяйства Александр Авдеевич Бахман,— да мало кому удавалось уйти от бедности. Причина — все та же разобщенность людей. А корни ее — во многом в религиозных верованиях. Каждый священнослужитель убеждал, что именно его вера настоящая. А отсюда шла и религиозная неприязнь, вражда, нетерпимость к иноверцам, их нравам, обычаям. Лютеране, например, с людьми другой веры и говорить-то не считали нужным. Придет к эстонцу абхаз, армянин или человек другой национальности, веры, так их и во двор не пустят. Разговаривали, стоя по разные стороны калитки. Иной раз кому-то из эстонцев помощь потребуется в работе. Человек надрывается, чтобы успеть вовремя посеять, посадить, собрать урожай в поле, в саду, а из мусульман никто и не подумает помочь... Плохо жили! Так плохо, что хуже некуда. До убийств доходило. Помнится, у наших сельчан эстонцев кто-то увел скот с пастбища. Воров обнаружить не удалось, но заподозрили «нечестивцев» — пастухов-абхазов. Сильно избили, возможно, и невиновных людей. Одного или двух до смерти... Враждебное отношение к людям других национальностей держалось долго. На первых порах даже колхозы создавались по национальному признаку. Армяне, грузины, абхазы, греки, крестьяне прочих национальностей рядом с эстонскими колхозами «Сальме» и имени Кингисеппа организовали свое коллективное хозяйство «Заря Кавказа».

Председатель колхоза «Дружба» Давид Леванович Ерквания.

— У нас,— рассказывает председатель колхоза «Дружба» Давид Леванович Ерквания,— национальные предрассудки и религиозная нетерпимость изживались в процессе коллективного труда, особенно после того, как три колхоза объединились в одно крупное хозяйство «Дружба». В этот коллектив вошли крестьяне всех живущих здесь национальностей.

А в Леселидзевском сельсовете живут люди двадцати двух национальностей. Председатель исполкома сельсовета Георгий Амбатович Хурцилава называет их в порядке численности: грузины, эстонцы, армяне, русские, молдаване, украинцы, белорусы, греки, абхазы, евреи, немцы, карелы, лазы (одна из народностей Кавказа), турки, иранцы, латыши, осетины, цыгане, татары, поляки, румыны, курды: всего 1050 семей. Большинство населения трудятся в колхозе, остальные — в разных отраслях народного хозяйства и культуры, тесно связанных с колхозом.

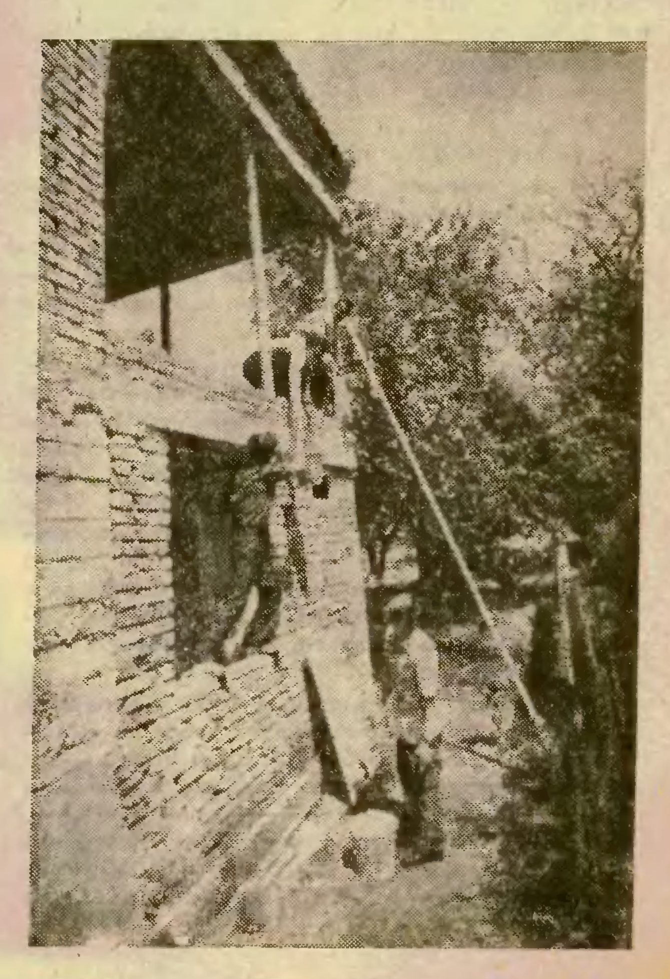
— А в колхозе,— продолжает свой рассказ Давид Леванович,— как человек относится к труду, так проявляется его понимание счастья и смысла жизни. Я много лет руковожу колхозом и заметил, что именно в процессе коллективного труда постоянно совершенствуется, углубляется, становится богаче духовный мир людей. На мой взгляд, у нас появился своего рода сплав нового человека. У эстонцев исчезла замкнутость, они внесли в коллектив такие ценные человеческие качества, как расчетливость, точность, аккуратность. Русские — мужество, настойчивость, оптимизм. Грузины — жизнерадостность, убежденность в своих силах, способностях. Армяне — упорство, ревностное отношение к труду. Украинцы — то самое товарищество, которое сплачивало, цементировало еще запорожских казаков. Должен заметить, что развитию всех этих качеств в наших людях способствует и то, что они все больше сближаются между собой, устанавливают тесные, родственные взаимоотношения. Есть много семей, объединяющих людей разных национальностей. Приведу лишь один пример. В четвертой бригаде работает на винограднике депутат Верховного Совета Грузии эстонец Освальд Алексеевич Лекс. Его сестра Эльвира замужем за армянином, вторая сестра Найма — за грузином, третья, Лиза, была женой грузина, а, овдовев, вышла замуж за армянина.

Мои беседы с другими людьми также убеждали, что здесь люди живут, преодолев все барьеры, поддерживая и развивая все лучшее, заложенное в характере, способностях любого из них, добиваясь, что ни год, более высоких экономических показателей колхоза. Его доход в 1974 году составил 1 миллион 37 тысяч рублей, в 1975 — 1 миллион 360 тысяч рублей, а в 1976 году будет еще больше. В центре села Сальме, около Дома культуры, стоит Доска почета. На первом месте — портрет эстонки Маймо Михайловны Мазикас. Она первая получила звание Героя Социалистического Труда. А заслужила его мастерством в выращивании знаменитого абхазского ароматного табака. Когда мне сказали об этом, я удивился. Ведь раньше эстонцы не занимались табаководством.

— Сказалась забота наших людей о благе колхоза,— разъясняет суть перемен Давид Леванович.— Армяне — известные табаководы. И они настояли, чтобы эта доходная культура заняла большую площадь, чтобы выращиванием табака занимались не только армяне, а все колхозники. В прошлом году 60 процентов всего дохода колхоз получил от табака. На развитие нашего хозяйства повлияли и мои соплеменники — грузины. В первые послевоенные годы колхоз не имел виноградника. Теперь под ним большая площадь, он дает весьма ощутимый доход. А эстонцы — знаменитые мастера овощеводства — настойчиво заботятся об этой отрасли хозяйства. Увеличиваются площади под овощными культурами, ставятся все новые теплицы для ранних овощей. Если в прошлом году овощеводство принесло только шестую часть общего дохода, то в нынешнем должно дать примерно половину... Такие вот дела! Хорошие дела! И это благодаря сознательному отношению наших людей к общему, коллективному хозяйству, благодаря тому, что изжиты национальные и религиозные предрассудки.

С кем ни разговоришься, рассказ о жизни непременно иллюстрируется примерами, подтверждающими интернационализм тружеников колхоза «Дружба». Председатель колхоза в первый же день повез меня в четвертую бри-

Строят дом учителю школы Н. Капанадзе.

гаду, на огромный виноградник. Стоял жаркий весенний день. На лозах раскрывались почки, появились нежные розоватые листочки. Междурядья глубоко вспаханы. Но в самих рядках, там где укрепились лозы, трава пошла в рост, бригада не успела вовремя вручную перекопать землю. Надо было торопиться с этой работой. Мы увидели, как пришли много мужчин и женщин и дружно взялись за лопаты. Создалось впечатление, что бригадир Борис Георгиевич Морозов, у которого, кстати, тоже была лопата в руках, устроил аврал: вывел на виноградник всю бригаду. Тут председатель колхоза подвел меня сперва к одной группе работающих, потом к другой. И вот что выяснилось: на помощь четвертой бригаде в этот день пришли другие бригады.

А на следующий день пришлось быть свидетелем такого короткого, но выразительного диалога. Встретились Морозов и бригадир третьей бригады Г. И. Оганесян.

— Борис Георгиевич,— сказал Оганесян,— не обижайся, что моя бригада вчера не появилась на винограднике. Не подумай, что мы не хотели помочь. Были у нас тут кое-какие обстоятельства. Но завтра приведу всю бригаду и сделаем не меньше, а больше других.

— Да ладно. Поднатужимся и сами управимся.

— Нет, нет! Мы придем.

И они пришли. И действительно, поработали с большим усердием.

Рассказанное мною — картины межнациональной солидарности в труде, в сфере производства. Не менее ярки они и в житейской повседневности...

— У нас двор одной семьи с двором соседа соединен калиткой без запора,— рассказывает колхозница Лили Яковлевна Ионас.— Видишь, что у него в саду или на огороде работы невпроворот — идешь помогать. Сам идешь, не ждешь, когда сосед позовет. И он тебя в трудный час не оставляет. Станешь лист лавра общипывать, так чуть ли не со всех дворов помощницы явятся. Управимся с работой у меня, к другим идем. Дружно работать — весело работать. А где весело, там и жизнь в радость.

— Сейчас не увидишь, чтобы человек в одиночку дом ремонтировал, забор чинил,— знакомит меня с бытом бригадир Борис Георгиевич Морозов, к слову сказать, русский по отцу и эстонец по матери.— А если тебе деньги понадобятся, идешь к любому. Какой бы национальности он ни был, даст взаймы. И не напомнит потом о долге, пока сам не соберешься отдать.

Библиотекарь М. Н. Джалагония со своими читателями.

— Мы с мужем сюда переехали из другого села, нашего же Гагрского района, из Михельрипша. Там у нас были и родственники, и друзья, и все нас там знали, как и мы всех своими считали. А здесь — все люди оказались новыми,— рассказывает армянка Ася Маргосовна Оганесян.— Ехали сюда — тревожились: как жить будем на новом месте. А приняли нас как родных. Помогали освоиться на новом месте, построить дом, сад при усадьбе заложить. Муж два года работал рядовым колхозником. Потом его избрали бригадиром. В бригаде — половина эстонцев, половина армян.

Участие коллектива в жизни каждого колхозника стало бытовым явлением, как бы семейной, родственной обязанностью, нормой поведения. Рассказывали: у эстонца Эвальда Югансона пала корова. А в семье — пятеро детей. Без молока трудно пришлось бы, если бы Югансон остался один со своей бедой. Но на другой же день соседи принесли молока. На следующий — то же самое... Иногда в семье и не знали, кто именно принес. Встанут по утру — смотрят: во дворе на столе банки с молоком. А потом пришел к Югансону грузин Константин Хурцидзе, вынул пачку денег, положил на стол и сказал: «Это на корову!» Оказывается, деньги по инициативе Константина Хурцидзе собрали в армянских, грузинских, русских и других семьях.

Или вот еще одна история... Карельская семья Каупонен поселилась в Сальме в 1959 году. Вскоре Эрмине Каупонен овдовела. На руках осталось пятеро детей. Как жить? Оби-

тала она в небольшой хибарке, в тесноте. По инициативе эстонки Марии Шерр были собраны деньги, куплен хороший дом. У Каупонен не было мебели, люди поделились: кто кровать принес, кто стол, стулья, диван. Принесли посуду, позаботились об одежде и обуви для детей. Выдюжила семья. Вырастила Эрмине детей. Живут они в колхозе, не зная нужды.

— Многое хорошо у нас получается потому, что национальную неприязнь никто не сеет,— делится своим мнением библиотекарь Мария Николаевна Джалагония. Сама она русская, в прошлом ленинградка, но давно живет здесь, замужем за грузином.— И религиозные распри некому разжигать, делить нас на «правоверных» и «нечестивых». Священник православной церкви последний раз приезжал в наше село лет пятнадцать назад, если не больше, хотя и живет рядом, в Гагре. Как выглядит лютеранский пастор — даже старики забыли, а молодые и понятия не имеют, не встречались. Мало кто представляет себе и облик муллы. Как-то прикатили сюда из Эстонии проповедники-баптисты. Но не нашлось желающих слушать их проповеди. С тем и уехали. Давно уже сюда никто из священнослужителей не приезжает. У наших колхозников нет интереса к ним.

— Почему?

— Думаю, дело в возросшей культуре людей. Отмирают предрассудки, в том числе и религиозные. Об уровне культуры можно судить по разным признакам, скажем, по отношению людей к своей библиотеке, как они с ней связаны. Так вот: живут в Сальме 1382 человека, взрослых и детей. И все — читатели библиотеки. В январе они взяли 986 книг, в феврале — 844, в марте... Да что перечислять! Зайдите в любой дом — увидите книги, много книг, журналы, газеты. И не только в нашем селе такая тяга к чтению. В Леселидзе и Сулеве то же самое. Там — свои библиотеки и клубы. Кстати, о нашем Доме культуры. Вы уже виделись с его директором Омари Васильевичем Гогатишвили? Обязательно побеседуйте. Послушайте его внимательно — и вы узнаете, что интернациональная дружба позволяет нам и отдыхать интересно, разумно.

— Это верно,— подтвердил директор Дома культуры.— Именно такая дружба позволяет колхозникам часто встречаться с искусством. При Доме культуры есть три группы художественной самодеятельности, и в каждой— люди разных национальностей. В вокальной, она состоит исключительно из женщин, поют русская, эстонка, грузинка... В эстрадном оркестре — двое русских, армянин, грузин, эстонец. В драматическом (ставятся главным образом сатирические сценки, скетчи) — два грузина, армянин, эстонка, русская. Есть кружки художественной самодеятельности и при клубах: в Леселидзе, Нижнем Сулеве и Верхнем Сулеве. Все это позволяет разнообразить программы вечеров дружбы, концерты, молодежные вечера. У нас любят вечера дружбы устраивать дважды в год. Люди рассказывают о своей жизни, работе, о том, что они умеют делать. В каждом выступлении слышишь радостное «могу», «умею», «получилось не хуже, чем у других», «помог своим советом», «мое участие в этом деле сказалось на его успехе» и т. д. И если выступает абхаз, то исполняется абхазская песня, грузин — слышится родной для него напев, в других случаях — эстонская, армянская, русская песня...

Не правда ли, интересно все это? И надо отдать должное руководителям колхоза, культпросветработникам, коммунистам «Дружбы» — они не успокаиваются на достигнутом, хотя для повышения уровня культуры населения сделано немало.

— Десятилетия прошли в коллективном труде,— рассказывает парторг колхоза Георгий Заурбекович Цинделиани,— и изрядно пришлось потрудиться на ниве культурного просвещения, прежде чем люди нашего колхоза избавились от многих пережитков, изменился их духовный облик, они стали теми интернационалистами, какими видим их сегодня: дружными в труде, в отношениях друг к другу. И еще замечено: при такой вот интернациональной спайке национальное самосознание, культура, быт наших колхозников ни-

сколько не утрачиваются, наоборот — расцветают, наполняются новым смыслом.

Но это не означает, что такая нравственная атмосфера образовалась и укрепилась сама собой. Нет, мы помним слова Леонида Ильича Брежнева о том, что новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной и бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого.

Агитколлектив — большой, грамотный, активный — свою деятельность развернул по месту жительства и работы колхозников. У каждого агитатора — свой, точно определенный участок села, колхоза. Учитель по профессии, грузин по национальности, страстный, убежденный пропагандист коммунистической морали Важа Рапава постоянно встречается с людьми, которые живут на территории первой бригады. Бригадир тракторной бригады армянин Вагаршак Матосян — с коллективом машинно-тракторного парка. Учительница украинка Раиса Гуцал — с колхозниками третьей бригады. Нет нужды указывать участки других агитаторов.

Большая работа ведется по пропаганде литературы, в том числе и атеистической. Мы стремимся к тому, чтобы вместе с книгой в каждый дом вошел и хороший собеседник-атеист. Такой работой заняты культпросветработники, интеллигенция села, коммунисты— пропагандисты и агитаторы. А делается это путем обстоятельных, привлекающих массу людей бесед, читок, докладов, лекций, читательских конференций. Темы разные: «Можно ли предвидеть будущее?», «Религиозные суеверия и их вред», «Религия и церковь в истории России», «Наука — о животном мире», «Вредные обычаи и традиции», «Духовный мир человека», «Книга — проводник дружбы между народами»...

Есть, есть чем заниматься! И есть кому заниматься утверждением коммунистической морали в многонациональном коллективе «Дружба».

Так живут люди в этом колхозе. Живут в здоровой духовной атмосфере товарищества, доброжелательства, приязни, дружелюбия. Живут спаянные дружбой, о которой поется в песне, написанной директором Дома культуры Омари Васильевичем Гогатишвили (он автор слов и музыки). Вот ее подстрочный перевод с грузинского:

Три горы стоят рядом, как братья,
У подножья их — наше родное село.
В нем — люди разных языков, но братья,
Им соловьи поют хвалу.
Эта дружба людей — крепче стали,
Она в труде, в быту, во всем.
И как с места не сдвинуть горы,
Так и братскую дружбу никогда не нарушить.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВЕТОК ГОРИЦВЕТ

М. ЛАВРЕНТЬЕВ

Фото В. Опалина.

ЗВОНКОГОЛОСАЯ девушка-конферансье объявила:

— Выступает старейшая участница комсомольской художественной самодеятельности города Жуковка и Жуковского района Мария Константиновна Лебедева!

Шумной волной аплодисментов плеснул зрительный зал на сцену, когда к рампе вышла маленькая, какая-то очень домашняя и плавная в движениях пожилая женщина. Она отвела рукой микрофон и сказала негромко, но отчетливо, и ее услышали в дальних рядах.

— У меня одна из самых добрых профессий. — Я аптекарь...

Потом, уже затемно, после веселого и шумного районного молодежного «Огонька», парни и девчата гурьбой высыпали из клуба провожать Лебедеву. Мария Константиновна попросила:

— Ребята, не ходите! Пожалуйста! Одна доберусь...

— Почему?

— У меня свидание!

Шестнадцать лет назад, перед уходом на пенсию, она со страхом думала: вдруг не справится с бременем свободного времени, с воспоминаниями о пережитом, которые с годами не тускнеют, словно сны наяву. Однако свободного времени не прибавилось. В первый же день после получения пенсионной книжки пришлось встать на час раньше обычного: надо было спешить на утренник в сельскую школу. А потом пошла такая круговерть приглашений, забот и обязанностей, что даже время для воспоминаний удавалось выкроить только по пути домой, поздно вечером.

...Путь от клуба, знакомая лесная тропа, — свидание с памятью. По этой стежке, обросшей по кромке высокой заманихой, с двадцать девятого года ходила Маруся на работу в жуковскую районную аптеку. Взяли ее туда уборщицей, нехотя, после разговора с недовольным провизором в уездном комитете комсомола. Старик аптекарь, человек вообще-то не злой, боялся, что непоседливая, смешливая егоза, участница всех рейдов «легкой кавалерии» разобьет хрупкую тишину провинциальной аптеки. Страхи не оправдались. Маша ходила по аптеке на цыпочках, с замиранием сердца вслушиваясь в звучные формулы, которые на латыни повторял провизор, подписывая сигнатуры. И еще она навела такую слепящую чистоту, что даже уездный хирург, чистюля и ворчун, заходя в аптеку к старому приятелю, неизменно приподнимал старенький котелок:

— Это же не аптека, а почти операционная!

Марусю интересовали лекарственные травы. Еще в детстве от бабки слышала она, что растет в брянских лесах по кромке оврагов и буераков волшебная сон-трава, которая помогает ворожеям предсказывать людям судьбу. Девушка рассказала о сон-траве провизору. Старик всплеснул руками:

— Бог мой! Да я и без этой травки могу предсказать: сидеть тебе на моем месте...

Он вытащил из стола толстую книгу и положил на тумбочку перед Марией. Заговорщицки ей подмигнул и, смутившись, ушел в глубь аптеки, напевая под нос. Мария прочитала название книги: «Фармакология». И никого не удивило, что в скором времени девушка стала учиться на вечернем рабфаке. Потом — в фармацевтическом училище. Со стороны казалось, что все Марусе дается легко: труд, учеба, участие в художественной самодеятельности, выступления в агитбригаде жуковских синеблузников. В это же время возникла дружба с Алексеем, который теперь каждый вечер встречал девушку у порога аптеки.

...Поздним вечером тихо в сосновом лесу. Но если прислушаться — глуховато шепчут вершины и шелестят упругие травы под ногами. А Марии Константиновне кажется, что не листья и травы шелестят — родной голос, не забытый за десятилетия, зовет ее. Сузилась тропка, повела с песчаного лесного косогора к пойменной дубраве. Здесь Маша когда-то собирала медоносную траву-таволгу, здесь первый раз поцеловал ее Алексей. И сына они назвали Алешей. Как только он чуть подрос, мать стала брать его, вместе с другими мальчиками, в лес за лекарственными травами. Помнится, семенит за ней сынок, через плечо — полотняная сумочка, забрызганная росой, в сумке — разноглазые соцветия.

— Мама, мама! Ты сказала, что эту травку зовут Седая Вероника? Она очень старенькая?

— Цветы не стареют, сынок.

— А ты будешь старенькой?

— Буду, сынок.

— И я?

— И ты...

Весной сорок первого года сыну исполнилось восемь лет. Собирались всей семьей поехать в Брянск, купить Алеше-младшему ранец, букварь, пенал, тетрадки. Не пришлось... С 23 июня у военнообязанной Лебедевой был новый адрес: хирургический полевой передвижной госпиталь первой линии № 2294. Туда сначала приходили письма — от мужа с фронта, от матери и сестры из Жуковки. Потом писем не стало, Брянщину оккупировал враг. В партизанский отряд ушли мать, сестра Зина. Взяли с собой и Алешеньку.

Но об этом заведующая госпитальной аптекой Мария Лебедева узнала много позже — в сорок четвертом.

Снова круто повернула лесная тропа. Лохматятся ели, прячут в лапах лунный диск. Словно хотят колючими ветвями уцепиться за руку, не пустить в чащобу. Но теперь уже и с тропы не свернешь. Ведет она по гнилой гати к сырому бору, где растет плакун-трава.

В тот памятный день в госпиталь привезли много раненых. Крови для переливания не хватало, и Мария Константиновна вместе с подругами — медсестрами и врачами утром сдала кровь. В голове шумело. Иногда земля уходила из-под ног и надо было облокачиваться на зыбкую брезентовую стену аптечной палатки, чтобы не упасть. Вечером привезли еще двух солдат. Врачи к тому времени сменились, и Лебедева еще раз сдала кровь. Порозовели серые щеки юношей.

Поздно вечером был заранее назначенный концерт для раненых. Она заставила себя выйти на маленькую площадку, тесно обставленную койками, читала стихотворение Константина Симонова «Жди меня». Она видела, как сквозь дымку: приподнялся на локоть обоженный, забинтованный до глаз танкист, улыбнулся ей улыбкой страдания безногий минер, затихли в госпитальной палатке стоны — слово утоляло жгучую боль.

Придя в себе, не сразу заметила треугольник письма на аптечной тумбочке. Незнакомый почерк, неумелые слова утешения. Писал из Жуковки по просьбе матери сосед-инвалид: на второй год жизни в партизанском лагере Алешенька захворал. Исхудал так, что не десять, а шесть лет ему можно было дать. Пошли по телу нарывы, распухли десны. И не помогал ни хвойный отвар, ни сушеная ягода. Вместе с другими ранеными и больными собирались его отправить на Большую Землю, да не успели. Когда после боя с карателями и полицаями хоронили в густолесье погибших партизан, Алешеньку положили вместе с ними. Мать просила запомнить: три старые ели у могилы она отметила вырубками — теперь, когда фашистов прогнали, можно было бы и добраться туда, но нету сил: мается после ранения. Спустя недели три после смерти мальчика попал их отряд в окружение, потом в плен. Эсэсовцы загнали их в узкий глубокий овраг, расстреляли. Погибла сестра Зина, а мать случайно осталась жива и, оставляя на снегу кровавый след, доползла до поселка.

...Кричать было нельзя. За матерчатой стеной метались в полусне раненые. Утром Марию Константиновну, почти закоченевшую на свежей солдатской могиле, привели в палату подружки. Накрыли, закутали шинелями, отогрели. И снова бесконечным рулоном бинта раскатывались фронтовые пути-дороги полевого госпиталя. Ельня. Калининский фронт. Украина. Румыния. Польша. Мария Константиновна попрежнему поддерживала безукоризненную чистоту под брезентовой крышей походной аптеки, по вечерам читала раненым стихи, фронтовые скетчи, задорные рассказы армейских сатириков.

Как-то раненый летчик досадливо сказал на всю палату:

— Есть же люди, кому и война нипочем! Кругом огонь, смерть, кровь, а она, знай, смеется...

Лебедева побледнела, качнулась, как от удара, закрыла лицо ладонями. На летчика зашикали, и старик санитар подошел к нему:

— Помолчи, товарищ лейтенант. Не знаешь ты нашу Марию. Для тебя, лейтенант, для всех вас она смех из своего собственного горя вылепила. Для тебя вчера и кровь отдала, когда лежал ты чуть живой...

Сдавать кровь Лебедева начала еще на фронте, но донором себя считает с послевоенных лет. С той поры, когда в сорок шестом вернулась в Жуковку, в опустевший нетопленный дом и положила рядом с письмом о смерти сына и сестры мужнину похоронку. На второй день пошла на кладбище, долго стояла на ветру перед могилой матери. Слез уже не было.

Когда вечером в ее дверь постучали, Лебедева удивилась: кому она понадобилась, зачем? Пришла соседка, солдатка, с глубокими, выплаканными глазами, нестарая еще, но седая женщина в черном платочке. Посмотрела на Марию, головой покачала, принялась растапливать печку. Потом чайник заворковал голубем-сизарем, и теплей стало на душе. А соседка говорила, что не по плечу каждой жить без доброго слова утешения. Просила соседка: пойдем, помолимся, попросим у господа и на нашу долю хоть чуточку его доброты.

Потом еще приходили какие-то женщины в черном, тихие, вкрадчивые, внимательные. Приносили — кто пару яиц, кто кусок сала, кто полкаравая хлеба.

Легко в такое время поддаться словам утешения. Но где-то в тайниках души жило сомнение в правдивости их слов. И странно звучали их настойчивые просьбы помолиться: чуждо ей было это. Одна, со своим горем, она все же сделала правильный выбор: не пошла. И как-то быстро исчезли из ее жизни эти женщины. Все это было, словно не наяву. А наяву была пожелтевшая любительская Лешенькина фотография. Еще на фронте Мария Константиновна спросила у корреспондента дивизионной газеты: «Отчего фотография бледнеет?» Фотокорреспондент повертел в руках листок, вздохнул, сказал: «Угасает она».

Точно так же, как в полусне, шла она однажды по улице Жуковки. И вдруг остановилась, словно вкопанная: на заборе висел плакат, на котором счастливая мать протягивала сына — точь в точь такого, как Алешенька, женщине с донорским значком на груди. Мария Константиновна осторожно отколола плакат и на следующий день повесила его в аптеке. А кровь сдавала регулярно, видела в этом свой долг перед теми, кто в ней нуждался. Вскоре снова засверкали стекла, сменившие листы фанеры в окнах, и люди стали приходить сюда не только за лекарством, но и за добрым словом. Знали: Лебедева так просто не отпустит, если тяжко на душе у человека. Знали, что обо всем можно ей сказать, не таясь, попросить совета, помощи, просто душевной теплоты.

Как-то вечером заглянула Мария Константиновна в местный клуб. Вошла, присела на задней скамеечке в пустом зале. На сцене группа юношей и девушек репетировали пьесу «Русские люди». Худенький очкастый режиссер суетился перед рампой, чуть

не плача. И самодеятельные артисты разнервничались — не получалось...

Женщина подошла к режиссеру, тронула его за рукав:

— Давайте, ребятки, я расскажу вам про фронт...

С того дня ни репетиции, ни вечера молодежные уже без Лебедевой не проходили. Сначала кое-кто удивлялся: как это так — старая женщина и вдруг в молодежной программе. Но стоило только раз посмотреть, послушать ее выступление — всякие вопросы отпадали сами собой. Столько искренности, доброжелательности, неизжитой, не развеянной годами сердечной молодости было в ее голосе, во всем ее облике, что простые слова известного всем стихотворения обретали глубину, силу чувств.

Сорок лет и один месяц проработала Мария Константиновна в жуковской аптеке. Отдала ключи от входной двери новому фармацевту, думала — появится свободное время, но куда там... Пятый созыв избирают ее жуковцы народным заседателем районного суда. Опытные юристы иной раз советуются с ней: ведь бывают же такие жизненные ситуации, когда только искреннее и прозорливое чувство справедливости может разрубить гордиев узел запутанных человеческих отношений. А сколько молодых семей спасла за эти годы Лебедева от неминуемого, казалось бы, распада! Как-то сказала таким вот, смотрящим в разные стороны, молодым:

— Как бы мне хотелось иметь внука...

И рассказала о своей судьбе, не жалуясь, а просто так...

Через год пришли к ней эти молодые. Женщина протянула Лебедевой завернутого в одеяльце малыша, сказала:

— Это ваш внук, Мария Константиновна!

Как-то пенсионерку-коммунистку Лебедеву пригласили в райком партии. Усадили, положили перед ней на стол несколько папок уголовных дел. На условноосужденных несовершеннолетних. Попросили: станьте для них, Мария Константиновна, тем, чем матери стать не сумели,— воспитательницей. И тогда взяла в свои руки Лебедева не папки уголовных дел, а судьбы людские.

Николай Р. Приводы в детскую комнату милиции за хулиганство. Мелкая кража. Пьяный дебош. В шестнадцать лет — судимость. Николай встретил Лебедеву настороженно. Казалось, что он — воплощенная грубость и злость. Но она увидела за этими чертами парня еще одну, скрытую: потрясающую беспомощность. Парень отмалчивался, только во время пятой встречи грубо спросил:

— В мамки напрашиваетесь?

Женщина взглянула парню в лицо:

— Напрашиваюсь!

— Надо было своих иметь...

Лебедева протянула Николаю треугольник старого письма и уже совсем угасшую фотографию. Парень прочитал, опустил голову. Сказал:

— Может, надо поискать в лесу те елки с отметинами.

Они много раз ходили по брянским дебрям, но так и не нашли партизанского урочища — слишком много встречалось елей с отметинами и безымянных холмиков на заросших молодняком полянах.

Потом, когда Николая призвали в армию, чуть не каждую неделю приносил почтальон письма из воинской части. Солдат рассказывал о своих новых товарищах, о командирах, о первой благодарности, объявленной ему перед строем. Просил в письмах: пусть не переутомляет себя тетя Маша, потому что ему, воину, легче будет служить, если уверен он, что она — в добром здравии.

Работает в Жуковке и ее воспитанник Александр Н. Тонкая это ниточка — условное осуждение. Ослабил — из рук выскользнет, натянул сверх меры— конец доверию, разрыв. Лекарство для этих трудных ребят не изобретено. Нужно придумывать самой, причем каждый раз — новый, неповторимый рецепт. Завтра обязательно надо зайти к Саше, пригласить его на концерт в честь Дня Победы. Комсомольцы Жуковки попросили ее выступить.

Лебедева вышла из лесу на широкую поляну, на свет городских окон. Чуть поодаль, сзади послышались смех, шутки. Это ее провожатые. Не послушали. Пошли по лесной дороге следом.

Каждый год, когда сходит последний снег с лесных троп, Лебедева вместе с друзьями — школьниками — идет на заветные поляны, где расцветает весной счастливый цветок горицвет. Мария Константиновна собирает его и относит своим сверстницам — фронтовичкам, партизанкам, солдатским вдовам. Потому что горицвет врачует самый горький недуг — сердечную боль.

ДОБРОТА

РИЗА [illegible]

Доброта! Это [illegible] — [illegible] солнце [illegible] [illegible]
Доброта! [illegible] этом [illegible] — безбрежность пути.
Слово — солнце, ты — [illegible] в [illegible] руках.
[illegible] сквозь туманы, сквозь бури свети!
Может, я поднимусь до гудящих высот,
Может, я упаду и никто [illegible] [illegible] —
И тогда, [illegible] даже гореть на огне,
Это слово, [illegible] память, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
С детства в [illegible] моих, [illegible] кровь, разлита
[illegible] лучами зари доброта.
Годы — горные реки. Легла седина
На виски, душу высветлив думой до дна.
Иногда обессиленно руки дрожат
И на сердце усталости тени лежат.
Я тогда поднимаю [illegible] к небесам.
Вижу: тучи плывут. И взмываю [illegible] [illegible].
[illegible] усталый орел, отправляюсь в полет, —
Пусть лютует жара, пусть [illegible] — гололед!..
Если крылья обрел, я, ликуя, парю, —
Над бедой и над радостью — сердцем горю!
И беседую ль с солнцем, дружу ли с луной, —
Доброта — [illegible] [illegible] повсюду со мной.
С [illegible] словом ложусь, с этим [illegible] встаю,
Я душою открыт — доброты не таю.
Доброта наполняет [illegible] до краев.
Я иду по [illegible] — и храню соловьев,
И родник, [illegible] [illegible] под горой, сберегу,
И речушку, и иву — на [illegible] берегу.
На вершину по тропке [illegible] крутой
Поднимусь, одержимый [illegible] добротой.
Пусть ведет [illegible] и звездам [illegible] мечта, —
Доброта, [illegible] солнце, [illegible] [illegible] разлита!
Потому что, мой друг, на [illegible] большаке.
[illegible] народы идут, [illegible] [illegible] — свети!
Потому что, мой друг, — [illegible] [illegible] в руке.
Доброта — мой [illegible] [illegible] вселенском пути.

Перевел с татарского
ВЯЧЕСЛАВ КУЗНЕЦОВ

ЕДИНСТВО ОБУЧЕНИЯ И

Атеистическое воспитание в высшей школе является неотъемлемой частью общей системы формирования коммунистического мировоззрения, находится в органическом единстве с воспитанием политическим, интернациональным, нравственным.

Наш журнал неоднократно знакомил читателей с опытом атеистической работы среди студенческой молодежи (см., например, 1970, № 12; 1971, № 10; 1972, № 10; 1973, № 4, 8, 10, 11; 1974, № 10; 1975, № 10). Предлагаем очередную подборку материалов о содержании и специфике атеистического воспитания студенчества.

ЗРЕЛОСТЬ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ

З. ТАЖУРИЗИНА,
доцент кафедры истории и теории атеизма Московского университета

НА XXV СЪЕЗДЕ партии подчеркивалось, что одна из основных задач идеологической работы — «воспитание коммунистической сознательности, готовности, воли и умения строить коммунизм». Сердцевина, ядро всего воспитательного процесса — формирование целостного коммунистического мировоззрения, которое определяет отношение личности к окружающему миру, к обществу. Какое же место в воспитании сознательного строителя коммунизма занимает атеистическое отношение к миру? Если

Фотохроника ТАСС

ВОСПИТАНИЯ

поставить вопрос более остро, он будет звучать так: может ли человек обладать высокими гражданскими качествами, занимать активную жизненную позицию, если при этом он проявляет безразличие к религии? Может ли равнодушное отношение к религии сочетаться с мировоззренческой зрелостью?

Французский просветитель XVIII века Поль Гольбах считал, что религиозный индифферентизм — это довольно высокая степень свободы личности от религии, предполагающая убежденность человека в материальности мира. И действительно, в эпоху, когда религия была господствующей формой общественного сознания, человек, игнорировавший ее, во многом поднимался над общим мировоззренческим уровнем современников, даже если он прямо не высказывал антирелигиозных взглядов. Но достаточна ли такая позиция для гражданина развитого социалистического общества?

Как известно, социалистические общественные отношения обусловили массовый отход трудящихся от религии. Большинство советских людей в своей жизни и творческой деятельности обходятся без религии. Однако безрелигиозный подход к миру не всегда означает глубокую убежденность в противоположности научного и религиозного мировоззрения, в необходимости борьбы с религией. Более того, человек, равнодушный к религии, при определенных обстоятельствах может подпасть под ее влияние. Поэтому мы, воспитатели молодежи, должны строже относиться к уровню мировоззренческой зрелости неверующих. Как свидетельствует опыт преподавания атеизма в вузах, среди студентов есть и индифферентные по отношению к религии. Надо ли говорить о том, что безразличное отношение к религии в условиях развитого социализма — это недостаточный уровень мировоззренческой зрелости, останавливаться на котором нельзя. Только будучи глубоко убежденным в истинности и плодотворности материалистического, атеистического отношения к природе и обществу, человек может свободно развивать свои способности и содействовать развитию других членов общества.

Общеизвестно, что формирование атеистической убежденности — как и весь процесс идейной закалки студентов — осуществляется в вузе на основе принципа единства воспитания и обучения. Когда мы говорим о единстве атеистического обучения и воспитания, мы имеем в виду не только воспитание в процессе изучения курса научного атеизма, — атеистическое обучение понимается более широко, оно включает в себя и те элементы знания, которые содержатся во многих специальных дисциплинах. Почти любой учебный предмет может быть использован для расширения атеистической информации и воспитания атеистической убежденности. Сейчас некоторые преподаватели специальных дисциплин (биологии, физики, химии и т. д.) стремятся делать атеистические выводы из этих наук.

Связь обучения и воспитания больше всего обнаруживается в процессе преподавания общественно-политических дисциплин. Уже само содержание марксистско-ленинской философии, в том числе научного атеизма, будучи усвоено студентом, формирует в нем коммунистические черты. Однако сделать содержание всего идейного богатства общественно-политических дисциплин внутренним достоянием личности, превратить принципы марксистской философии в личные убеждения студента — задача не простая. Поэтому встает вопрос: каким образом поистине неисчерпаемое содержание общественных дисциплин превратить в основу убеждений и поведения личности? И в частности, каким образом само преподавание научного атеизма сделать более действенным воспитательным процессом?

В нашей педагогической и философской литературе уделялось немалое внимание анализу обучения как фактора воспитания, рассматривались разнообразные аспекты воспитания атеистической убежденности в процессе преподавания научного атеизма. Мне хотелось бы остановиться лишь на некоторых сторонах этой проблемы.

Возьмем вопрос об объеме атеистической информации. Объем информации, как известно, играет не последнюю роль в выработке идейных установок. Разумеется, информация при этом рассматривается и подается с марксистских мировоззренческих позиций — только в этом случае она может способствовать формированию идейной убежденности. Объем

материала, получаемого студентом в процессе изучения курса основ научного атеизма, хотя и невелик, но позволяет создать фундамент знаний, необходимых для выработки непримиримого отношения к религии. Но не надо забывать о том, что студент — не пассивно воспринимает те или иные идеи, он осознанно и активно относится к процессу воспитания. И в конечном счете, задача преподавателей — не только подготовить отличных специалистов, но и воспитать воспитателей, которые сами оказывали бы мировоззренческое влияние на окружающих, в частности были бы способными к активной пропаганде материалистического мировоззрения. С учетом этого требования объем атеистической информации должен быть более широким. Но как его увеличить при довольно сжатой программе? Мне кажется, прежде всего за счет самостоятельной работы студентов. Говоря на XXV съезде КПСС о необходимости серьезного совершенствования всей общеобразовательной системы, товарищ Л. И. Брежнев подчеркивал, что в современных условиях «невозможно делать главную ставку на усвоение определенной суммы фактов. Важно прививать умение самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в стремительном потоке научной и политической информации».

С самого начала преподавания курса атеизма перед студентами должна быть поставлена задача не просто впитывать знания, но и готовиться быть проводником коммунистического мировоззрения. И их практическая деятельность (чтение атеистических лекций перед населением, организация атеистических вечеров, налаживание атеистической работы среди школьников, если речь идет, например, о педагогическом вузе) заставляет студентов более критично относиться к имеющемуся у них атеистическому багажу, приводит к необходимости пополнения знаний.

Само собой разумеется, что мы, преподаватели атеизма, должны хорошо знать тенденции в развитии религиозного и атеистического сознания, выработать здесь правильный методологический подход. В соответствии с этим преподаватель атеизма может переключать внимание студентов на актуальные вопросы, не всегда предусмотренные программой. Приведу пример. Известно, что сейчас на Западе, где интенсивно идет процесс размывания традиционных форм религии, их место нередко занимают (в силу специфики капиталистического общества, неизбежно воспроизводящего религиозные иллюзии) культы, связанные с буддизмом, дзен-буддизмом, индуизмом, хотя, казалось бы, европейская и американская почва неблагоприятна для этих специфически восточных религий. Поэтому преподаватели должны, критикуя буржуазный образ жизни, анализировать причины и характер этого явления.

Интерес к Востоку, его истории, философии, религии, искусству в последние десятилетия усилился и в нашей стране. В этом нет ничего удивительного: в нашу эпоху все более очевидным становится тот факт, что страны Востока внесли неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры. История и культура стран Востока стала объектом пристального внимания ученых-искусствоведов, историков, филологов, этнографов, а также философов. Появилось немало исследований, переводов оригинальных произведений. Изданы антологии древнеиндийской и древнекитайской философии, переводы Дхаммапады, Рамаяны, Махабхараты и т. д. Интерес советских людей, в том числе и молодежи, к восточной культуре — явление положительное. Включение культурного богатства других народов в сферу сознания молодежи способствует воспитанию уважения к ним, расширяет кругозор, помогает формированию всесторонне развитой личности

Но, с другой стороны, следует иметь в виду и издержки этого явления. Литература, посвященная Востоку, его культуре, религии, не всегда воспринимается критически. Кроме того, помимо издаваемой у нас научной и популярной литературы, имеют хождение и сочинения, носящие религиозно-апологетический характер: переводы сочинений теоретика дзэн-буддизма Судзуки, письма Е. И. Рерих, многочисленные руководства по йоге, не всегда свободные от религиозно-мистических идей, и т. д. В отдельных случаях все это может привести к усвоению ложных, антинаучных, мистических идей.

По исследованиям дипломника кафедры истории и теории атеизма МГУ А. С. Дидика, некоторые его товарищи из числа интересовавшихся раджа-йогой, уверовали в наличие сверхъестественных оккультных сил, связь с которыми якобы устанавливается в результате йоговских упражнений.

Идеи и специфическая терминология религиозно-мистических учений, в том числе восточных, иногда проникают и в художественную литературу.

В рассказе Валерии Алфеевой «Дом и сад» (журнал «Новый мир», 1976, № 3) настольной книгой героини является «Бхагаватгита», к которой она не раз обращается за ответом на вопрос о смысле жизни, пытаясь одновремен-

но понять «тайную силу» краткости изречений этой книги, которая «сродни краткости заповедей». Конечно, драгоценные крупицы народной мудрости содержатся и в иных религиозных книгах, но вряд ли это может служить основанием для того благоговейного отношения к ним, которым полна героиня рассказа Алфеевой. Поистине, «Бхагаватгита» превращается в путеводитель жизни, несущий героине откровение и утешение. «Так же как и Владыка мира, действуй бескорыстно», «Разум — лишь одна из данных нам энергий, и, вероятно, не самая главная» — подобные сентенции отнюдь не способствуют воспитанию у читателя материалистического миропонимания.

По-видимому, нам, преподавателям атеизма, нужно обратить больше внимания на осмысление особенностей восточных религий и сущности связанных с ними религиозно-философских концепций, не ограничиваясь анализом христианства (или ислама — в среднеазиатских республиках). Мы, преподаватели кафедры атеизма МГУ, учитывая интересы части студентов физического и биологического факультетов МГУ, организовали чтение спецкурса «Современные восточные религии». В университетском Институте стран Азии и Африки в течение многих лет в дополнение к основному курсу читается история восточных религий.

Однако в воспитании активной мировоззренческой позиции нельзя ограничиваться преподаванием. Полезно использовать творческие способности студентов для самовоспитания и благотворного влияния на других. В течение ряда лет студенты Института стран Азии и Африки пишут рефераты, выступают с докладами о религиях тех стран, которые они изучают. На философском факультете студенты пишут курсовые и дипломные работы, где анализируется специфика религиозно-философских течений Востока, аргументированно критикуется современная идеалистическая интерпретация духовной культуры восточных народов. Результаты студенческих исследований становятся предметом обсуждения на заседаниях Клуба атеистов МГУ. Большим успехом у студентов пользовались, например, сообщения С. Лебедева о современном дзэн-буддизме, Т. Юраскиной о сущности йоги. Работавшая над проблемами индийского атеизма Л. Гаджикурбанова прочла не одну лекцию по критике буддистской морали.

Одна из важных задач, стоящих перед преподавателями атеизма, заключается в том, чтобы раскрыть идейное богатство материализма и атеизма, показать длительный и отнюдь не простой путь их развития в необычайно трудной, подчас трагической борьбе с идеализмом и религией. Большинству студентов материалистическое объяснение мира представляется само собой разумеющимся, религиозно-идеалистическое — ошибочным, неприемлемым. Это огромное завоевание нашего общества. Но на фоне широкого распространения материалистического мировосприятия иногда упускается из виду, какого труда стоило и стоит человечеству утверждение материалистических взглядов. Некоторые студенты считают, что материалисты прошлых эпох не представляют интереса, поскольку «взгляды у них у всех одинаковы». А между тем курс научного атеизма содержит богатые возможности для воспитания у студентов уважения не только к диалектическому материализму, но и к материализму прошлых эпох, — надо только более внимательно отнестись к истории атеистических учений, которая предусмотрена программой, но нередко излагается формально, сухо. История атеизма может оказать огромное воздействие на формирование у студентов убежденности в высокой ценности, научности, гуманности, огромном идейном богатстве материализма и атеизма прошлого, надо только выявить их неповторимое своеобразие и в каждую историческую эпоху, и у каждого атеиста. Как близки, например, друг к другу и вместе с тем как своеобразны Демокрит и Эпикур! Оба атомисты-материалисты, но сколь различно понимание ими атома. Даже в представлениях о богах они не были единодушны: Демокрит считал их присутствующими в мире подобно природным стихиям, рождающимися и умирающими, распадающимися на атомы. Эпикур же вывел их в «междумирия», лишив способности вмешиваться в земные дела.

Атеистов преследовали, физически уничтожали, а они проявляли при этом нравственную стойкость и веру в торжество человеческого разума. Лючилио Ванини, сожженный инквизиторами, перед смертью сказал утешавшему его монаху: «Христос потел от страха в последние минуты, я же умираю неустрашимым». Джордано Бруно мужественно воспринял приговор о смерти. «Вы с бóльшим страхом объявляете мне приговор, чем я выслушиваю его», — сказал он судьям. И дело не только в моральном подвиге атеистов прошлого, — прежде всего мы их ценим за научный, интеллектуальный подвиг.

В любую эпоху самым правильным подходом к миру был материалистический, и пропаганда материализма и атеизма в века религиозного засилья содействовала социальному

прогрессу. Такие эпизоды взывают не только к разуму, но и к чувствам студентов, создают благоприятный эмоциональный фон для усвоения мысли о величии и социальной ценности материализма и атеизма, способствуют воспитанию высоких нравственных качеств — гражданственности, бескомпромиссности в борьбе с религиозно-идеалистической идеологией, мужества и стойкости.

А сколько возможностей для воспитания активного отношения к миру содержит в себе раскрытие поступательного, во многом противоречивого развития атеизма, преодоления им его собственной непоследовательности, его переходов от скрытых в теологической оболочке «ересей» к наиболее последовательной форме научного атеизма. Марксистский атеизм опирается на огромную творческую работу предшествовавших материалистов. Только идеологи самого революционного в истории класса — пролетариата — смогли дать последовательно атеистическое учение. Уяснение проблем, связанных с историей развития атеизма, требует от студентов глубоких знаний в области философии и истории, убеждает в неисчерпаемости духовного богатства материализма.

Важным воспитательным моментом в курсе основ научного атеизма является также диалектический, классовый подход не только к религии, но и к ее критике. Общеизвестно, что религия — одно из самых действенных средств духовного угнетения трудящихся в мире капитала, но известно также и то, что в религиозной форме могут выражаться настроения части трудящихся, борющихся за переустройство общества. Так, в некоторых вариантах «левого христианства», в «теологии революции» отражается стремление масс покончить с обществом эксплуатации, при этом не исключаются действительно революционные методы борьбы с ним. Это вовсе не свидетельствует об изменении роли самой религии в современной социальной борьбе, — религиозная форма, даже облекающая прогрессивное социально-политическое содержание, сковывает социальную активность, способствует сохранению влияния буржуазной идеологии на рабочий класс.

Вместе с тем нужно учитывать также и то, что не любой критик религии в капиталистическом обществе является атеистом, более того, не любой критик религии может быть нашим союзником. За критическими по отношению к религии суждениями может скрываться буржуазная идеология. Известно, например, как яростно нападал некогда на христианство Ф. Ницше; Муссолини когда-то написал книжку «Нет никакого бога».

Ныне подняты волной секуляризации сотни и тысячи буржуазных критиков религии. Деятельность той части буржуазной интеллигенции, которая отражает настроения наиболее демократических слоев буржуазии и продолжает традиции французских материалистов и Фейербаха, носит прогрессивный характер, нередко тяготеет к марксизму (творчество К. Ламонта, например). Но многие буржуазные идеологи, приспосабливаясь к объективно происходящему ныне в мире процессу секуляризации, пытаются выработать новые, нерелигиозные и внешне даже антирелигиозные формы борьбы с марксизмом. Под флагом «свободомыслия», борьбы с религией они обрушиваются с нападками на марксистско-ленинское учение, приписывая ему черты религиозного догматизма. Именно в этом смысле «свободомыслие» противопоставляется марксизму. Наша задача — опираясь на историко-атеистический материал, на марксистское осмысление фактов современной идеологической борьбы, показать студентам буржуазную ограниченность этого «свободомыслия», ненаучный характер его подхода к религии, необъективность, пристрастие к защите капиталистических порядков.

Подлинным свободомыслием в отношении к религии является именно марксистско-ленинский атеизм, который, опираясь на один из основных тезисов философского материализма о том, что мыслить свободно — значит, мыслить и действовать в соответствии с законами объективного мира, провозглашает и осуществляет право разума на свободное критическое рассмотрение религии, научно раскрывает законы ее существования и отмирания. Именно с этих позиций марксисты в капиталистических странах борются против буржуазных антиклерикалов внутри союзов свободомыслящих. Наиболее ярко идейная борьба между марксистской и буржуазно-антиклерикальной линией проявляется в итальянской ассоциации свободомыслящих имени Джордано Бруно[1].

Таковы некоторые проблемы научного атеизма, правильное и целенаправленное раскрытие которых позволяет формировать духовный облик советского студента, воспитывать гордость за причастность к марксистско-ленинской идеологии, способность защищать эту единственно научную идеологию в борьбе с идейными противниками.

---

[1] См.: А. Донини, Д. Конфорто. «Джордано Бруно» — ассоциация итальянских свободомыслящих. «Вопросы научного атеизма», 1971, № 12; «Наука и религия», 1974, № 11.

ПРЕОДОЛЕВАЯ ТРУДНОСТИ

С. БЕНКЛИЕВ,
доцент исторического факультета
Воронежского университета

Общеизвестно, что успех любого дела определяют образованные, умелые и увлеченные своей деятельностью люди. Это в полной мере относится к идеологической работе, в частности к атеистической пропаганде.

Значительный вклад в подготовку квалифицированных кадров пропагандистов научного атеизма вносит высшая школа, особенно гуманитарные факультеты университетов и педагогических институтов. Многолетний опыт работы нашей кафедры подтверждает это.

Исторический факультет, как и многие другие, готовит преподавателей средних учебных заведений, преимущественно учителей сельских средних школ. Хорошо известно, что изучение истории и обществоведения играет важную роль в атеистическом воспитании школьников, однако часть учителей либо вовсе не считает необходимым формировать атеистическое мировоззрение на этих уроках, либо делает это эпизодически, да и то подчас примитивно и неудачно.

После наших лекций, прочитанных учителям истории и обществоведения на областном семинаре при Институте усовершенствования учителей, многие слушатели признались, что вести атеистическое воспитание и в учебной и во внеклассной работе им чрезвычайно трудно — главным образом из-за того, что в студенческие годы они не получили ни научно-теоретических, ни методико-практических знаний. А учителю просто необходимо иметь достаточную теоретическую и практическую подготовку, ясно понимать основные задачи атеистического воспитания, владеть его наиболее эффективными методами.

К сожалению, в таком крупном университете, каким является Воронежский, нет специальной кафедры научного атеизма. Поэтому мы на кафедре истории древнего мира, идя навстречу пожеланию студентов, интересующихся историей и теорией атеизма, более 25 лет готовим пропагандистов научного атеизма начиная с первого курса.

Во всех разделах лекционного курса истории древнего мира, читаемого первокурсникам (первобытное общество, древний Восток, Греция и Рим), обстоятельно излагаются проблемы истории религии и свободомыслия. Преподаватели подробно рассказывают о причинах возникновения религиозных верований, роли религии в первобытном обществе, в античных государствах.

В программе изучения истории Римской империи есть специальная тема «Происхождение христианства и его ранняя история». Мы рассматриваем ее в свете новейших открытий, используя фактический, источниковедческий и историографический материал. История раннего христианства излагается не изолированно, а в связи с современным состоянием христианства.

Значительное внимание уделяется проблемам религии и атеизма и в курсе истории средних веков.

Таким образом, до специального курса «Основы научного атеизма» (студентам дневного и вечернего отделений он читается на IV курсе, а заочникам на VI) они уже получают достаточную атеистическую подготовку. Об этом говорят сами студенты: «Нам легко слушать курс основ научного атеизма, так как почти все знакомо и понятно, потому что в спецкурсе, а особенно в спецсеминаре, мы рассматривали многие темы значительно глубже, с привлечением источников, историографии и других данных».

Многие студенты поняли, как важно будущему учителю истории и обществоведения пройти в университете серьезную научно-теоретическую и методико-практическую подготовку, чтобы успешно вести как атеистическое воспитание учащихся, так и пропагандист-

скую работу среди населения. Некоторые студенты изъявляли желание курсовые работы писать по атеизму, участвовать в научном студенческом кружке. Николай Мартыненко с первого курса заинтересовался вопросами религии и атеизма. Он написал несколько курсовых работ, успешно прочел доклады на студенческих научных конференциях и специальном семинаре, выступал с лекциями, написал отличную дипломную работу, стал нашим аспирантом. Защитив диссертацию, Н. Мартыненко вот уже несколько лет работает доцентом Воронежского лесотехнического института. Он стал председателем научно-методического совета по атеизму областной организации общества «Знание».

Теоретическая и практическая подготовка пропагандистов научного атеизма проводится на старших курсах, когда начинается специализация студентов по кафедрам. На дневном отделении мы читаем спецкурсы и проводим спецсеминары на III и IV курсах, а на вечернем и заочном — на IV и V. Спецкурсы и спецсеминары посвящены актуальным проблемам научного атеизма. Темы спецкурсов: научная критика Библии, проблемы происхождения христианства в свете новейших открытий, русская православная церковь в прошлом и настоящем. Не забыты такие темы, как «Методика атеистического воспитания учащихся (учебная, внеклассная и внешкольная)», «Средства и формы научно-атеистической пропаганды среди населения». Перед студентами выступают партийные работники, преподаватели педагогического, инженерно-строительного вузов. В этих, как и в других воронежских институтах, и особенно в лесотехническом и сельскохозяйственном, также готовят пропагандистов научного атеизма, но университетская школа — старейшая в нашем городе.

Взаимосвязь между подготовкой пропагандистов атеизма и учебным курсом по этому предмету особенно плодотворно проявляется на заочном отделении, где основы научного атеизма читаются на VI курсе, когда студенты уже прослушали спецкурс и закончили работу в спецсеминаре.

Многолетний наш опыт убедительно доказывает, что когда в вузе нет кафедры научного атеизма и даже официальной специализации, то из всех видов учебных занятий наиболее эффективной формой подготовки пропагандистов является спецсеминар. На него отводится, как правило, 32—36 часов, а на заочном отделении — 16—18.

Какова же его методика? В семинаре участвуют не более 15 человек, проявивших интерес к атеизму и пропагандистской работе. Занятия начинаются с вводной лекции. После выбора тем руководитель спецсеминара дает список литературы и краткую консультацию. В течение месяца студенты готовятся к докладам, пишут рефераты, а руководитель консультирует. Студенты приобретают навыки исследовательской работы и лекторского мастерства.

Конечно, не все в одинаковой степени справляются с подготовкой рефератов, но многие, особенно на дневном отделении, пишут их не только хорошо, но и отлично.

Каждой теме отводится одно занятие. В течение часа докладчик излагает содержание реферата, отвечает на вопросы. Второй час — обсуждение. Прежде по каждому докладу назначался оппонент, но в последние годы мы отказались от этого: практика показала, что студенты лучше готовятся к каждому занятию и почти все участвуют в обсуждении. Дискуссии прививают интерес к научной и пропагандистской работе.

Подготовку пропагандистов мы разделяем на две основные части: научно-теоретическую и практическую. Каждый студент перерабатывает свой реферат в зачетную лекцию, с которой он обязан дважды выступить перед населением: рабочими, колхозниками, учащимися. Наши пропагандисты побывали на заводах: машиностроительном имени Ленина, «Электросигнале», Шинном, «Воронежсельмаш», экскаваторном имени Коминтерна и других, выезжали в районы области: Верхнехавский, Кантемировский, Верхнекарачанский, Березовский, Острогожский...

Вот как писал в областной газете «Коммуна» студент А. Силин о поездке в Верхнехавский район: «Поездка дала нам большой опыт практической работы, мы познакомились с жителями района и с постановкой там пропаганды атеистических знаний... Каждый студент провел не менее шести-семи лекций и бесед... Такие поездки нужно проводить чаще: они полезны и для населения, и для студентов». Сейчас автор статьи, бывший активный участник нашего семинара, работает секретарем Центрального райкома партии Воронежа.

За 25 лет в университете подготовлено более 500 пропагандистов атеизма. Около ста студентов писали дипломные работы на атеистические темы и успешно их защитили. Только за три последних учебных года было защищено 18 работ по научному атеизму, и большинство с оценкой отлично. Некоторые были рекомендованы к печати. Все дипломные работы, по нашему мнению, посвящены актуальной те-

матике. «Критика проповеднической деятельности служителей православной церкви (на материалах Воронежской области 1964—1974 гг.)» — тема дипломного сочинения студента В. Кривкина. В течение двух лет он изучил обширную литературу, в том числе и богословскую, прослушал много проповедей как в церквах Воронежа, так и в районах области. Студентка-заочница Г. Шамаева, сотрудница сельской библиотеки, написала на материалах Новоусманского района интересную работу: «Деятельность работников массовой библиотеки по атеистическому воспитанию населения». Дипломантка проводит лекции, читательские конференции, индивидуальные беседы с верующими, подбирает для них литературу. Тема дипломного сочинения студентки Т. Конюшко — «Идеология и деятельность евангельских христиан-баптистов на примере общины Павловского района». Т. Конюшко изучила литературу по этой теме, вела индивидуальную работу с верующими. К моменту защиты диплома две баптистки сообщили в районную газету о своем выходе из общины. И сейчас, работая учительницей Павловской средней школы, Т. Конюшко ведет активную научно-атеистическую пропаганду.

Наиболее существенным результатом всей нашей работы мы считаем то, что многие бывшие участники спецсеминаров продолжают научную и пропагандистскую деятельность. Так, И. Люков, отлично защитивший диплом в 1955 году, работает в Липецком обкоме КПСС, ведает там вопросами атеизма.

Кафедрой подготовлено пять кандидатов наук. Аспиранты, как в период учебы, так и позже, публиковали в местных и центральных издательствах научные, научно-популярные и методические работы. В настоящее время многие из них составляют костяк в группе воронежских пропагандистов атеизма.

г. Воронеж

ОПЫТ УДАЛСЯ

У нас в Белоруссии на базе ряда вузов и техникумов созданы народные университеты основ научного атеизма. В 1972 году такой университет был организован в Гомельском сельскохозяйственном техникуме. Комитет комсомола провел здесь большую работу по подбору слушателей. В оновном это были первокурсники. Уже в первый год университет занял важное место в воспитательной работе техникума.

Ректор университета В. С. Титовец вместе с советом, куда кроме него входят семь преподавателей, разработал учебно-тематический план. Лекции дополнялись беседами, семинарскими занятиями, просмотром научно-популярных и художественных фильмов и атеистической практикой. Было запланировано посещение дворца бракосочетаний, планетария, музеев, участие в новых праздниках и обрядах.

Разнообразные формы занятий заинтересовали слушателей. И результаты не замедлили сказаться: сейчас студенты с удовольствием ведут пропаганду атеистических знаний среди населения. Одна из слушательниц народного университета рассказала: «Как-то я ехала в поезде и разговорилась с девушками-попутчицами. Они говорили о таинственных, необъяснимых случаях и явлениях в жизни, верили в гадания. Я, конечно, не соглашалась с ними, но спорить не могла — не хватало аргументов. Сейчас я более уверенно разговариваю с такими людьми. У меня теперь есть необходимые знания и определенные навыки работы».

А вот мнение другой слушательницы: «Мне повезло, что я посещаю занятия университета. Полученные знания позволили мне подготовить беседы, которые я провела с нашими студентами. Когда я была на каникулах в родном селе — вела жаркие дискуссии с некоторыми своими подругами о сущности религиозных праздников и обрядов. Уверена, что наши беседы разбудили в них любознательность, желание побольше узнать о мире, религии, атеизме. Я сама чувствую, как занятия в народном университете приводят меня к более глубокому — осознанному пониманию сущности коммунистического мировоззрения».

Солидный опыт работы накопил народный университет основ научного атеизма при Гродненском сельскохозяйственном институте. Ректор университета кандидат философских наук Б. Б. Маргулес хорошо изучила интересы молодежи, умело подбирает для студентов темы по актуальным вопросам теории и практики научного атеизма. Все слушатели обязательно готовят лекции, которые затем прослушивает группа рецензентов, а потом они обсуждаются на заседании совета университета. В конце учебы проводится конкурс на лучшую лекцию.

Слушатели этого народного университета исследовали религиозность в деревне Индуры. Полученные данные были использованы в разработке рекомендаций по атеистическому воспитанию.

Опыт работы студенческих народных университетов по атеизму показывает, что это удачная форма не только формирования материалистического мировоззрения, но и подготовки активных пропагандистов атеизма.

Информация, хроника

■ В г. Глухове Сумской области состоялась районная научно-практическая конференция «Теория и практика научно-атеистического воспитания учащейся молодежи в свете решений XXV съезда КПСС и XXV съезда Компартии Украины», организованная райкомом партии, районным отделом народного образования и организацией общества «Знание». На пленарном заседании и на секциях было заслушано более 30 докладов, с которыми выступили партийные работники, преподаватели пединститута, учителя и студенты.

ОБРАЩАЯСЬ К ПРОШЛОМУ

Ф. НИКИТИНА,
доцент Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева

Одно из направлений современной буржуазной пропаганды, адресованной советскому человеку — это спекуляция на интересе молодых людей к прошлому и недостаточном знании ими истории. Книжки, брошюрки, издаваемые за рубежом, религиозные передачи по радио изобилуют измышлениями об извечной религиозности русского народа, всячески раздувают миф о народе-богоносце. На все лады повторяются слова Н. Бердяева: «Русский народ принадлежит к религиозным типам, религиозным в спиритическом смысле. Религиозными являются даже те русские, которые не верят в бога. Русский атеизм, нигилизм, материализм имеет религиозный оттенок. Русские, которые принадлежат к трудящимся массам, даже тогда, когда они порывают с ортодоксией, продолжают сохранять веру в бога и божественную истину» [1].

В качестве «доказательства» тенденциозно подбираются, а то и просто фальсифицируются факты. С одной стороны, из истории убирается все, свидетельствующее, что среди народных масс, несмотря на многовековые старания церкви, было распространено вольнодумство — результат равнодушного, а иногда и резко критического отношения к служителям культа, церкви и даже к религиозным догмам. Тщательно скрываются имена тех, кто поднимал свой голос против религии и церкви. Предаются забвению высокие оценки народного вольнодумства выдающимися русскими мыслителями революционерами-демократами А. И. Герценым, В. Г. Белинским, Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым. С другой стороны, превозносится церковь как извечная хранительница «лучших» сторон народного мировоззрения. Из всего этого делается вывод: атеизм в СССР не имеет глубоких корней, он — явление поверхностное, неглубокое. В книге «Духовные судьбы русского народа» профессор православной духовной академии в Нью-Йорке Н. Арсеньев пишет: «Русская духовно-религиозная и нравственная традиция продолжает жить, правда в резком противоречии с идеологией большевистских властителей и подверженных их влиянию кругов, но отнюдь не вопреки надеждам и чувствам широких масс русского населения» [2].

Подобные утверждения иногда доходят до нашей молодежи и могут дезориентировать незрелых в идейном отношении юношей и девушек. А мы, преподаватели общественных наук, не можем такого рода факты — пусть они и единичны — не принимать во внимание.

Прежде всего нужно ясно отдавать себе отчет в том, что интерес молодежи к прошлому — не какое-то временное поветрие. Он, несомненно, показатель возросшей общей культуры советских людей и в дальнейшем будет расти. Тут следует подумать: все ли использовано, чтобы сделать студентов невосприимчивыми к проискам наших идеологических противников, активными борцами против чуждого мировоззрения?

На мой взгляд, здесь, особенно в сложном деле атеистического воспитания студентов, есть еще резервы. Один из них — история народного вольнодумства. К сожалению, далеко не все преподаватели общественных дисциплин готовы к тому, чтобы использовать ее в лекциях и беседах. На это есть причины. В учебниках и учеб-

[1] Цит. по: «Критика современных буржуазных фальсификаций истории философии народов СССР». М., 1974, стр. 268.

[2] Цит. по: Э. И. Лисавцев. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1975, стр. 11.

ных пособиях, в том числе изданных в последнее время, эта тема места не нашла. Богатейший материал, накопленный советской наукой об антицерковной борьбе народных масс [3], известен лишь не многим специалистам. Монографического издания по истории в России народного свободомыслия, антиклерикализма и атеизма нет. А выпущенные местными издательствами книги по истории свободомыслия и атеизма в Молдавии, Белоруссии, Таджикистане, Казахстане даже в столичных библиотеках редкость. Вузовским преподавателям необходим капитальный монографический труд по этой проблеме, объединяющий усилия исследователей всех союзных республик. Пока его нет, следовало бы ориентировать преподавателей специальными статьями, дополняющими учебники и учебные пособия по истории и теории атеизма.

Можно считать установленным: соотношение между народным вольнодумством и тесно с ним связанным здравым крестьянским смыслом, с одной стороны, и предрассудками, суевериями, свойственными народному сознанию, прививаемыми ему церковниками религиозными идеями, с другой стороны, не было постоянным. В периоды стихийных бедствий — пожаров, эпидемий, засухи, голода, войн, когда сильнее давала себя знать зависимость людей от стихийных сил природы и общества, влияние религии на сознание масс увеличивалось. Но сами по себе религия и церковь никогда не могли полностью увести людей от реального бытия, уничтожить их стремление улучшить земную жизнь. Это и было одной из глубинных причин, питавших народное вольнодумство.

В разное время различные формы вольнодумства (равнодушие к вере и скептицизм, антиклерикализм и антицерковность) встречались в различных сочетаниях. Иногда какая-то одна из них выступала на первый план, например скептицизм. Скептическое отношение народа к религии отмечалось еще в древнейшей русской летописи «Повести временных лет» (XII в.). Оказывается, уже тогда в обыденной жизни люди считали: «Напрасный труд — служить богу!» Церкви нередко были пусты, к молитвам жители обращались только в исключительных случаях — под угрозой смерти, голода, набегов врагов и т. п. [4].

В периоды революционных подъемов, когда народ шел на борьбу с эксплуататорами, его свободомыслие обретало активные формы. Ненависть к помещикам и царским воеводам распространялась на церковников. Так, во время крестьянской войны под руководством Степана Разина крестьяне жгли монастыри и церкви, убивали священнослужителей. Патриарх Иоасаф сообщал, что Разин «и духовного чина многих, и боярина, и воевод, и дворян, и детей боярских, и всяких служилых и жилецких людей побил и пометал в воду» [5]. Так же обстояло дело и во время крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева. В приговоре Пугачеву было сказано: «Разорял... храмы божии, разрушал святые алтари и жертвенники, расхищал сосуды и все утвари церковные и поругал святые иконы».

Понятие «народное вольнодумство» следует отличать от понятия «вольнодумство» в философских воззрениях. Народное вольнодумство непрофессионально. Оно формируется стихийно. Наряду со смелыми, оригинальными догадками в нем присутствуют веками складывавшиеся традиционные бытовые установки.

Существует проблема соотношения народного вольнодумства с передовыми философскими воззрениями, для России — с революционно-демократической атеистической идеологией. Народное вольнодумство — реальная основа прогрессивного ядра идеологической жизни общества. Недаром русские революционеры-демократы тщательно и всесторонне изучали народное миросозерцание, разрабатывали методы подхода к этому сложному явлению, активно использовали народное свободомыслие в своем философском арсенале [6].

Важное место в истории народного вольнодумства России занимает творчество крестьянских мыслителей. С большим трудом получившие образование, жадно впитывавшие доходившие до них знания и, как правило, не оторвавшиеся от крестьянской среды, они представляют собой как бы переходный этап от народного вольнодумства, от стихийного неприятия всего того, что угнетало душу простого человека, к сознательному творчеству революционеров-демократов [7].

Советские ученые вызвали из забвения имена вольнодумцев, которые, не страшась смерти, пыток, тюрьмы и ссылки, критиковали церковь, разоблачали служителей культа, выступали против религии. Но сейчас они мало кому известны, так как материалы о них

---

[3] См.: И. З. Кадсон. Антицерковная борьба народных масс в России в трудах советских историков. «Вопросы истории», 1969, № 3.

[4] См.: «Антология мировой философии». В четырех томах, т. 1, ч. 2. М., 1969, стр. 698.

[5] Цит. по: С. М. Самсонов. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М., 1955, стр. 98.

[6] См.: В. Базанов. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974.

[7] См.: Л. А. Коган. Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли. «Вопросы философии», 1963, № 2, стр. 88.

публиковались по большей части в специальных изданиях.

Может быть, имеет смысл составить и опубликовать тематические обзоры работ по народному вольнодумству, познакомить не только преподавателей, но и широкие круги читателей с трудами ряда специалистов. Ведь то, что уже сделано Е. Ф. Грекуловым, Л. Е. Емелях, Л. А. Коганом, Ю. А. Коганом, М. М. Персицем, М. И. Шахновичем и, конечно, В. Д. Бонч-Бруевичем, который первым начал по совету В. И. Ленина изучать народное свободомыслие, и по сей день не потеряло своей актуальности. Статьи и книги, созданные на конкретном фактическом материале — золотой фонд советской исторической науки. Они помогут преподавателям более обстоятельно обосновывать положение о том, что русский народ никогда не был богоносцем. Как утверждал В. Г. Белинский в своем письме к Гоголю, несмотря на темноту и невежество, миросозерцание русского крестьянина не было мистическим. Оно тяготело не к религии, а к здравому смыслу, к стихийному материализму.

В атеистическом воспитании студентов нельзя ограничиваться только тем, что предоставляет учебный план. Преподаватель атеизма должен быть инициативен и изобретателен. Он не имеет права упускать ни одной возможности для укрепления в сознании молодежи прочных атеистических знаний, формирования у нее атеистической убежденности. Народное вольнодумство может и должно найти соответствующее место и в лекционных курсах по общественным дисциплинам, и в беседах на практических занятиях. При этом весьма целесообразно темы, связанные с народным вольнодумством, рекомендовать студентам для самостоятельной работы, подготовки докладов и рефератов. Особо хорошие результаты тут бывают, когда студенты под руководством преподавателя предпринимают научное исследование: знакомятся с материалами краеведческого музея, работают в архиве, сами находят имена доселе неизвестных борцов против самодержавия и церкви. Заметим, что даже Московский областной архив в этом смысле изучен крайне недостаточно. А сколько бесценных документов хранится в других областных архивах!

Среди студентов нашего института, например, много иногородних. Первое, что они хотят посетить в Москве, — Кремль. Зная, что студенты моих групп собираются на экскурсию, я решила подготовить небольшую беседу. Пришлось обращаться к справочникам-путеводителям. В 1971 году издательство «Изобразительное искусство» выпустило красочную книгу «Успенский собор Московского Кремля». Во вступительной статье подробно рассказано о строительстве храма, его художественной ценности, о входных дверях, стенной росписи, алтарном иконостасе. О политических же событиях, происходивших в соборе, говорится мало, скороговоркой. Пришлось дополнить путеводитель рассказом о том, что во время крестьянской войны под руководством Ивана Болотникова (XVII в.) именно Успенский собор стал идеологическим и организационным центром разгрома восстания. Тут служились специальные службы, патриарх и высшее духовенство проклинали вольнодумцев — борцов против крепостного права. По личному указанию царя «вслух во весь народ» в соборе была оглашена сочиненная протопопом Терентием «Повесть о видении некоему мужу», от имени богородицы призывавшая народ немедленно прекратить борьбу, начать каяться и возносить богу молитвы. В этом же храме московский митрополит Филарет короновал на царство убийцу декабристов Николая I и благодарил его от имени всей русской православной церкви за расправу с революционерами.

Подготовка такого рода бесед, показывающих, как церковники верно служили царизму и преследовали свободомыслие, — посильное дело для любого преподавателя. Сведения об антинародной деятельности служителей культа, умело подобранные и основанные на местном материале, несомненно, заинтересуют студентов.

И еще одно соображение. Молодежь любит туристские походы. Некоторые экскурсионные маршруты с помощью преподавателей общественных наук могут стать местом интересного атеистического разговора.

...Несколько лет назад я побывала с экскурсионной группой на острове Валаам. Девушка-гид провела нас по острову, рассказала о монастыре, упомянула о трудолюбии монахов, насадивших на камнях липовые аллеи, рощи, фруктовые сады. Однако совсем ничего не сказала она о Валааме как месте ссылки вольнодумцев. Я сама подготовила для студентов, собирающихся ехать на Валаам, специальную справку. Позднее она превратилась в очерк о трагической судьбе протоиерея-вольнодумца Петра Левашова, опубликованный в журнале «Наука и религия» (1975, № 8).

Следует в этой связи одобрить почин Московского Дома научного атеизма, который начал практиковать автобусные экскурсии по тем местам столицы, где в свое время имели место антицерковные выступления. Подобные экскурсии можно организовать во многих

местах, и значение их в деле атеистического воспитания трудно переоценить. Живой рассказ о событиях на месте происшествия создает атмосферу как бы личной причастности слушателя к историческому факту, надолго запоминается.

Хорошим подспорьем в такой работе может служить художественная литература. К примеру, недавно издан роман В. Пикуля «Слово и дело» — хроника времен Анны Иоанновны в двух книгах с предисловием известного историка В. Мавродина. Студенты им зачитываются и, конечно, с удовольствием примут участие в обсуждении книги, в которой с большой исторической достоверностью и убедительностью показаны старания церковников укрепить самодержавие, расправиться с инакомыслящими.

Перед нами благородная задача: показать молодым людям величие духа, силу воли и героизм народных вольнодумцев, сам факт существования которых — наглядное опровержение измышлений буржуазных теоретиков о том, что русский народ всегда тянулся к религии.

ГОТОВИМ ПРОПАГАНДИСТОВ

Ректорат и общественные организации нашего института особое внимание уделяют проблеме формирования научного мировоззрения и воспитания общественной активности студентов. Неплохо, например, используются для этого возможности всего цикла общественных наук, а также курсов психологии, астрономии, физики и других предметов. Конечно же, очень весом здесь вклад основ научного атеизма. Студенты конспектируют работы классиков марксизма-ленинизма, документы об отношении КПСС и Советского государства к религии и церкви, пишут рефераты. Все это стимулирует интерес к научному поиску, развивает творческое мышление.

Это подтверждается, в частности, материалами научных студенческих конференций последних лет. Во-первых, заметно возросло число докладов по научному атеизму. Во-вторых, темы исследований стали более глубокими и конкретными. Например, «Состояние научно-атеистического воспитания учащихся в сельских школах Кокчетавской и Тургайской областей», «Формирование диалектико-материалистического мировоззрения учащихся на уроках математики», «Преодоление религиозных пережитков в процессе сближения социалистических наций в целинных областях Казахстана», «Атеистические мотивы в творчестве В. Шукшина» и т. д.

Эффективной формой атеистического воспитания в нашем институте стала и двухгодичная школа молодого лектора-атеиста. Первый этап — теоретический курс и выбор темы исследования. На втором этапе слушатели изучают уже углубленно литературу по избранной теме, пишут рефераты, обсуждают их. Третий этап — выступления с лекциями в группах, на курсе, обсуждение атеистических кинофильмов, подготовка и проведение читательских конференций, диспутов. Затем — выступления с лекциями и беседами в школах, в агитпунктах, Дворце культуры. Удостоверение об окончании школы молодого лектора вручается в торжественной обстановке одновременно с дипломом об окончании института.

Есть у нас и клуб атеистов, в котором проводятся диспуты, научно-атеистические вечера, готовятся для подшефных школ беседы, вечера вопросов и ответов, читательские конференции и т. д.

Весьма примечательно, что многие члены клуба и после окончания института не теряют с ним связи. Так, на 10-й научной студенческой конференции, которая состоялась в декабре 1975 года, с докладами выступали два наших выпускника, причем решением совета студенческого научного общества доклад одного из них был рекомендован на второй тур VI Всесоюзного конкурса по общественным наукам, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения.

г. Кокчетав
Казахской ССР

А. МЕЛЬНИК,
заведующий кабинетом марксизма-ленинизма, руководитель клуба атеистов и школы молодого лектора-атеиста Кокчетавского педагогического института имени Ч. Валиханова

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Д. Е. Абдрахимова, С. Д. Джумалиев, Т. М. Ежова. О НАУЧНО-АТЕИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНЧЕСТВА. В кн.: «Актуальные вопросы атеистического воспитания». Алма-Ата, изд-во «Казахстан», 1976.

Н. Н. Алешко. О КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ЗРЕЛОСТИ СТУДЕНТОВ. В кн.: «Некоторые проблемы научного атеизма». Челябинск, 1973.

В. А. Брянов. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ АТЕИСТОВ В ВУЗЕ. В кн.: «Молодежь и атеизм». М., изд-во «Мысль», 1971.

В. А. Брянов. ВУЗ И АТЕИСТЫ. Алма-Ата, 1973.

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА», вып. 15. «Научный атеизм в высшей школе». М., изд-во «Мысль», 1973.

«ВОПРОСЫ НАУЧНОГО АТЕИЗМА», вып. 19. Раздел II. «Научный атеизм в вузах». М., изд-во «Мысль», 1976.

С. В. Гуреев, Н. Н. Селиверстов. АТЕИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ВУЗЕ. В кн.: «Воспитательная работа со студентами во внеучебное время». Л., 1971.

В. И. Добрынина. ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНЧЕСТВА. «Философские науки», 1976, № 2.

В. Н. Никитин. ВОСПИТЫВАТЬ ВОИНСТВУЮЩИХ АТЕИСТОВ. В кн.: «Проблемы атеистического воспитания». Л., Лениздат, 1974.

«ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК». М., изд-во МГУ, 1974.

ЦИФРЫ ПОДСКАЗЫВАЮТ РЕШЕНИЕ

Важным направлением в коммунистическом воспитании студенческой молодежи является формирование у нее атеистической убежденности. Сделано в этой области уже немало, о чем, в частности, свидетельствуют конкретные социологические исследования, проведенные в различных вузах нашей страны (см., например, «Вопросы научного атеизма», вып. 15. М., 1973, стр. 199—230).

В вузах Чувашии такую работу проводили преподаватели и сотрудники объединенной социологической лаборатории кафедр общественных наук университета и сельскохозяйственного института.

Исследования показали: студенты этих двух вузов свободны от религиозных предрассудков. Это объясняется в первую очередь влиянием всей нашей социалистической действительности, школы, окружающей среды и т. п., а также воспитательной работой вузовских партийных и комсомольских организаций, преподавателей. В то же время выяснилось, что степень атеистической зрелости студентов в двух вузах и на различных курсах неодинакова. Если, например, на первых двух курсах сельскохозяйственного института весьма значителен процент молодежи, индифферентно относящейся к религии, то среди студентов университета преобладают убежденные атеисты. На старших курсах, по мере изучения новых научных дисциплин, их количество, естественно, возрастает. В общем это говорит о том, что система вузовского обучения достаточно эффективно формирует мировоззрение молодежи. Тем не менее безразличные есть и на старших курсах — те, кто считает, что в нашей стране религия не приносит ни вреда, ни пользы. Больше того, кое-кто даже положительно оценил роль религии в жизни общества. Одни, например, ответили, что религия удерживает человека от аморальных поступков, другие, — что она помогает человеку найти цель и смысл жизни.

Таких ответов, разумеется, единицы, но ведь сказано то это людьми, которые практически завершили высшее образование. Видимо, эти студенты недостаточно глубоко усвоили основные теоретические положения марксистско-ленинской философии, историю борьбы материализма и идеализма, науки и религии в прошлом и настоящем. Отсюда — и отсутствие правильной оценки соответствующих явлений общественной жизни, отождествление национальной культуры с религиозными традициями.

Отсутствие глубины в понимании этих проблем у отдельных студентов, по-видимому, объясняется тем, что современная молодежь, хотя, конечно, и знакома с историей классовой борьбы по книгам, кинофильмам и т. д., сама не прошла тот путь, который прошло старшее поколение. Это не упрек, а лишь констатация того очевидного факта, что некоторым представителям молодого поколения при оценке социальной действительности подчас еще недостает необходимого жизненного опыта. Исследования социологов не только подтвердили это, но и показали: огромное значение здесь имеет вовлечение студенчества в общественно-политическую практику. Это, бесспорно, помогает утвердить в сознании молодых людей прочные, подкрепленные опытом, научно-материалистические взгляды, способствовать росту их политической зрелости.

Опыт такой работы со студентами Чувашского университета имени И. Н. Ульянова убедительно это доказывает. Так, при изучении философии главное внимание обращается на самостоятельную работу студентов с первоисточниками. Кроме того, организуются специальные консультации, выставки научно-методической литературы, проводятся философские вечера в общежитии. Во время лекций и на семинарских занятиях преподаватели стремятся вырабатывать у студентов способность к самостоятельному осмыслению важнейших теоретических вопросов, умение давать политическую оценку тем или иным фактам.

Значительное место в формировании научно-атеистического мировоззрения студентов университета занимает курс научного атеизма. В ходе его изучения не только закрепляются основные положения диалектического и исторического материализма, но и формируются более четкие материалистические представления о мире, о цели и смысле жизни человека, его нравственном идеале. Изучение курса помогает многим студентам правильно оценить реакционную роль религии.

В университете силами студентов проводятся атеистические вечера, конференции, социологические исследования. Так, студенты химического и медицинского факультетов проанализировали состояние атеистической работы на заводе «Чувашкабель», студенты историко-филологического факультета провели опрос работников чулочной фабрики и хлопчатобумажного комбината. По итогам исследований пишутся дипломные работы, рефераты, готовятся лекции и беседы, с которыми студенты выступают перед населением.

В университетской школе молодого лектора создано атеистическое отделение. Здесь более глубоко изучаются основные темы основ научного атеизма, а также методика лекторского мастерства. Выпускники школы выступают с лекциями и беседами на чебоксарских предприятиях, причем лучшие из молодых пропагандистов по рекомендации комитета комсомола университета становятся руководителями атеистических кружков на заводах, фабриках, в учреждениях и школах города.

В университет поступает много благодарностей от

партийных и комсомольских организаций республики. Вот некоторые из них: «Лекция очень интересная, слушалась внимательно, прочитана очень хорошо, просим почаще присылать к нам студентов с такими выступлениями». «Исключительно содержательное выступление. Просим повторить его и в нашем общежитии».

Пропагандистская деятельность приносит огромную пользу и самим студентам. Вот что они говорят по этому поводу:

Л. Корнилова, студентка химического факультета: «Выступления с лекциями и беседами по атеизму перед рабочими и служащими — большое и ответственное дело. Приходится тщательно готовиться к лекции, глубоко изучать материал по всем проблемам научного атеизма, ибо на лекции задают самые разнообразные вопросы. Я считаю, что и после окончания университета смогу систематически вести эту работу». Л. Трифонова, студентка того же факультета: «Выступление перед массовой аудиторией заставляет очень глубоко и серьезно прежде всего самой разобраться в различных вопросах. Кроме того, я приобретаю навыки практической работы среди людей, а главное — знакомлюсь с людьми».

Ю. ГУРОВ,
кандидат философских наук

г. Чебоксары
Чувашской АССР

Б. МИХЕЛЕВА

КЛУБ — ВОСПИТАТЕЛЬ

Студенческие годы — пора стремительного духовного роста, интенсивного формирования личности. Этому способствует все: и возраст студентов, и характер преподавания, весь стиль высшего учебного заведения. Ведь здесь, в стенах высшей школы, не только дают образование, но и учат мыслить широко; отсюда выходит в жизнь интеллигенция в самом полном значении этого слова — профессионально подготовленная, идейно закаленная и духовно развитая. В годы учебы, как никогда, сильна жажда общения, спора, размышления вслух над важными проблемами бытия. И естественным средоточием духовных интересов студенчества становятся специализированные клубы, в том числе и атеистические.

В полной мере это относится к клубу «Атеист» Московского государственного университета. История его создания такова: 15 лет назад на философском факультете при кафедре истории и теории научного атеизма был организован кружок. Сначала он был задуман как помощник в учебном процессе. Студенты читали и обсуждали здесь свои рефераты по атеизму. Кружок был подспорьем и в общественной практике: в нем шла подготовка будущих лекторов и пропагандистов. Понадобились годы напряженных поисков, проб и ошибок, прежде чем возник межфакультетский студенческий клуб «Атеист» в его нынешнем виде.

Скромное, неброское сообщение об очередном мероприятии клуба всегда привлекает к себе внимание среди множества других объявлений в огромном университетском вестибюле. В методический кабинет кафедры атеизма приходят и студенты, и преподаватели с разных факультетов. Здесь, на десятом этаже, доброжелательны ко всем посетителям. И бывает, сначала заходят сюда так — из простого любопытства, потом нередко случайный посетитель становится постоянным, все глубже вникает в проблематику клуба, заражается его интересами. А они весьма обширны: члены клуба читают лекции, участвуют в семинарах и заседаниях, выпускают собственную стенную газету, организуют атеистическую работу в подшефных школах, училищах, ездят на экскурсии... Всего, пожалуй, и не перечислишь.

Клуб — прежде всего люди. Без их энтузиазма, без постоянного интереса к делу ему легко превратиться в пустую оболочку, не наполненную реальным содержанием. Ядро клуба составляют студенты и аспиранты философского факультета, специализирующиеся по кафедре атеизма. Энтузиазм их ограничен: он обусловлен академическими и творческими интересами.

Большая ответственность лежит на председателе. Одно время этот пост занимали аспиранты кафедры. В дальнейшем от такой практики пришлось отказаться: срок аспирантуры три года, едва войдет человек во вкус своей нелегкой работы, как на его место приходит следующий... А место это не простое: здесь надо обладать и знаниями, и энергией, и организаторскими способностями, умением работать с людьми. Сейчас клубом руководят выпускник кафедры Сергей Лебедев и его правая рука — Люда Григорьева. У них всегда можно получить нужную информацию, спросить совета по тому или иному аспекту клубной работы. Сергей специализируется по дзэн-буддизму и выступает с лекциями на эту тему.

— Сережа! Тут к тебе физик пришел, интересуется буддизмом! — с этими словами к председателю приводят очередного посетителя, несколько смущенного юного студента с физического факультета. И Лебедев доброжелательно и обстоятельно объясняет ему, где можно достать литературу, называет ав-

торов. Затем советует обязательно связаться с Мишей Осиповым, тоже физиком, который возглавляет секцию «Атеиста» у себя на факультете.

Года три назад Миша Осипов случайно пришел сюда с друзьями, привлеченный темой очередного заседания, а теперь он один из активистов клуба. По инициативе его и других студентов была создана секция «Атеиста» на физическом факультете. Многие из будущих физиков интересовались всерьез проблемами научного атеизма и решили изучать их, не дожидаясь V курса, когда по учебному плану читается этот предмет. Такой интерес вполне в духе времени: мировоззренческие вопросы волнуют молодежь, в том числе и тех, кто по роду своей специальности, казалось бы, стоит далеко от них. Невольным толчком послужил вечер в общежитии. Его организовали члены клуба «Атеист». Особенно понравился доклад Юрия Сторожко (он был тогда председателем клуба) на тему «Искусство и религия».

Москвичи Саша Попов и Либуше Вайдинова (ЧССР) — активные члены клуба «Атеист».

Председатель клуба Сергей Лебедев.
Фото Д. Ульяновского.

Сейчас на физическом факультете создана школа молодого лектора, которую ведут активисты клуба и в первую очередь аспирантка Валя Митина. И опять-таки школа эта — не для «галочки» в отчете, тут не гонятся за количественными показателями. Но те 10—12 человек, которые в течение двух лет еженедельно посещают занятия, твердо решили стать пропагандистами научного, материалистического мировоззрения. И здесь будущим физикам поможет то, что у них навыки атеистической работы подкреплены знаниями точных и естественных наук.

Слушатели школы молодого лектора уже пробуют свои силы. Во время летних каникул, работая в строительном отряде под Смоленском, они выступали в сельских клубах с беседами и лекциями на атеистические темы. При этом надо заметить, что физики охотно берутся за такие чисто атеистические темы, как «Происхождение и сущность религии», «Религия в современном мире».

Да, клуб — это люди! Их интересами определены и направлены работы. Те, кого больше всего привлекает социология, работают под руководством кандидата философских наук Кирилла Ивановича Никонова и аспиранта Николая Медведева. Члены этой группы по заданию Ленинского райкома КПСС участвовали в исследованиях религиозности на ряде предприятий района. Они распространяли анкеты, обрабатывали полученные сведения, обобщали результаты. Проведенная работа нашла свое отражение в студенческих лекциях. Так участие в работе клуба реально помогает учебному процессу, подкрепляет и углубляет знания, полученные в университетских аудиториях.

Но самое главное, что дает клуб, — это радость общения, это встречи товарищей по интересам, обмен мнениями и в процессе этого общения, в спорах, обсуждениях не только расширяется кругозор студентов и пополняется запас их знаний, но и воспитываются моральные качества — чувство коллективизма, гражданственности. Естественно, что молодые атеисты не замыкаются в рамках своего учебного заведения — устанавливают тесные связи с учащимися других вузов, привлекают их к своей работе. Так, в изучении современной православной проповеди участвовали и студенты Московского педагогического института имени В. И. Ленина. Клуб атеистов МГУ организовал вечер «Искусство и религия» во 2-м медицинском институте, в Институте земного магнетизма АН СССР.

Крепнут связи университетских атеистов с коллегами из других городов и республик. Гостями клуба были студенты Ярославского пединститута, Тбилисского университета, школьники из города Салавата Башкирской АССР. Студент философского факультета Ленинградского университета Олег Панфилов был специально командирован студенческим научным обществом ЛГУ в Москву, в клуб «Атеист». Его доклад «Философия и мистицизм» обсуждался в течение нескольких часов на очередном заседании клуба.

Атеисты МГУ ведут работу в производственно-техническом и медицинском училищах. Выступают с докладами, проводят беседы, организуют вечера вопросов и ответов, дают концерты художественной самодеятельности (например, в клубе имени Ю. А. Гагарина в Загорске). Для учащихся средней школы № 31 члены клуба читают курс лекций по русской литературе дополнительно к программе, раскрывая атеистический аспект многих тем школьного учебника.

Несколько лет руководила кружком по изучению древнерусской литературы для восьмиклассников студентка философского факультета Елена Прокопенко. Она и ее товарищи по клубу проводили беседы, помогали школьникам оформлять стенды на атеистические темы, организовывали экскурсии. Все это требует немало сил и времени, а главное — душевной щедрости, большой самоотдачи. Без этого невозможна общественная деятельность, а тем более работа пропагандиста атеизма. Многие члены клуба «Атеист» именно в такой работе нашли свое призвание, точку приложения сил. Квалифицированным лектором стала Елена Прокопенко, она выступает с темой «Искусство и религия» перед пропагандистами атеизма.

Есть в работе клуба и еще одна сторона, которой нельзя не коснуться. На его заседаниях, вечерах, встречах студенты учатся понимать искусство, разбираться в его сложной, порой противоречивой сущности. Тема «Искусство и религия» привлекает, пожалуй, наибольшее число слушателей. При клубе вот уже несколько лет работает проблемная группа, занимающаяся этими вопросами. Руководит ею студент философского факультета Анатолий Баканурский. Заслушаны доклады Анны Романовой «Религиозная символика в творчестве Босха», Алексея Картавых о современной церковной музыке (сопровождавшийся прослушиванием магнитофонных записей).

Клуб «Атеист» — самодеятельная студенческая организация. Однако без постоянной помощи преподавателей философского факультета, особенно кафедры атеизма, без их пристального и доброжелательного внимания он едва ли смог развернуть действенную работу. Активным организатором работы клуба стала доцент кафедры Зульфия Абдулхаковна Тажуризина, словом и делом помогает ему профессор Д. М. Угринович. Клуб атеистов постоянно находится в поле зрения заведующего кафедрой профессора М. П. Новикова.

Забот у клуба атеистов много, как много и еще не решенных проблем. Как вести атеистическую работу в студенческом общежитии? Что тут окажется наиболее эффективным? Практика показывает, что лекция как таковая не всегда подходит, но чему отдать предпочтение: информации, беседе, вечеру вопросов и ответов? Поиски продолжаются. Волнует активистов клуба и гласность. Сейчас о его деятельности рассказывает только стенная газета, а она выходит всего четыре-пять раз в год. Этого явно недостаточно. Хотелось бы иметь постоянную рубрику на страницах многотиражной газеты «Московский университет».

Да, проблем у клуба еще немало. Но уже и сейчас ясно, что участие в его работе развивает творческие способности студентов, удовлетворяет их тягу и стремление к самостоятельной пропагандистской деятельности, способствует совершенствованию и углублению знаний в области научного атеизма, а главное, дает молодому человеку ощущение своей общественной значимости, активно формирует его личность.

Информация, хроника

■ **Обобщением опыта атеистического воспитания в вузах занимается проблемная группа по вопросам атеистического воспитания студенчества при кафедре истории и теории атеизма Московского университета. Несколько аспирантов кафедры работают над кандидатскими диссертациями по вопросам атеистического воспитания, в том числе и студенческой молодежи.**

■ **Межвузовский координационный совет по исследованию процесса формирования научно-материалистического мировоззрения у студенческой молодежи при Черновицком университете провел в 1973 году представительную республиканскую научно-методическую конференцию «Формирование научно-материалистического мировоззрения у студенческой молодежи».**

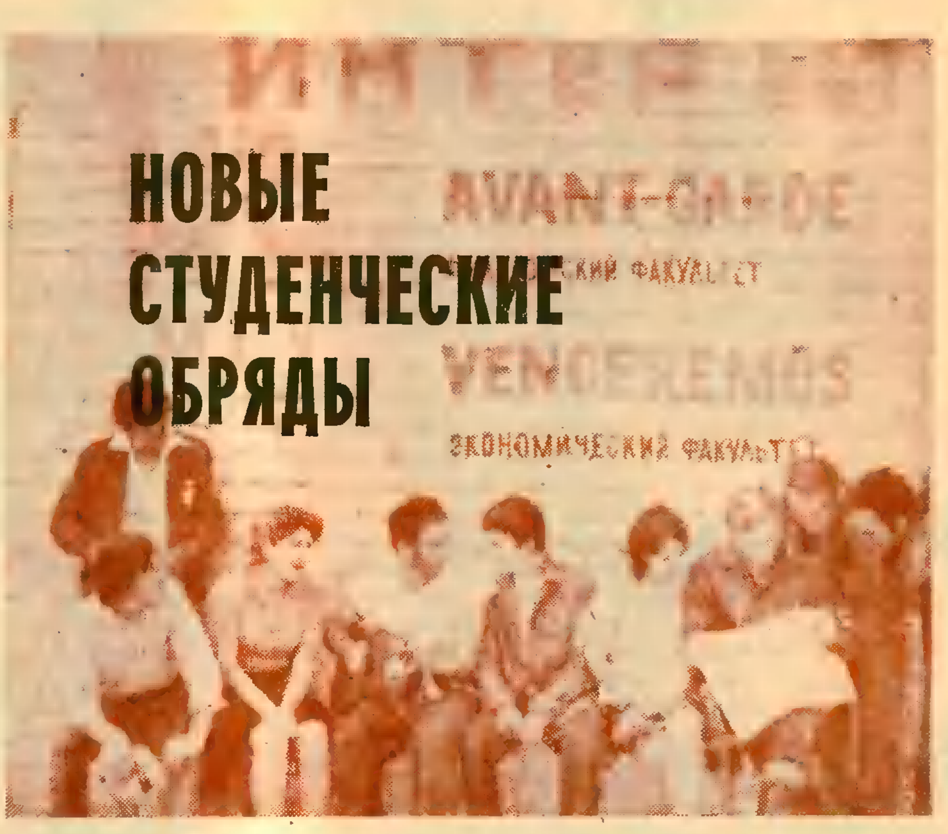
■ **В 1974 году во Львове состоялась научно-методическая конференция по вопросам атеистического воспитания в вузах страны, в которой приняли участие и представители вузов европейских социалистических стран.**

■ **Студенческое научно-атеистическое общество «Истина», действующее в Глуховском педагогическом институте имени С. Н. Сергеева-Ценского, провело атеистические чтения и фестиваль художественных атеистических фильмов.**

■ **В некоторых вузах страны силами студентов проводятся исследования религиозности населения. Результаты исследований студенты обобщают в научных работах. Так, в Московском университете была выполнена работа «Некоторые тенденции в современной православной проповеди», в Казахском университете — «Религиозные предрассудки среди части советской молодежи; их характерные особенности и причины».**

ИЗ РЕФЕРАТА, ПРЕДСТАВЛЕННОГО НА ВСЕСОЮЗНЫЙ КОНКУРС СТУДЕНЧЕСКИХ РАБОТ

НОВЫЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ

Среди молодежных обрядов в нашей стране хорошо известны обряды пионерские, школьные. Они имеют определенные, сложившиеся традиции. Студенческие же обряды находятся в стадии поиска, эксперимента. О них, как правило, пока еще не пишут в книгах, не говорят на конференциях. Молчит и журнал «Наука и религия». А между тем необходимость обрядового оформления студенческих праздников очевидна.

Во-первых, именно в высших учебных заведениях идет формирование мировоззрения будущих руководителей производства, пропагандистов марксистско-ленинской идеологии. Студенческие обряды могут помочь этому процессу.

Во-вторых, сама студенческая жизнь полна важными для молодого человека событиями, достойными быть специально и памятно отмеченными. Свои «университеты» студент проходит и в аудиториях, и в стройотрядах, и в агитбригадах, и в спортлагерях, и на факультете общественных профессий, в разнообразных кружках и секциях. Вот и появляются, пока стихийно, такие праздники, как День первокурсника, День профессии, Посвящение в бойцы стройотряда.

В-третьих, нельзя забывать о том, что студенческая обрядность как составная часть социалистической обрядности может активно противостоять обрядности религиозной, к которой отнюдь не по религиозным мотивам, но все же иногда тянутся отдельные студенты.

Студенческие обряды нашего времени почти не имеют аналогов в прошлом. Однако высшие учебные заведения России были для молодежи школой общественной жизни и революционной борьбы. Там формировалась особая атмосфера товарищеской солидарности, воспитывался коллективизм, развивался интерес к общественным проблемам. Д. И. Менделеев, имя которого носит наш институт, придавал всему этому важное значение. Деятельность великого ученого — это не только научный подвиг, но и борьба за прогрессивную мысль в учебных заведениях страны.

Как нам представляется, нынешние студенческие обряды должны унаследовать все лучшее, что было создано в дореволюционной студенческой среде, они должны стать средством приобщения молодежи к общественной жизни. Но современные студенческие обряды призваны быть прежде всего распространителями коммунистических идеалов, воспитывать патриотизм, коллективизм, чувство локтя, готовность служить своему народу. А это значит, что игровая сторона обряда, хотя она и обязательна, не должна заслонять собой идейную направленность символического действия. С этой точки зрения едва ли можно оправдать, например, практикующиеся кое-где «посвящения» в бойцы стройотрядов, когда все в них сводится к детским шалостям: мажут «посвященным» лицо сажей и пр.

Существующие сегодня студенческие обряды можно привести в определенную систему. Первым в ней, несомненно, будет тот, которым уже сейчас во многих вузах страны начинается жизнь молодого человека, — посвящение в студенты. Ныне почти в каждом институте стараются найти для этого ритуала что-то свое. Так, в Московском авиационном институте собирается митинг. Ректор, деканы, студенты старших курсов поздравляют вновь вступивших. Тут же присутствуют заслуженные выпускники института: летчики, конструкторы, космонавты. Их слова на митинге звучат весомо, впечатляюще. В 1-м Московском медицинском институте успешно сдавших конкурсные экзамены поздравляют видные ученые-врачи. Они говорят о великом гуманизме профессии. А затем следует самый важный момент обряда — клятва студента-медика: «И пусть всегда рука у меня будет твердой, совесть чистой, и под белым халатом пусть бьется доброе сердце...»

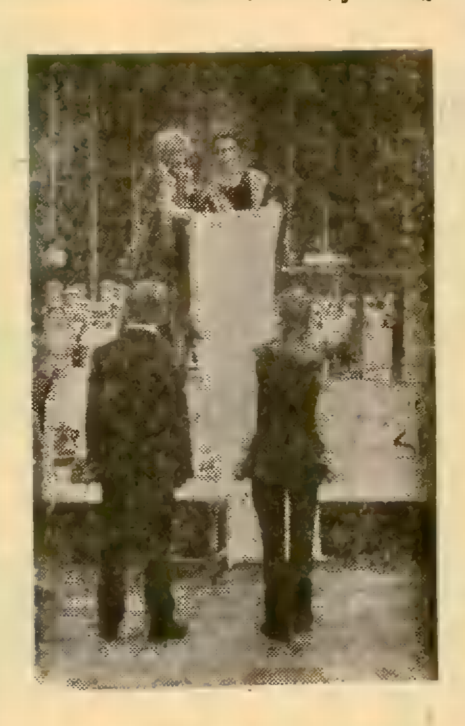
Заслуживает внимания обряд посвящения в студенты в Московском высшем техническом училище имени Баумана. Он тут проходит с размахом, торжественно, красочно. Под звуки оркестра вносятся знамена института. Затем появляются символический «ключ знаний» и огромный студенческий билет, где на месте личной фотокарточки — фотография здания института. Каждому вновь принятому дарят значок-сувенир с датой поступления в МВТУ. Важный момент обряда — встреча автомобиля, который привозит в училище факел — символический «Огонь знаний». Первая часть праздника завершается возложением венков к памятнику Н. Э. Бауману и бауманцам — участникам Великой Отечественной войны. Вторая часть продолжается на стадионе — как спортивный праздник.

У нас, в МХТИ, на факультете силикатов, посвящение в студенты вот уже несколько лет подряд проводится в спортивном лагере вечером у костра и кончается импровизированным концертом.

Как показывает опыт, основная схема обряда посвящения в студенты слагается из двух частей. Первая — подготовительная, рассчитана на то, чтобы создать определенное настроение. Вторая — наиболее ответственная — это слова-напутствия или слова-клятвы. Можно спорить о том, как лучше с точки зрения эстетики оформить обряд, где его проводить и т. д., но несомненно одно: важное место здесь принадлежит слову. Это могут быть слова-обращения к молодежи или торжественные обещания начинающих студентов, а может быть — сочетание того и другого. Пока внимание организаторов таких обрядов больше привлекает первая часть, но, думается, надо обратить внимание и на вторую.

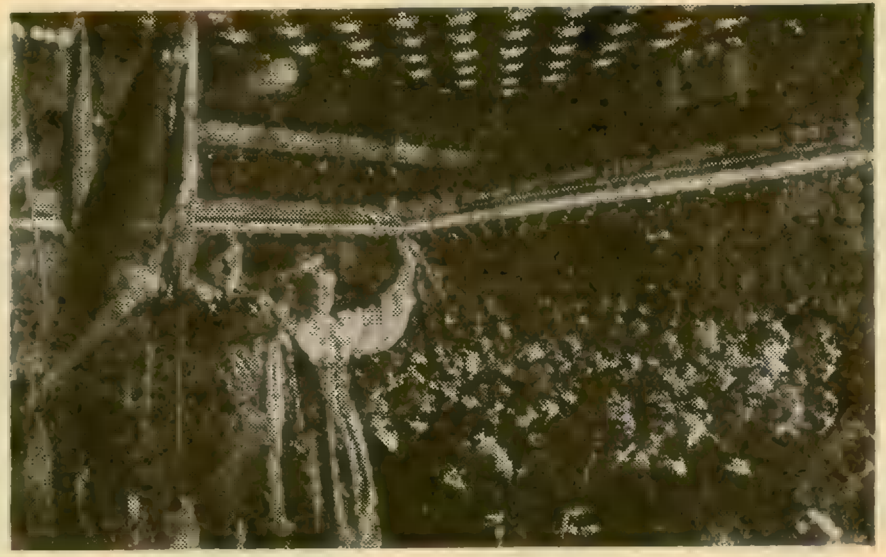
Рига. Ритуал начала учебного года в вузах.

Фото Ю. Жилтухина.

Москва. Слет студентов московского студенческого строительного отряда.

Фото Н. Болотина.

Студенческая жизнь немыслима без праздников профессий, которые в нашей стране проводятся во всесоюзном масштабе. В нашем институте ежегодно отмечается День химика. К этому празднику готовятся и студенты, и преподаватели. Вывешиваются стенные газеты, выходит специальный выпуск многотиражки «Менделеевец». Здание института молодеет от ярких стендов, красочных призывов. Торжество происходит в актовом зале. Ректор произносит «Слово о химии». Выступают многочисленные гости — выпускники института, приехавшие на встречу из самых далеких уголков страны.

Поскольку День химика проводится в конце апреля, он, по сути, становится веселым праздником весны. К сожалению, специального ритуала еще нет, но, как нам представляется, раньше или позже он будет создан.

Самый последний и, пожалуй, самый впечатляющий студенческий обряд—вручение диплома. Как правило, это происходит на торжественном собрании. Поздравлениями, пожеланиями, сердечными напутствиями оканчиваются студенческие годы. Но и тут еще явно недостает пока отработанного ритуала.

Думается, мы, студенты, не имеем права ждать, когда кто-то где-то создаст для нас обрядность. Многое могут сделать сами студенты, наш комсомольский и профсоюзный актив. С той же инициативой, энтузиазмом и заинтересованностью, с какой студенты недавно занимались КВН, можно и должно заняться сложным, но интересным делом организации наших обрядов.

Н. МУХИНА,
студентка Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева

ВСЕСОЮЗНЫЕ КУРСЫ

Отдел пропаганды ЦК КПСС, Академия общественных наук при ЦК КПСС и Институт научного атеизма организовали курсы партийных работников, занимающихся вопросами атеистической пропаганды. Занятия первого потока, как уже сообщалось, состоялись в декабре прошлого года (см.: «Наука и религия», 1975, № 3). Занятия второго потока курсов, организованных теперь уже совместно с Отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Украины, состоялись нынешней весной в Киеве, где собрались работники партийных комитетов ряда областей РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Молдавии, Латвии, Литвы и Эстонии, большая группа представителей обкомов комсомола и общества «Знание» Украинской ССР.

В основу программы курсов были положены решения и материалы XXV съезда КПСС. Программа состояла из трех разделов: актуальные вопросы социально-экономической, культурно-идеологической и внешнеполитической деятельности КПСС; вопросы теории и практики научного атеизма, их связи с общими проблемами идеологической работы на современном этапе; обобщение опыта парторганизаций по атеистическому воспитанию.

Курсы открыл секретарь ЦК Компартии Украины В. Е. Маланчук. С лекциями и докладами выступили руководитель лекторской группы Отдела пропаганды ЦК КПСС Н. К. Головко, консультант Международного отдела ЦК КПСС А. П. Козлов, ответственный работник Госплана СССР Д. Г. Ходжаев, лектор Отдела пропаганды ЦК КПСС Н. В. Подольский, проректор Академии общественных наук при ЦК КПСС профессор П. А. Игнатовский и другие.

Программа курсов охватывала также широкий круг проблем научного атеизма: анализ современного состояния религии и религиозных организаций, новые тенденции в их идеологии и практике, место и роль атеизма и религии в борьбе идей, пути повышения эффективности атеистического воспитания, его взаимосвязь с идейно-политическим, трудовым, интернациональным и нравственным воспитанием. Обо всем этом рассказывали инструктор Отдела пропаганды ЦК КПСС Э. И. Лисавцев, консультант Международного отдела ЦК КПСС профессор Н. А. Ковальский, заведующий сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК Компартии Украины В. А. Зоц, руководитель кафедры АОН при ЦК КПСС профессор П. К. Курочкин, директор Института научного атеизма АОН профессор А. Ф. Окулов, ведущие специалисты института.

Значительное место было отведено сообщениям об опыте, накопленном в атеистическом воспитании населения, вопросам совершенствования партийного руководства этой сферой идеологии.

Б. КОНОВАЛОВ,
кандидат философских наук

Л. ЛАТАШ,
доктор [redacted] наук,
[redacted]. АСТАХОВА

ТАИНСТВЕННЫЙ МИР СНА

Бог говорит однажды и, если того не заметят, [redacted] другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты [redacted] ложе. Тогда он открывает у человека ухо [redacted] запечатлевает свое наставление...

Книга Иова, гл. 33, ст. 14—16.

БОЖЕСТВЕННАЯ ДУША [redacted] СОН

Сон и сновидения [redacted] древнейших времен привлекали внимание людей, задавая им нелегкие загадки. Человек не мог еще установить четкую границу между психической жизнью [redacted] сне и бодрствованием. Казалось, что спящий одновременно находится [redacted] двух разных местах, принимает участие [redacted] в событиях сновидения. Это удавалось объяснить единственным способом — каждый человек представляет собой единство двух начал: в бодром состоянии оба действуют совместно, [redacted] во время сна разделяются. Такое объяснение было одной из причин зарождения древнего представления о душе человека, способной покидать тело. Дальнейшим его развитием стала религиозная идея бессмертия души, бесконечного самостоятельного ее существования.

Особо укрепляло веру в возможность потусторонней жизни души пугающее воображение человека общение с умершими. Ночные призраки казались столь могущественными, что люди в своем воображении наделили их способностью предвидеть будущее. Отсюда идет онейромантия — толкование сновидений как способ гадания о будущем. В число древнейших литературных памятников вхо-

Религия толковала сон как явление сверхъестественное. [redacted] заставке — рисунок, сделанный [redacted] старой иллюстрации: ангел является Серафиму Саровскому.

дили списки предсказаний, составленные на основе определенных сюжетов сновидений. Эпос древних народов рисует фигуру снотолкователя, раскрывающего таинственный язык ночных видений.

В древней Греции больные, жаждущие исцеления, получали сведения о своей судьбе в храмах, посвященных Аполлону и его сыну — знаменитому врачевателю Асклепию. Вдыхая одурманивающие курéния из трав, больные проводили ночь в храмах на освященных местах, на шкуре жертвенного животного, а наутро жрецы-предсказатели объясняли им смысл откровения, ниспосланного богами. Знаменитые оракулы получили широкую известность в древнем мире.

Пророческие сны даже старались вызвать специально, для чего разрабатывались тексты молитв и заклинаний, подбирались различные снадобья — вроде сон-травы. На Украине, например, еще сравнительно недавно ее клали под подушку, после чего сон считался пророческим. О «вещих» снах говорится немало в священном писании. Библейский пророк Даниил сделался могущественным человеком в Вавилоне после того, как растолковал сновидение Навуходоносору. И история ветхозаветного Иосифа, объяснившего значение вещих снов египетскому фараону, тоже свидетельствует о существовании такой веры у древних египтян и иудеев. Новозаветные писания начинаются с рассказа об откровениях во сне, полученных Иосифом, мужем Марии. В Коране, священной книге мусульман, рассказывается об огромном значении, которое придавал откровениям во сне Мухаммед. Во сне ему явился ангел, возвестивший о назначении быть посланцем Аллаха на земле, и этим круто изменилась вся жизнь Мухаммеда, ставшего великим пророком.

Средние века с их господством религиозности во всех сферах жизни, с культом богоматери, Христа, многочисленных святых по-своему модифицировали эту веру, хотя христианская церковь и стала считать веру в вещие сны одним из языческих суеверий. На Руси в древности существовали специальные сочинения о толковании сновидений, а уже в XIV веке в молитвеннике митрополита Киприана «Сносудец» упоминался как запрещенная книга. Однако же, несмотря на церковное запрещение, «Сносудец» переписывался и распространялся. Он послужил той основой, на которой позже создавались столь популярные русские сонники.

У ИСТОКОВ НАУКИ

У науки о сне, так же как и у связанных со сновидением суеверий, очень давняя история. Еще мыслители древности пытались материалистически объяснить это физиологическое явление, необходимое для жизни человека. Демокрит, например, видел в сновидениях продолжение автоматической работы мозга при отсутствии восприятий, а Аристотель считал, что сновидения слагаются из тех следов, которые оставляют в нас ощущения, испытанные во время бодрствования.

Сравним эту гениальную догадку Аристотеля с тем, что много позже высказал корифей русской физиологии И. М. Сеченов: «Сновидения — небывалая комбинация бывалых впечатлений». Не правда ли, какое сходство в суждениях двух ученых столь отдаленных эпох? О том, что внешние воздействия на организм спящего могут вызвать определенные сновидения, известно давно. Взять хотя бы знаменитый рассказ о том, как пластырь, приклеенный к голове писателя Майн Рида, послужил причиной сновидения, в котором индейцы снимали скальп с его головы. Внешние и внутренние воздействия нередко дают тот материал, который включается в сюжет сна, не будучи связан непосредственно с этим воздействием. Причем словесные сигналы включаются по своему звучанию, а не по смыслу. Например, Пьеру Безухову в романе Л. Толстого «Война и мир» снилось слово «сопрягать», когда кучер обращался к нему с вопросом: «Запрягать?»

Сквозь сон могут восприниматься свет, звук, тепло, холод, запах. Многое из того, что человек в это время воспринимает из окружающей среды, может вплетаться в содержание его сновидений. На них накладывает отпечаток образ жизни, профессия человека, традиции его быта, уровень умственного развития, возраст, состояние здоровья, характер, интересы, пережитое в прошлом. Особенно важны события и переживания, имевшие место в предшествующий день. Во время сна в мозг поступают сигналы от больных органов и воспринимаются иногда отчетливо, но вместе с тем причудливо, символически.

Своеобразная символика сновидений побуждала ученых проникнуть в ее тайны, расшифровать ее. Естественно, что научные исследования в этой области не имели ничего общего с практикой различных оракулов и гадателей прошлого. Вы уже читали в нашем журнале о работах Зигмунда Фрейда, попытавшегося последовательно проанализировать деятельность мозга во сне [1]. Фрейд высказал мысль, нашедшую прямое подтверждение в современных исследованиях сна, — что сновидения необходимы для нормальной деятельности мозга. И хотя ученый ошибался, полагая, что сон — угнетение деятельности высших отделов мозга, и трактовал содержание сновидений весьма произвольно, он ближе других исследователей конца прошлого и начала нашего века подошел к современным представлениям о сне.

О сложности и важности работы мозга во время сна свидетельствуют творческие сновидения, во время которых мозг решает проблемы, не решенные в бодрствовании. Известный математик Гаусс именно так решил задачу, над которой бился 19 лет. Стивенсон писал, что самые оригинальные из его новелл были созданы во сне. Пушкину не раз снилось, что он сочиняет стихи. Маяковский, проснувшись, записывал приснившиеся строки стихов. Итальянскому композитору Тартини однажды во сне явился черт, который, завладев его скрипкой, исполнил изумительную сонату, над сочинением долго и тщетно бился композитор. Проснувшись, Тартини записал музыку и назвал ее «Трель дьявола».

Для чего же нужна во сне столь активная работа мозга? Вредна ли она, или полезна?

ПАССИВНОСТЬ ИЛИ АКТИВНОСТЬ?

После изгнания сверхъестественного и духов из области, призванной дать объяснение особенностям работы человеческого организма, было предложено несколько научных теорий сна. Одна из них утверждала, что утомление должно сниматься во время сна. Причиной утомления считалось накопление различных отравляющих веществ, возникающих при мышечной и нервной активности. Эти вещества — гипнотоксины, поступая в мозг вместе с током крови, «отравляли» его, обусловливая этим наступление сна. Во время сна гипнотоксины устранялись из организма, нейтрализовались.

[1] См.: «Наука и религия», 1976, № 5, 7, 9.

Авторы этой теории — французские исследователи Лежандр [redacted] Пьерон обнаружили, что если у собаки после длительного непрерывного бодрствования взять спинномозговую жидкость [redacted] ввести ее [redacted] полость мозга отдохнувшей [redacted] выспавшейся собаки, ей непреодолимо захочется спать. Отсюда следовало, что некое вполне определенное вещество является фактором, участвующим во включении мозговых механизмов сна.

В последние годы эта полузабытая теория получила подтверждение. [redacted] лаборатории швейцарского ученого Моннье из крови спящего животного выделено вещество типа особых осколков молекулы белка — полипептидов. Введенное в организм другого животного, вещество действительно вызывает сон.

Важный этап в изучении [redacted] составили исследования, проводившиеся в первой трети нашего столетия [redacted] лабораториях И. П. Павлова. На их основе была сформулирована теория, объясняющая сон как разлитое корковое торможение головного мозга. Теория И. П. Павлова справедливо подчеркнула значение внешних условий для возникновения сна и участие [redacted] этом процессе образований коры мозга, хотя позднейшие непосредственные изучения поведения нервных клеток (нейронов) мозга [redacted] бодрствовании и [redacted] сне не выявили в нем разлитого торможения активности нейронов.

Древнегреческий бог [redacted] — Гипнос.

В 20-х годах нашего века австралийский врач-невролог Экономо, исследуя мозг людей погибших от летаргического энцефалита во время эпидемии, обнаружил наиболее частые разрушения в области, составляющей так называемый промежуточный [redacted] средний мозг (особенно в их сером веществе, представляющем скопление нервных клеток). [redacted] это же время швейцарский исследователь Гесс разработал метод введения электродов в глубокие отделы мозга, позволяющий изучать их функции по результатам непосредственного раздражения током. Он установил, что раздражение некоторых отделов промежуточного мозга, [redacted] частности зрительного бугра таламуса и подбугорья — гипоталамуса, вызывало сон у подопытного животного, [redacted] раздражение других отделов приводило к пробуждению.

Экономо и Гесс выдвинули теорию «центра сна». Она обладала недостатками, присущими всем теориям, пытающимся «привязать» сложную функцию мозга [redacted] ограниченной мозговой территории, но содержала важные положения, [redacted] значительной мере послужившие отправным пунктом для современных исследований сна. Исследования показали, что разные отделы мозга по-разному участвуют в возникновении и поддержании сна и что его возникновение обусловлено **деятельным** (а не подавленным) состоянием некоторых мозговых структур.

Следующий шаг [redacted] познании механизмов сна оказался тесно связанным с экспериментальным изучением ретикулярной формации ствола мозга. Анатомы давно описали скопления большого количества нейронов с ветвящимися отростками в центральных отделах ствола головного мозга. Они образуют сети (отсюда идет [redacted] [redacted] название «ретикулярная» — то есть «сетевидная»). Функция ретикулярной формации долго оставалась невыясненной, [redacted] только исследования последней четверти нашего ве[redacted] позволили понять [redacted] значение. Американский ученый Мэгун [redacted] итальянский Моруцци впервые показали, что раздражение ретикулярной формации электрическим током вызывает у животного реакцию активации. С другой стороны, работами бельгийского ученого 30-х годов Бремера было показано, что разрушение ретикулярной формации средних отделов мозгового ствола приводит подопытных животных к спячке.

После этих экспериментов сон стали считать пассивным состоянием высших отделов мозга, возникающим после подавления механизмов бодрствования со стороны особых мозговых структур, а ретикулярную формацию назвали ретикулярной активирующей системой — РАС.

Однако несколько позже в мозгу животных были найдены такие участки, деятельное состояние которых приводило [redacted] наступлению сна, [redacted] чем свидетельствовали характерные изменения [redacted] электроэнцефалограммах мозга: возрастала амплитуда синхронизации ритмов, и эти участки мозга назвали синхронизирующими. Сейчас [redacted] промежуточном мозгу выделены три основные синхронизирующие [redacted] — [redacted] промежуточном мозгу (срединная группа ядер зрительного бугра), в самых передних отделах переднего мозга, расположенных у основания мозгового образования, называемого «прозрачной перегородкой», и в области ретикулярной формации продолговатого мозга. Естественное поведение перед сном (поиск места, зевота, потягивание и т. п.) наблюдается только при раздражении второй из перечисленных зон — передних отделов переднего мозга. Очевидно, эта зона является естественным включателем сна, [redacted] остальные связаны [redacted] реализацией состояния сна (в особенности зона [redacted] зрительном бугре). Зона [redacted] продолговатом мозгу осуществляет подавление активности центрального звена системы бодрствования — РАС.

Еще недавно казалось, что природу сна объяснить можно довольно просто: в состоянии бодрствования влияние РАС обеспечивает повышенную возбудимость — энергетический «заряд» нейронов высших отделов мозга, в том числе и корковых, а включение системы сна, блокируя РАС, снижает эту возбудимость, способствует развитию торможения. Однако результаты исследований, проведен[redacted] [redacted] последнее время, показали, что дело обстоит значительно сложнее и что недавние представления должны быть существенно пересмотрены.

Сон оказался особым **деятельным** состоянием всего мозга, обусловленным работой специальных нейронных систем, представленных на разных [redacted] «этажах».

[redacted] ЧЕМ ГОВОРИТ ЭЛЕКТРОЭНЦЕФАЛОГРАММА

Еще раз вернемся [redacted] электрофизиологии. Для того чтобы обнаружить, [redacted] тем более записать электрическим импульсом биотоки, их надо усилить [redacted] тысячи и даже миллионы раз, ведь длительность изменений импульсов измеряется единицами и десятками миллисекунд (тысячных долей секунды). Поэтому регистрация биотоков стала возможной после изобретения безынерционных (или малоинерционных) записывающих устройств.

Нервные клетки [redacted] коре больших полушарий мозга человека и высших животных расположены в виде частокола. Продольная ось каждой клетки направлена перпендикулярно к поверхности коры. Количество нейронов в коре измеряется миллиардами, [redacted] под каждым электродом, имеющим поверхность контакта [redacted] несколько квадратных миллиметров, находится скопление [redacted] несколько сот тысяч или даже миллионов нейронов. Возникают одинаковые или очень сходные биотоки многих клеток, [redacted] [redacted] сумма создает характерную картину электроэнцефалограммы (ЭЭГ). Электрические потенциалы, возникающие в телах и дендритах (древовидных отростках) нейронов, [redacted] сумме образуют относитель[redacted] мощные электрические поля, позволяющие регистрировать биотоки коры мозга даже с кожи головы. ЭЭГ человека специфична по своему виду и обычно представляет собой серии колебаний потенциала. График их зависит от возраста и закономерно изменяется при разных функциональных состояниях мозга.

Для обозначения разных ритмов ЭЭГ договорились пользоваться буквами греческого алфавита. В состоянии спокойного, расслабленного бодрствования основной ритм ЭЭГ — альфа-ритм (от 8 до 13 колебаний в секунду). Чем больше нейронов коры «работают» одновременно (синхронно), [redacted] больше суммарная величина потенциала и выше амплитуда альфа-ритма. Сдвиг в сторону увеличения амплитуды получил название синхронизации, сдвиг [redacted] противоположную сторону (работа [redacted] разнобой) — десинхронизации.

В передних отделах головы альфа-ритм выражен хуже. Здесь может наблюдаться более частый бета-ритм (до 35 колебаний [redacted] секунду) небольшой [redacted]плитуды. Активизация внимания, беспокойство, различные эмоциональные реакции сопровождаются десинхронизацией со снижением амплитуды, исчезновением альфа-ритма, уплощением ЭЭГ [redacted] наслоением низкоамплитудных быстрых колебаний.

При наступлении сна изменения [redacted] ЭЭГ становятся многообразнее. Вначале альфа-ритм даже несколько усиливается, но затем уменьшается и исчезает. Его сменяет уплощенная ЭЭГ, нередко [redacted] умеренными, замедленными колебаниями потенциала (4—7 [redacted] секунду — это тета-ритм) или с быстрыми волнами — так называемая первая стадия сна, соответствующая дремоте. Затем [redacted] фоне уплощенной ЭЭГ начинают появляться веретенообразные вспышки бета-ритма (14—16 в секунду) — «сонные веретена». Они характеризуют легкий сон средней «глубины» — вторую стадию сна. Дальнейшее его развитие приводит к появлению медленных колебаний (дельта-ритм [redacted] потенциалом 1—3 колебания в секунду) сравнительно большой амплитуды — порядка 100 микровольт, наряду с продолжающимися «сонными веретенами». При самом «глубоком сне», когда человека труднее [redacted] разбудить (третья стадия сна), [redacted] ЭЭГ регистрируется еще более замедленный ритм — 0.5—2 колебания [redacted] секунду. Дельта-ритм большей амплитуды говорит о наступлении четвертой стадии сна.

Две последние стадии часто объединяются под названием дельта-сон.

СОН: ДВА СОСТОЯНИЯ

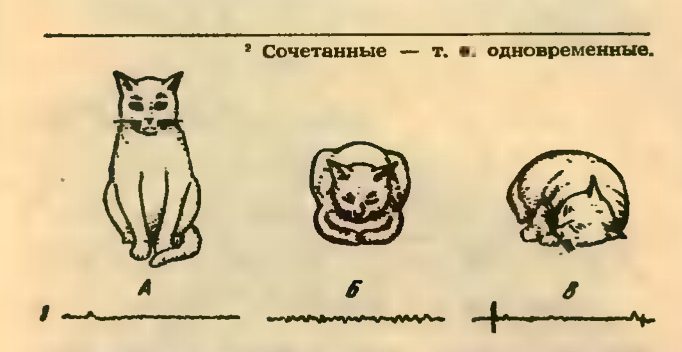
Одним из наиболее важных результатов изучения сна было открытие американскими исследователями Клейтманом, Азеринским, Launch Launch Дементом и французским Жуве того факта, что сон человека и млекопитающих животных представляет собой не одно состояние, [redacted] [redacted] меньшей мере два, со [redacted] проявлениями, мозговыми механизмами и, очевидно, функциональным назначением. Вся динамика сдвигов от альфа- до выраженного сплошного дельта-ритма [redacted] ночном сне взрослого здорового человека занимает от одного до полутора часов — «медленный» сон. Затем картина ЭЭГ резко меняется — приобретает вид, свойственный дремоте или даже бодрствованию. [redacted] это [redacted] время с помощью специальных электродов регистрируются сочетанные [2] движения глазных яблок. Однако разбудить человека оказывается труднее, чем при обычном дремотном состоянии и даже при сне [redacted] «сонными веретенами». Мышцы шеи максимально расслабляются, но в то же время нередко наблюдаются подергивания лица, беспорядочные движения туловища [redacted] конечностей. Это состояние вначале стали называть «парадоксальным» сном, так как при нем сочетались как активации мозга (сдвиг ЭЭГ), так [redacted] угнетения его (торможение двигательной системы). Затем название сменили на «быстрый» сон.

Если человека разбудить в «быстром» сне, то [redacted] 80—90 процентах случаев он рассказывает, что ему снилось, даже [redacted] [redacted] считает, что спит без сновидений. Пробуждения [redacted] время «медленного» сна редко сопровождаются такого рода отчетом.

«Медленный» и «быстрый» сон, идущие подряд, образуют в совокупности цикл длительностью 90—120 минут, повторяющийся 4—6 раз за ночь. Движения глаз в «быстром» сне отличаются от тех, которые бывают, когда [redacted] что-нибудь рассматри[redacted] наяву. Они наблюдаются у подопытных животных, лишенных коры мозга, и у новорожденных детей. «Быстрый» сон зарегистрирован у еще [redacted] родившихся детей — в утробе матери.

Опыты на животных французского физиолога Жуве показали, что возникновение [redacted] регулирование «быстрого» сна связано с активностью особой функциональной системы, центральное место в которой занимают группы нейронов, образующие ядра ретикулярной формации [redacted] области варолиева моста. Отсюда исходят влияния, ответственные [redacted] характерные изменения ЭЭГ, [redacted] также вызывающие [redacted] зрительной системе мозга появление нейронной

² Сочетанные — т. [redacted] одновременные.

Три [redacted] нервной [redacted] [redacted]: А — бодрствование; Б — «медленный» сон; В — «быстрый» [redacted].

активности, возможно обусловливающей зрительные образы в сновидениях.

Включение механизмов сна связано с наличием в мозгу химических веществ — серотонина, норадреналина, возможно и других, с помощью которых нейроны передают сигналы друг другу через особые места сближения нервных клеток — синапсы. Подавление синтеза серотонина ведет к бессоннице (то есть он «обслуживает» сон), норадреналин, наоборот, «обслуживает» бодрствование, а возможно, и некоторые проявления «быстрого» сна. «Медленный» и «быстрый» сон резко отличаются друг от друга, почти так же, как оба они отличаются от бодрствования. Поэтому сейчас стали говорить не о двух основных состояниях мозга и организма, а о трех: бодрствовании, «медленном» и «быстром» сне.

Как самые глубокие «медленноволновые» стадии «медленного» сна, так и «быстрый» сон крайне нужны для организма. Если организм лишить любой из этих двух фаз сна, мозг отвечает усиленной ее продукцией. Когда человек лишен какого-либо из этих видов сна или их обоих, это вызывает некоторые нервно-психические расстройства. При последующем восстановлении сна вначале ликвидируется дефицит в дельта-сне, а затем — в «быстром». Поэтому считают, что самые «глубокие» стадии «медленного» сна — дельта-сон — необходимы в первую очередь.

Пробуждаясь из «медленного» сна, испытуемый нередко сообщает о психических переживаниях, принявших вид продумывания событий прошедшего дня. Очевидно, в медленном дельта-сне также имеет место психическая активность, которая, однако, не осознается и не запоминается. О ее наличии можно судить по косвенным признакам, например по вегетативным проявлениям эмоциональных реакций. Но у некоторых людей (чаще у нервных детей) она проявляется в виде снохождения, снотворения, ночных кошмаров, о которых они потом ничего не помнят.

Исследования показали, что сон не просто заторможенное состояние, не отдых, а особая, очень важная для организма работа. В чем смысл этой работы и почему после нее возникает ощущение отдыха, свежести, восстановленной работоспособности? Исчерпывающего ответа на этот вопрос пока нет, хотя и предложено несколько гипотез.

Большое распространение получила гипотеза, которую условно можно назвать «информационной». Согласно ей, во сне происходит дальнейшая переработка информации, полученной за истекший день. Мозг очищается от информации, оказавшейся ненужной, в то же время важная, полезная информация отсортировывается, отбирается и закрепляется в долговременной памяти. На основе такой важной информации совершенствуются старые и создаются новые программы работы мозга. Возможно, заполнение «информационной емкости» мозга (накопление значительного количества не до конца переработанной информации) воспринимается человеком как чувство умственного утомления, а «разгрузка» этой емкости вызывает чувство отдыха, восстановления работоспособности.

Новорожденные первые 2—3 недели спят почти исключительно «быстрым» сном. Затем удельный вес «быстрого» сна постепенно сокращается, достигая в школьном возрасте обычных для взрослого человека 20 процентов. Если «быстрый» сон важен для создания фундаментальных программ работы мозга, он должен получить максимальное выражение в тот период жизни, когда такие программы создаются особенно интенсивно.

ПРЕДСКАЗАНИЕ ИЛИ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ?

Функциональное назначение сна многообразно. Во сне переживаются положительные эмоции и сглаживаются отрицательные, вызванные разными неприятностями прошедшего дня, находятся пути разрешения эмоциональных жизненных конфликтов, проверяется работа разных мозговых устройств путем «проигрывания» различных задач... А как же «вещие» сны?

Если во сне происходит дополнительная переработка информации, поступившей во время бодрствования, то в этот период могут отчетливее выступить якобы второстепенные детали, неясно выраженные мотивы поступков других людей. В бодрствовании прогнозирование событий возможно и даже необходимо — на этом строится научное планирование. Успешность такого «вещего» бодрствования зависит от учета накопленного количества наиболее важных фактов и от прослеживания тенденции их развития. Кое-что из событий бодрствования может быть детальнее, полнее, лучше оценено во сне, и тогда процесс прогнозирования может оказаться более эффективным. Вспомните оценку психической деятельности во сне, данную известным естествоиспытателем прошлого века Александром Гумбольдтом:

«В творчестве и сплетениях сновидений иногда обнаруживается тайная глубина и искренность духа, полнота чувства, ясность представления, тонкая наблюдательность и сила остроумия, каких мы не можем признать за постоянное достояние бодрствующей жизни. Сновидение часто обладает удивительной поэзией, превосходной силой аллегории, несравненным юмором, замечательной иронией».

Сказанное относится не к тому разряду толкователей «вещих» снов, которые в своих предсказаниях будущего основываются на собственном наитии, а к тем, для кого сновидения есть продолжение психической жизни бодрствования, иногда более детально анализируемой и дающей больше оснований для верных прогнозов на будущее.

Каждый рассказ о пророческих сновидениях должен очень тщательно анализироваться. Здесь могут сказаться ошибки памяти, иллюзии ложного узнавания, заключающиеся в том, что человеку кажется, будто он второй раз видит или переживает то, что в действительности для него совершенно ново. В большинстве случаев ошибка исправляется и осознается. Но у некоторых людей иллюзии ложного узнавания приводят к особым последствиям. Они не считают свое ощущение ошибкой, хотя и не думают, что оно было в действительности. Они уверены, что видели переживаемое «духовным зрением». Такие люди убеждены, что могут получать откровения во сне. Не случайно подобные иллюзии часты у больных эпилепсией — обычно провидцы разного рода выступают в облике кликуш, юродивых, людей, одержимых припадками. Та же иллюзия ложного узнавания лежит в основе ряда случаев «сбывшихся» «пророческих» сновидений.

Конкретный анализ фактов и событий в каждом отдельном случае, что представляет всегда немалую трудность, в итоге снимает с рассказа о «вещем» сне ореол мистического.

КТО ОНИ, ТАИНСТВЕННЫЕ ЛУНАТИКИ?

Со сном человека связаны и так называемые «загадочные явления психики», бывшие с давних пор источником различных суеверных представлений и домыслов. Особенно пугающее впечатление производили случаи лунатизма. Теперь мы знаем, что

снохождение, сомнамбулизм — это особое состояние человека на грани нормы и патологии, чаще всего наблюдаемое у подростков, хотя лунатиками бывают и взрослые. По данным статистики, примерно 15 человек из 100 являются если не активными, то потенциальными лунатиками.

В периоды снохождения человек движется при выключенном или очень ограниченном сознании. Из окружающей среды лунатик воспринимает только то, что связано с выполнением подсознательного желания. Словно луч фонаря, сознание лунатика освещает лишь ограниченное пространство, оставляя в темноте то, что находится совсем рядом (лунатик может не воспринимать находящихся рядом людей, хотя и будет смотреть на них широко открытыми глазами).

Лунатизм не связан с «быстрым» сном и просматриванием сновидений. В 1963 году психиатры Лос-Анджелесского университета провели лабораторный эксперимент, в котором участвовали 11 лунатиков. Результаты эксперимента поразили ученых: приступы лунатизма всегда приходились на периоды «медленного» сна, на самые глубокие его стадии — дельта-сон. Оказывается, в «быстром» сне, когда расслаблены мышцы, ни хождение, ни более сложные движения невозможны.

До настоящего времени еще нет окончательных суждений о механизмах, управляющих движением лунатиков, ясно одно: лунатизм — тоже свидетельство психической деятельности, свойственной «медленному» сну, это его продолжение, происходящее в сфере бессознательного.

Можно ли воздействовать на это состояние? Обычно детям и подросткам никакого лечения не назначают, они «перерастают» свой лунатизм. Важно на это время защитить их от травм. Если хождения во сне часты и продолжительны и не исчезают с годами, назначаются лекарства, угнетающие третью и четвертую стадии «медленного» сна (что, однако, следует делать с большой осторожностью, учитывая важность именно этих стадий).

ЛЕТАРГИЧЕСКИЙ СОН

В конце первой мировой войны в Европе вспыхнула эпидемия летаргического энцефалита. Тяжелое заболевание, теперь довольно редкое, сопровождалось рядом нарушений в центральной нервной системе. Наиболее распространенным симптомом была повышенная сонливость: больные могли спать неделями, пробуждаясь лишь для приема пищи.

Всякий сон, продолжающийся значительно дольше обычного, в быту называют летаргическим. Однако при таком подходе объединяются абсолютно разные процессы и состояния мозга. При энцефалите это действительно повышенная активность механизмов сна вследствие повреждения мозга, нарушения регулировки сна и бодрствования. При истерии это результат самовнушения, обычно больными не осознаваемый. Электроэнцефалографическое исследование в первом случае регистрирует типичные чередования стадий и фаз сна, истерия дает картину бодрствования с небольшим замедлением главного ритма ЭЭГ — альфа-ритма, со способностью реагировать на происходящее вокруг, с запоминанием и последующим (после пробуждения) рассказом об этих событиях.

Иногда к летаргическому сну ошибочно относят состояние кататонического ступора [3] при шизофрении, когда больные годами находятся в состоянии полной неподвижности (знаменитый случай с алтайским крестьянином Качалкиным, «проспавшим» 22 года). В это время они могут слышать и запоминать почти все. Тот же Качалкин, выйдя из ступора в 1918 году, рассказывал И. П. Павлову о разговорах врачей у его постели. При летаргическом энцефалите больного, как правило, можно разбудить.

По-видимому, собственно летаргией (истинным летаргическим сном) можно назвать заболевание типа периодической спячки. Приступ сна продолжительностью в несколько дней является обычно результатом ограниченного повреждения мозга, например при нарушениях в области дна третьего желудочка (сильвиева водопровода), вызывающего местный отек. Как это ни парадоксально, электроэнцефалограмма этого тяжелого состояния, похожего на смерть, дает картину неглубокого или поверхностного сна. Больного разбудить невозможно до тех пор, пока он не проснется сам.

Когда уровень медицины был намного ниже, когда не могли распознать летаргический сон, случалось, больного по ошибке хоронили. Нетрудно предположить, что основой масс кладбищенских историй о привидениях и призраках, выходящих из склепа, могли служить трагические случаи ошибочного захоронения людей.

«ЦЕРКОВЬ НЕ БОИТСЯ ПРОГРЕССА НАУКИ...»

Давно кануло время, когда церковь по-разному стремилась препятствовать изучению строения и функций человеческого организма. Область психического, закономерностей работы мозга были последним убежищем, откуда наука вытеснила церковное «знание». Иные времена — иные песни. В 1964 году ватиканская Академия наук созвала международный симпозиум по изучению мозга под девизом: «Мозг и сознательный опыт». На встрече с участниками симпозиума папа Павел VI произнес любопытную речь.

«...Мозг и сознательный опыт»: достаточно видеть эти слова, связанные между собой, чтобы понять, что вы касаетесь того, что является в человеке наиболее ему свойственным, того, что ближе всего подводит к механизмам его психологии, проблемам его души... Но кто не видит тесную связь между механизмами мозга (какими они являются в результате исследований) и наивысшими процессами, относящимися к чисто духовной деятельности нашей души?

Ваши труды оценены нами, как вы видите, с точки зрения той сферы, в которой они ведутся, из тесного родства с тем, что представляет наивысший интерес для нашей духовной власти — сферы моральной и религиозной деятельности человека.

Но, расширяя наш кругозор, мы хотели бы воспользоваться представившимся случаем и снова перед вами подтвердить, что церковь относится с уважением и доверием к научной мысли вообще.

Церковь не боится прогресса науки. Она охотно вступает в диалог с миром, созданным ею, и аплодирует чудесным открытиям, которые делают ученые»[4].

Выступление главы католической церкви — наглядный пример и образец современного отношения теологии к научным исследованиям. С одной стороны, желание примирить, сгладить противоречия приводит прямо-таки к материалистическим высказываниям, с другой стороны, любое непознанное и все еще загадочное явление в жизни природы, в жизни человека она превращает в боевое оружие своей пропаганды. А в деятельности мозга многое еще не раскрыто, в частности не до конца исследована природа сна. Но вопрос поставлен, и весь ход науки позволяет надеяться на успешное его решение.

---

[3] Ступор — оцепенелость, неподвижность.

[4] Edited by Iohn. C. Eccles Brain and conscious Berlin — Heidelberg — New-Jork, 1966, p. XIX—XXI.

Борис ВОЛОДИН

6

Вот [redacted] Иван Петрович открыл себе Учителя — [redacted] тому [redacted] Несравненного! [redacted] человеке, [redacted] которого прежде [redacted] не [redacted]. [redacted] молодом — всего [redacted] себя старше.

А [redacted] тому [redacted] 71-го приехал, поступил [redacted] университет, определил себе [redacted] будущее, и по[redacted] с ним [redacted] одной комнате братец Митя. И теперь Иван Петрович [redacted] забот, изрядно [redacted] первый год [redacted] мучивших, уже [redacted] ведал. Стипендия избавила [redacted] уроков. Он отдавал [redacted] Мите и жил «у брата [redacted] пазухой», думая лишь [redacted] том, [redacted] бы собрать свой [redacted] один гриб [redacted] науке. (Помните, [redacted] детстве [redacted] лесу [redacted] уходил [redacted]. Всем надоедал, [redacted] изводил, [redacted] шел, [redacted] без [redacted] первого гриба [redacted] возвращался.)

Он по-детски старался копировать несравненного Илью Фадеевича. Цион [redacted] входил — влетал, [redacted] стал влетать. А главным было подражать Несравненному [redacted] деле. Тот [redacted] лаборатории часами, [redacted] Иван Петрович — ча[redacted]. Цион [redacted] новейшее, [redacted] ловчил первым ухватить в университетской читальне вновь прибывшие журналы, [redacted] немецкие, и теперь французские. Он узнал от Циона [redacted] Овсянникова, [redacted] выше Клода Берна[redacted] сейчас [redacted] в физиологии, [redacted] человек, который собирается стать настоящим физиологом, читать Бернара должен только [redacted] подлиннике. А раз [redacted] Цион, Иван Петрович посреди второго [redacted] переписал[redacted] занятий немецким языком, [redacted] котором читал [redacted]бодно, — [redacted] занятия французским, [redacted] руки [redacted] лектору Флери, который славился тем, что у [redacted] научаются быстро.

С третьего курса естественники записывались на [redacted]федры. Илья Фадеевич рассыпал перед будущими фи[redacted] возможные [redacted] работы — из тем, которы[redacted] тогда сам занимался, [redacted] он сразу четырьмя. Первая, конечно,— нервы сердца. Вторая — функция печени (он ведь у Клода Бернара доказал, [redacted] происходит именно в печени—тре[redacted] открытие «звездных» времен [redacted] командировки). Далее — нервы, заведующие функцией поджелудочной [redacted]. И наконец — не связан ли сахарный диабет с [redacted] этой железе? (Правда, [redacted] Илья Фадеевич [redacted] крутил, были здесь [redacted] одни потемки.)

Окончание. Начало см. в № 8.

[redacted] физиологи записались четверо: Павлов, Афанасьев, Великий, Лебедев. Первые работы были заданы каждая на двоих. Ивану Петровичу досталось [redacted] Великим проверять опыты швейцарского физиолога Морица Шиффа, который утверждал, будто волокна ускоряющего нер[redacted] выходят [redacted] из спинного мозга [redacted] звездчатый узел, [redacted] описали Ционы [redacted] Бецольд, [redacted] из головного — [redacted] «добавочный» нерв [redacted] «добавочного» переходят [redacted] гортанный нерв. Такую тонкость проверять — надо хорошо оперировать. Чуть [redacted] так — фонтанчики [redacted] сосудов, [redacted] залито, ищи, где артерия, придавливай пальцем, перехватывай пеановским зажимом, перевязывай, суши рану, [redacted] осушил — [redacted] оказываются травмированными, отекшими. Разбирай теперь, где нерв, [redacted] может, ты его уже порвал и упустил, [redacted] сокращается, разрезанный [redacted] порванный.

Цион однажды смотрел, смотрел, [redacted] возились: опыт шел насмарку, [redacted] Володя Великий в отупении [redacted] лазил [redacted] рану рукой, [redacted] кровью...

— Эх, вы, Великий физиолог! Тьфу!.. — [redacted] зажим, сунул в лицо [redacted] разошелся, [redacted] разошелся:

— Инстгументами надо габотать! — кричал, грассируя по-парижски (на лекциях он обходился без грассирования). — Инстгументами!! Не [redacted] гуками!..

И [redacted] мычанье, что, мол, [redacted] можно [redacted]паться, [redacted] добираешься [redacted] до звездчатого узла, Несравненный вдруг [redacted] зыркнул библейскими гла[redacted]

— Дегжу паги, что [redacted] канун Нового года я во фга[redacted] поставлю полный опыт [redacted] сегдечными негвами!

И поставил. За [redacted] до начала бала у невесты. Надушенный, напомаженный, наряженный — только танцами дирижировать.

Нарочно [redacted] прикрыл пластрона [redacted] фартуком, [redacted] щегольских, английской работы лайковых перчаток. Ловко перехватывал сосудики длинными [redacted]жимами, перевязывал их, легко закручивая узлы [redacted] корнцангов. Отпрепарировал так, [redacted] видно, [redacted] учебнике. Пинцетом прикладывал электрод:

— Вот, господа! Вот [redacted] — Виллизиев nervus accessorius[1]. Вот [redacted] газдгажаем!.. Никакого эффек-

[1] Добавочный [redacted].

та. Теперь гогтанный негв — никакого! А теперь — веточка от nervus laryngeus[2], которую вы нашли позавчега... Эффект! Полный эффект! Все так, как и должно было получиться у вас позавчега. И это значит, что господин Шифф не пгав, и вы, с моей, так сказать, легкой гуки и моим посгедстве, его в том уличили-с! А я к тому же выиг-гал паги, да-с! Извольте засвидетельствовать, Владимиг Николаевич!.. Иван Петгович!.. Сеггей Иванович!..

Он бросил инструменты и показал перчатки — поднес каждому, а пришли-то все четверо и еще Сергей Чирьев, ассистент из студентов. И на лайке, и на манжетах, на пластроне, на фраке — ни пятнышка. Только пылинку какая-то на носке лакированной туфли — ее быстрехонько отер служитель.

Это физиологическое гала-представление было последним опытом, который он поставил в университетской лаборатории. Еще с осени Циона назначили на кафедру в академии. А после полутора лет управления Заварыкина там получилась совершенная мерзость запустения, почти все сеченовские приборы растащили, и Илья Фадеевич отчаянно стал вить гнездо. Завел вечерние «приватиссима» — частные платные лекции для студентов и для врачей, нашвырял темы для желающих делать физиологию. Овсянников, конечно, разрешил, чтобы старшие университетские студенты занимались и там в академии — не разрываться же человеку.

И тут Несравненный — безапелляционно, как он один мог, — Ивану Петровичу и прочим раз и другой, будто из митральезы: «Физиолог, то есть, милостивые государи, не лягушатник, а настоящий физиолог без медицинского образования немыслим!..»

— Все мы — Бернар, Людвиг, Брюкке, Дюбуа, Гейденгайн, глубокоуважаемый Филипп Васильевич и даже чтимый вами господин Сеченов — медики!.. Гельмгольц?.. А Гельмгольц-то, господа, один из всех названных, как и ваш покорный слуга, не просто медик, а врач. Врач лечивший!.. Служил в госпитале, да-с!.. Что физика! Физиков не учат, физиками становятся, как и людьми!..

Университетских в академию брали сразу на третий курс. Правда, условно: полагалось отработать топографическую анатомию.

Но Иван Петрович все же еще колебался. Сам уже не только верил, но ощущал, что Несравненный прав. На Ционовых «приватиссима» в академии вдруг заходила речь о деталях, которые для него были совершенно непонятны, а врачи, из интереса на «приватиссима» ходившие, и даже академические студенты, схватывали все доводы с полуслова. Он как бы попадал, посторонний, в чужую компанию...

И тогда Цион сказал Ивану Петровичу:

— Да что вы раздумываете? Пока я в академии, вы не пропадете. Станете у меня ассистентом, чтоб не быть стесненным в средствах одною стипендией. А там, бог даст, оставят при академии — прозектором при кафедре либо адъюнктом. Либо формально пропишут в полк, где-нибудь в Царевококшайске стоящий, и будете считаться прикомандированным к главному военному госпиталю для усовершенствования. А дальше что загадывать. Может быть, выживете с кафедры вашего покорного слугу, своего учителя! Либо учитель сам не оставит ради профессуры в какой-нибудь Сорбонне...

Какие были розовые дали! Как же вмиг заволокло...

7

Впрочем, не вмиг.

Говорят, первый шаг человека — это первый шаг к смерти.

Илья Фадеевич только сделал первый шаг к сеченовскому столу для демонстраций лекционных опытов, а скандальный его уход уже стал предопределяться и во многом им же, Ильей Фадеевичем.

Само его воздвижение на место Сеченова происходило с прегромким скандалом. Ведь это синие глаза Ивана Петровича смотрели на Циона восторженно, а профессор гистологии Заварыкин, возглавивший на сей раз комиссию по разбору достоинств претендентов на кафедру физиологии, смотрел совсем другими глазами. Ну не лежала у Заварыкина душа к Илье Фадеевичу. Не нравилась ему его манера разбирать на Обществе естествоиспытателей сообщения коллег по косточкам, сопровождая это саркастическими замечаниями. Посему Федор Николаевич решил освободить от лишней работы прочих членов комиссии: взялся один составить подробнейший доклад. Но трудов-то у Циона много, а кое-что есть у второго кандидата, коего Федор Николаевич выдвинул вместе с теперешним ученым секретарем Сорокиным. А самому Заварыкину читать два лекционных курса. Все пришлось отложить до весны, а там — экзамены: ему следовало у трехсот студентов принять по два экзамена! Но он и тут нашел выход. Держался такой процедуры: являлась на экзамен группа студентов, выходил вперед депутат с матрикулами в руке и произносил сакраментальную формулу: «Профессор, нам не нужны ваши пятерки, поставьте нам тройки». Были, правда, чудаки, которые тратили драгоценное время и силы на доказательство, что ими материал усвоен лучше.

Словом, за доклад о кандидатах в профессора физиологии Заварыкин принялся только в следующем январе. Но зато поработал, не щадя сил. Доклад растекся на сто двадцать страниц, в феврале 1872 года конференция профессоров слушала его три заседания. И без малого сто страниц оказались посвящены доказательству, что Цион — не ученый, а человек безграмотный, безнравственный, просто жулик. Оскорбляет почтенных ученых — и заграничных, как Шифф и Бецольд, и отечественных тоже — в печати и устно. Сам же не знает даже четырех действий арифметики, перевирает физические константы. Никаких исследований он сам почти не делал. Рефлекс открыли Ционов брат с Людвигом, а он их оттер и, обманувши Клода Бернара, получил Монтионовскую премию.

Зато в господине Шкляревском, питомце Медико-хирургической, сразу видно солидного ученого, испытанного в широком размере преподавателя, исследователя, которому доступны и тонкости экспериментальной работы и орудие истинно научной критики и дана способность живого и действующего слова. Сему свидетельство — блестящие его сочинения. Правда, чтобы обзор трудов не выглядел таким уж чахлым, Заварыкину пришлось разбирать даже и три рукописи популярных лекций, в разное время Шкляревским читанных. И под сочинением Заварыкина очутились автографы четырех других членов комиссии. Но шестой член комиссии — замечательный психиатр Балинский представил отдельный разбор обоих кандидатов и в нем доказывал, что заключение Заварыкина — совершеннейшая клевета на первоклассного ученого и педагога.

На слушание заявления Балинского ушло еще заседание. Скандал разыгрался страшный. Рассвирепевший Боткин потребовал зачитать письмо Сеченова — то, где он назвал доктора Циона ученым, имеющим всего больше прав на занятие оставляемой им кафедры.

Цион получил одиннадцать белых—как потом гово-

² Гортанный нерв.

рилось при бурных обсуждениях в курительных и за чайными столами — от «немецкой партии»: в ней теперь очутились Боткин, Балинский, Красовский и Корженевский. Черных же шаров Илье Фадеевичу было поднесено четырнадцать штук.

Шкляревский получил четырнадцать белых и одиннадцать черных. И решение конференции об избрании Шкляревского на пост профессора пошло на утверждение в Военное министерство.

Тогда вступил в дело главный военно-медицинский инспектор, бывший начальник академии профессор-патолог Козлов, который отлично знал всю кухню и сам провалил Мечникова. Он был за Циона и, полистав академический устав, обнаружил три тяжких нарушения процедуры, делавших выборы недействительными. Послал официальные письма Клоду Бернару, Гельмгольцу, Пфлюгеру, Людвигу, Брюкке, Бабухину и Овсянникову с просьбой сообщить Военному министерству, что им известно о докторе Ционе и о докторе Шкляревском, и в три недели получил ответы из Лейпцига, Берлина, Бонна, Вены, Парижа, Москвы и с Университетской набережной. Все корифеи европейской и отечественной науки сообщали, что они, к сожалению, не имеют чести знать физиологических трудов господина Шкляревского из-за отсутствия таковых в научной литературе и поэтому могут назвать достойным только доктора Циона. А затем, благоразумно дождавшись каникулярного времени, в самый разгар лета 1872 года Козлов получил от военного министра, графа-либерала Милютина резолюцию: результаты выборов аннулировать, назначить профессором академии доктора медицины Циона. Это было затрещиной всей академии, ибо приказ нарушал автономию учебного заведения. За Ционом так закрепился титул «назначенного профессора».

...Несравненный не жалел ни сил, ни времени. Курс читал превосходно. Лекции до предела насыщены самоновейшими фактами — университетские его ученики, не пропуская ни одной, весь курс сызнова в академии прослушали. Днем ставил эксперименты для своих работ. Вечером демонстрировал эксперименты для студентов и для врачей, для всех, кто желал приобщиться к физиологии. Помогал ученикам ставить опыты для их собственных исследований.

Одну предложенную им тему Совет университета утвердил как конкурсную — на соискание золотых медалей за лучшее в 1874 году студенческое сочинение по естественным наукам: «О нервах, заведующих работою в поджелудочной железе». Вторая тема была зоологическая — о цикле развития речного угря. Физиологи, все четверо, конечно, взяли ционовскую. На исполнение давался год. Разделились по двое: собаку в одиночку не прооперируешь. На этот раз Иван Петрович уговорился ставить опыты с Афанасьевым, а Великий стал работать с Лебедевым. И речь тут шла не только о медали. Первее всего — предстояло самостоятельное решение вопроса, еще по-настоящему не разработанного, хотя с ним и Клод Бернар возился, и Людвиг, и Гейденгайн с учениками. Это уже не простое повторение опытов учителя. С такой работой можно сразу всерьез войти в настоящую науку.

В академической лаборатории у Циона все кипело. Уже более ни на что не должно было оставаться времени, а он и во всех заседаниях Общества естествоиспытателей, и оппонировал диссертации, и одна за другой — статьи о своих работах. И еще писал двухтомный труд «Методика физиологических экспериментов и вивисекций». И еще успевал бывать в обществе, танцевать на балах, крутить роман с дочкой Малкиеля, знаменитого воротилы, интендантского подрядчика. Но женитьба — и пошли в ход колкости, что он в академию приезжает как большой барин, на паре караковых, в дареном ландо с зеркальными фонарями. Не стоило так шиковать перед тамошней профессурой. Держать собственный выезд, кучера, конюха могли те, кто имел собственный особняк, громкое врачебное имя, к кому весь Петербург на прием ломился. Не по чину это было Илье Фадеевичу.

8

...И тут Чистович предложил Илье Фадеевичу выступить с научной речью на ежегодном торжественном академическом акте. Акт предстоял не простой — круглая дата, юбилей: 75-летие заведения!.. А человек, читающий актовую речь, как бы олицетворял собою российскую медицинскую науку. Такой юбилейный акт члены царствующего дома — даже сам государь — могут осчастливить присутствием. И кто перед ними — постылый Цион!.. Ничего не поделать: Козлов приказал — покровитель. Циону для представительности к торжеству было даже исхлопотано высочайшее пожалование чином коллежского советника и Станиславом.

И что же!.. Императора на акте не было в знак высочайшего неудовольствия крамолой, распространявшейся студентами — медиками и девицами, допущенными в вольные слушательницы академии: как раз накануне акта некоторые из студентов были подвергнуты арестованию, при обысках опять нашли Женевские издания Бакунина, Лаврова и всякое прочее. Митрополит, коего Чистович самолично посетил, усомнился, подобает ли ему присутствовать на акте, коли главная речь посвящена не вопросам веры и христианской нравственности, а проблеме физиологической: ведь ее предмет — «Сердце и мозг» — не так ли?.. Неминуемо дело коснется коренного расхождения между церковью и господами-физиологами, и всего вероятнее, что профессор возгласит идею разъятия боговдохновенной души на рефлексы, как провозглашал господин Сеченов у нас, а в Германии этот... Карл Людвиг. Если господин Цион начнет утверждать такие тезисы — этого нельзя оставить без ответа. Но торжественный акт — не философский диспут. Выйти же из залы в знак протеста, значило бы нарушить благопристойность высокого празднества и разбередить страсти, которые и так уже изрядно накалены.

...Был или нет Иван Петрович на самом академическом акте — неведомо. Скорее, его туда не пустили. Когда предполагается присутствие высоких персон — без полиции нельзя, а без посторонних студентов можно. Но учитель подарил всем ученикам брошюры с надписью, ибо речь «Сердце и мозг» не только была Ционом прочитана, но и опубликована в Петербурге — как подобало актовым речам — отдельной брошюрой, и сразу перепечатана в авторском переводе во Франции, и злободневное ее обсуждение тотчас развернулось на страницах тогдашних газет и журналов.

Для начала критики отметили, что и сама тема речи, и ход ее раскрытия у Ильи Фадеевича напоминали лекцию Клода Бернара «Физиология сердца и его отношение к головному мозгу». А сто лет спустя историк физиологии, анализируя эту речь, обратит особое внимание на то, что Илья Фадеевич говорил в ней о перспективах своей экспериментальной науки, которые открывают новые методы и приборы, изобретенные для объективной регистрации физиологических процессов. Он говорил о кардиографии, о графических записях кровяного давления и ритма дыхания, изучение которых со временем может привести к открытию математических зависимостей между изменениями состояния важнейших систем организма и теми или иными сильными эмоциями. Как знать, предположил Цион, быть может, накопив достаточный статистический материал,

физиологи научатся [redacted] временем [redacted] кривым кардиограммы, дыхания и давления расшифровывать эмоции, переживаемые человеком. И [redacted] шутку, без [redacted] не обходятся умелые ораторы, принялся рисовать, [redacted] физиологи начнут по кардиограммам читать человеческое сердце, [redacted] книгу, узнавая по зубцам, когда люди лгут, лицемерят, подличают...

Но вдруг резко прервал веселый полет своей фанта[redacted] знаменитым [redacted] те дни изречением Эмиля Дюбуа-Реймона, физиолога, одним [redacted] первых провозгласившего идею раскрытия физических [redacted] химических механизмов [redacted] «Не познали [redacted] никогда не познаем!» Вот [redacted] звучал [redacted] афоризм. Но у иронического Дюбуа-Реймона, любителя диалектических пряностей, эти слова обозначали лишь относительность знаний о материи [redacted] силе, раскрываемых наукой [redacted] каждом ее этапе. Слова-то стояли [redacted] определенном контексте.

А Цион приложил [redacted] конкретной проблеме [redacted] придал им абсолютность: никогда [redacted] будет раскрыта тайна сознания, [redacted] — область, куда науке [redacted] суждено проникнуть!..

Вот что утверждал Илья Федеевич: «Лучшие современные физиологи, особенно те, которым физиоло[redacted] органов чувств [redacted] психофизики обязаны самыми блестящими успехами, [redacted] том, что создание механики умственных процессов [redacted] последний возможный предел, дальше которого [redacted] естествознание, [redacted] другая наука [redacted] изучении духовной [redacted] пойти не могут».

Ах, где вы, митрополит Санкт-Петербургский! Почему вас нет [redacted] торжественной актовой речи [redacted]ленного митрополита физиологии! Ведь формула «Не познали и никогда [redacted] познаем!» [redacted] побудила бы [redacted]рушить благолепие высокого празднества. И когда Ци[redacted] стал говорить [redacted] том, что искусство — [redacted] народных песен [redacted] до высших образцов литературы [redacted] му[redacted] — принесло для познания человеческого сердца больше, [redacted] самые изощренные физиологические исследования, ибо художники способны ощущать то таинственное, [redacted] недоступно разъятию [redacted] рефлексы, [redacted] той [redacted] зала, [redacted] студенты, донесся ропот.

А [redacted] говорил, что подвижничество [redacted] самоограничение ученого (снова ропот!) искупается эстетическим удовольствием, [redacted] приносят плоды [redacted] труда, [redacted] он может дополнить чудную гармонию природных [redacted]лений... Эти поэтические фразы [redacted] понравились сановным гостям, ценившим изящную словесность, [redacted] те студенты, что сами себя называли [redacted] «разумно мыслящими», четко поняли, [redacted] повернул назначенный профессор свою речь.

И [redacted] тотчас заговорил [redacted] пагубности взглядов, [redacted]торыми пропитаны [redacted] наши недоучки, предпочитавшие нахватывание пустых фраз у Бюхнеров, Молешоттов [redacted] подобных писателей». О том, что [redacted] полузнание может наслаждаться [redacted] теории Дарвина [redacted] лестным родством [redacted] обезьяной, ею доказываемой». И, наконец, — [redacted] бесплодных попытках рассматривать душу под микроскопом [redacted] сообщать кро[redacted] человеческий разум, угощая [redacted] фосфором».

Он [redacted] далеких — Бюхнера, Молешотта, Дарви[redacted] ближнего, впрочем, — лишь его [redacted] приметы [redacted] высокомерной филип[redacted] обрисованы были — прозрачнее некуда. А ведь «назначенный профессор» был все [redacted] естествоиспытатель [redacted] Клода Бернара и Карла Людвига. И [redacted] дорогих [redacted] учителей, любил подчеркивать, что они — прекраснодушные вольнодумцы.

Бернар говорил, [redacted] допускает «начальную причину мира» — уж [redacted] целесообразно сконструиро[redacted] организмы. Но иногда [redacted] бы отрезал: «Наука отбрасывает сверхъестественное, [redacted] отрицание. Она допускает лишь непознанное». То он, почти [redacted] веротерпимостью, уверял своего вольнослушателя [redacted] монахов: «...Я был бы огорчен, [redacted] бы [redacted] наука могла [redacted] какой-либо мере [redacted] оспаривать вашу веру». То сетовал, что присутствие этого доброго [redacted] ему заключить лекцию должными философскими выводами — «мне [redacted] его огорчать!» А увидев похоронную процессию [redacted] священником, вдруг замечал: «Когда [redacted] повезут [redacted] кладбище, [redacted] надеюсь обойтись без [redacted] спутника»...

А мягчайший Людвиг [redacted] в лекциях оба воззрения на душевные явления. По одному [redacted] них, где-то среди вещества мозга царит эфироподобная субстанция — душа. [redacted] первопричина. Однако есть реалистическое миропонимание: «**Душевные [redacted] не что иное, [redacted] результат определенной суммы условий, складывающихся [redacted] мозгу [redacted] крови, [redacted] со смертью [redacted] и [redacted] крови происходят, [redacted] Разум, Чувства [redacted]** И Людвиг замечал, что ученый, который использует ключ аналогий [redacted] благодаря [redacted] способен сравнивать душевные явления с остальными есте[redacted] явлениями, вряд [redacted] станет колебаться, к [redacted]кому [redacted] двух взглядов ему присоединиться. К сожалению, нынешние методы физиологии грубы: исследовать [redacted] перерезками — «это [redacted] равно, что изучать [redacted]низм часов, стреляя [redacted] них [redacted] ружья...».

Но теперь Илья Фадеевич уже [redacted] принадлежал к сонму людей вольной [redacted] дерзкой научной [redacted] Девять [redacted] назад [redacted] отрекся от идеи Свободы [redacted] Равенства — правда, втихомолку, [redacted] ради науки. Сейчас [redacted] отрекся [redacted] всеуслышание [redacted] ради карьеры, [redacted] уплату [redacted] то, [redacted] он [redacted] сейчас на месте, [redacted] котором подобало стоять Сеченову [redacted] которое Сеченов публично [redacted] ему — [redacted] талант.

...Он — назначенный властью [redacted] российской экспериментальной медицины, должен олицетворять благомыслящую науку, которая [redacted] причиняет вреда на[redacted] религии и государственных воззрений. Он долго думал, [redacted] повернуть речь, чтобы наука предстала такой. Мысль [redacted] «самоограничении» [redacted] Дюбуа-Реймонов афоризм [redacted] озарение свыше. Не трогать того, что взрывоопасно, [redacted] пусть «никогда [redacted] познаем»! Он ведь по себе знал, что, отринув бога, [redacted] отвергают [redacted] миропорядок. Да, да, [redacted] Сеченовым, [redacted] уверяются, что души [redacted] будущей жизни нет, — [redacted] дальше — Прудоны, Лавровы, «собственность есть кража», «неоплатный долг перед народом», пропагаторство и, [redacted] быть, даже [redacted] каракозовщина! Через тридцать [redacted] он, преждевременно одряхлевший, напишет книгу «Бог [redacted] наука». Будет воинственно проповедовать взгляды [redacted] двойственной сущности души, [redacted] емости [redacted] «идеальной» природы. Доказывать совместимость науки [redacted] религии [redacted] непрестанно ссылаться [redacted] себя [redacted] исторический образец, словно бы себе самому твердя, [redacted] ошибся [redacted] выборе... И, конечно, не скажет, что [redacted] тридцать лет он уже [redacted] создал [redacted] науке [redacted] равного сделанному [redacted] молодости, хотя [redacted] надежде [redacted] куски пирога дважды переме[redacted] подданство и переменил вероисповедание, ибо единственным богом, которому [redacted] изменял, был он сам, Эли де Цион — [redacted] будет [redacted] Франции себя называть, указывая частицею «де» [redacted] выслуженное дворянство.

...В той паузе посредине речи, взятой для эффекта и передышки, Илья Фадеевич вдруг ощутил невероятную злобу [redacted] Сеченову, которого сейчас чернил [redacted] лжеуче[redacted] то, [redacted] Сеченов — Цион [redacted] точно [redacted] — никогда [redacted] бы себе что-либо подобное.

А [redacted] секундами шепот, начавшийся [redacted] первых ря[redacted], пробежал [redacted] середине [redacted] и дальше, [redacted] стенам, ту-

да, где стояли эти мальчишки — то косая сажень, то цыплячья отроческая шея, — одинаково втиснутые по церемонному случаю в форменное сукно. И Циону вдруг показалось, что их там становится все больше и больше, и в этой толпе зазвучал уже не просто ропот, а многоголосый крик: «Позор!» «Бесчестно!»

Несколько лет спустя сам Илья Фадеевич со страниц газеты «Gaulois», редактором которой со временем он стал в Париже, подтвердит, что поняли его верно:

«Предмет моей речи, — писал Цион, — так напугал высшее духовенство, что оно, противно обычаю, не присутствовало на торжестве. Зато в зале было много молодежи, отравленной преподаванием моего предшественника, верховного жреца нигилизма, того самого, который ухитрился показывать душу под микроскопом и сообщать кроликам человеческий разум, угощая их фосфором... Я смотрел в ту сторону, откуда раздавались протесты, и читал на лицах протестантов гнев и удивление... Я сошел с кафедры полный мрачных предчувствий насчет будущности, которую готовило своей родине столь извращенное поколение... Хотите знать, что вышло потом из этих юных нигилистов, протестовавших тогда против моих доктрин? Их было около сотни, и из этого числа, по крайней мере, семьдесят пять повешены или сосланы в Сибирь».

...На первой же после торжественного акта лекции студенты из «протестантов» засыпали его прямыми вопросами не самые щекотливые темы. Он не юлил. И его столь же прямые ответы были встречены свистом и шиканьем. Но Илья Фадеевич не признал за противником права отвечать ему на равных. Вызвал академического инспектора и в ярости пригрозил, что, если подобающая дисциплина не будет восстановлена, ему придется просить высшее начальство присылать к началу каждой лекции одного-двух жандармов для поддержания в аудитории порядка. Это был следующий этап его эволюции.

В мае разыгрался новый скандал. На экзамен явилась первая группа студентов академии, и рослый бородач — не в форме, а в широкополой шляпе и с пледом через плечо — à la Базаров, протянув пачку матрикул, произнес сакраментальную формулу, заведенную Заварыкиным: «Профессор, нам не нужны пятерки, поставьте нам тройки». А Илья Фадеевич ответил: «Господа, я не признаю этого порядка. Извольте экзаменоваться!» Но студенты не были готовы к его экзамену, а Цион придирался сколь мог, и академия ахнула: он провалил на экзамене сто двадцать человек и потребовал всех оставить на второй год. Студенты гудели, но Чистович успокоительно сказал одному-другому, чтоб не волновались. Через недельку Цион с женой укатил на время каникул в Париж, и Чистович поручил Заварыкину принять у провалившихся переэкзаменовку.

Вот тут новый ученый секретарь и тень начальника Иван Максимович Сорокин решил покончить с перемирием и опубликовал в журнале «Знание», который редактировал профессор Хлебников, статью против «назначенного профессора». И тут еще подоспел из печати Ционов двухтомный «Курс физиологии». Как на грех, Илья Фадеевич невнимательно держал корректуру — и в тексте пособия оказалось масса опечаток. И тотчас же в «Отечественных записках» появилась статья о физиологической безграмотности автора курса. Статьи посыпались одна за другой. Все лыки Циону были поставлены в строки.

Он разразился сразу книгой: «Работы, сделанные в физиологической лаборатории Императорской Медико-хирургической академии за 1873 год с приложением критических статей профессора И. Циона». Книгу он выпустил у издателя Риккера за собственный счет, а в своих «критических статьях» перепечатал отзывы о себе Бернара, Брюкке, Гельмгольца, Людвига, Пфлюгера. Но именно из-за этого Илья Фадеевич приобрел репутацию хвастуна и воинствующего реакционера, не стесняющегося в средствах.

А далее он уже совершенно утратит ощущение реальности и каждый следующий его шаг станет шагом прямо к надвигающейся развязке. Чуть ли не каждая его лекция превратится затем в стычку с половиной амфитеатра. У студентов теперь будет вызывать раздражение даже то, что восхищало учеников в университете, — шутка о нерве его имени, который носит в себе каждый из слушателей, и воспоминания о Гельмгольце, любующемся восходами. Ему всякий раз станут выкрикивать колкости, и однажды в ярости он потребует вызвать для наведения порядка полицию, и тут уж потеряет опору даже у тех, кто прежде ему аплодировал... А весенний паводок 1874 года зальет низкий берег Выборгской стороны, не одетый в гранит, затопит подвалы академических зданий, даже первые этажи, и сорвет последние лекции — их придется перенести на осень. И в конце сентября Нева снова выйдет из берегов, и экзамен, полагавшийся еще весной, удастся начать только в середине октября. И он в полном остервенении примется спрашивать с экзаменуемых то, что читал не им, а уже новому, следующему курсу слушателей, примется ставить двойку за двойкой, обвинит свою аудиторию в жульничестве, будет биться в полной истерике, слушая в своем кабинете шум студенческой сходки. Она выдвинет ультиматум: профессор Цион должен покинуть академию. И весь курс продефилирует перед дверью профессорского кабинета, и каждый, кто бы он ни был, радикал или монархист, трахнет по ней кулаком и крикнет во всю силу студенческих легких: «Долой Циона!.. Вон Циона!»

Дальнейшие события включили в себя и донос Циона градоначальнику о предполагаемом бунте, и обещание градоначальника Трепова не церемониться с сопляками», и сходку, и аресты зачинщиков.

Илье Фадеевичу «ввиду расстроенного здоровья» рекомендовали отпуск до января — желательно за границей. Цион уехал в Париж — поработать пока у Клода Бернара. Он покорнейше попросил никому не передавать чтение его курса.

9

Происшедшим Иван Петрович был раздавлен совершенно и в суждениях раздваивался, как приходится всякому слепо влюбленному, когда предмет обожания совершает публично в истерике глупость или пакость. Очевидное — очевидно, но привычка все прощать, дабы предмет после очередного падения мог возвратиться на пьедестал, отведенный ему в душе, рождает новые и новые доводы о снисхождении — а ему-то многие просто подсказывал сам Цион. Да, конечно, Илья Фадеевич преступал грань своими вечными выпадами против Сеченова, но ведь их разногласия в основе профессиональные: где, как не на кафедре, профессору высказывать свои ученые суждения? И что дурного в дареньи книжек студентам и не по карману и недосуг их приобретать, а Илье Фадеевичу нужно было защитить себя в их глазах от напраслины, распускаемой нулями от науки, и он же не сам сочинил отзывы научных светил о себе! Завистники во всем повинны!.. И пусть не оправдать угрозы звать полицию в учебное заведение и глупого скандала из-за программы, все-таки должна быть скидка на характер и на священный трепет Ильи Фадеевича к делу... Ведь главное — в таланте, в науке, а не в несогласиях, лежащих в посторонних материях. Вот на следующий день после демонстрации Павлов с Великим явились в заседание физиологической секции — Цион попросил их, и выступили с сообщением о той первой работе — о ходе

ускоряющего нерва, где доказывали, что прав не Шифф, а Цион и Бецольд, и принесли Илье Фадеевичу благодарность за школу. Это, знаете, тоже демонстрация.

И ведь Иван Петрович не только терпел Ционовы взрывы и прочее — он на новые житейские трудности решился: отсрочил ради дела свое окончание университета — на целый год. Пропадал в академической лаборатории из-за опытов, сперва — с гортанными нервами, потом — с нервами поджелудочной железы. Все пристраивался, как удобней Илье Фадеевичу, пропускал специальные курсы и практикумы по химии. А она — вторая специальность: по ней выпускной экзамен, и в средине четвертого курса Иван Петрович очутился на перепутье — либо эксперименты прервать и наверстывать химию, либо оставаться на последнем курсе на второй год.

Тут бы забыть про медаль, оставить опыты, пока не разделался с университетом, но ведь корзинка уже взята и грибное место известно! На все решился — на безденежье, на поиск заработков уроками, лишь бы под руководством Ильи Фадеевича выполнить первый свой настоящий научный труд!

...А Илья Фадеевич в академию не вернулся ни в январе 75-го, ни в апреле, как потом ожидалось. Вообще не вернулся. Но власть услугу помнила. Оказался вдруг учрежден пост агента военно-медицинского управления при русском посольстве в Париже, и Циона, вызвав для сего в Питер, этим агентом назначили, еще пожаловав для представительности чин статского советника, принесший по табели личное дворянство.

И хотя Цион после этого приезжал в Россию каждый год, а иногда и не раз в году, следующая их встреча произошла, лишь когда Павлов приехал в Париж. А случилось это только в 1900 году — через двадцать пять лет.

...В те двадцать пять последующих лет жизнь учителя оказалась крайне бурной, разнообразной, можно даже сказать фантастической. Успел вступить в борьбу за кафедру умершего Клода Бернара. Поскольку избирать чужестранцев в Коллеж де Франс не любили, — принял ради нее французское гражданство. Учинил в парижской печати громкий скандал со своим счастливым конкурентом министром Полем Бером — учеником Бернара. В отчаянье от понесенного поражения бросил науку и начал искать счастья в журналистике, где в юности зарекомендовал себя анонимно. Цион в ней приобрел известность не только в споре с Полем Бером, и даже не столько как редактор парижских газет «Gaulois» и «Nouvelle revue», в которых он печатал Тургенева, Эмиля Золя и Мопассана. Он приобрел известность как российский журналист — активнейший сотрудник реакционнейших «Московских ведомостей» и журнала «Русский вестник», издаваемых приснопамятным Михаилом Никифоровичем Катковым. Сперва в них писал статьи на научные темы. Но после убийства Александра II перешел к политической публицистике, в которой давно видел свое призвание. Конечно, теперь она была помечена уже противоположным знаком. Как политический публицист «Московских новостей» он, живя в Париже, воротился в российское подданство, принял православие и написал очерки, позднее объединенные в книгу «Нигилизм и нигилисты», где поносил и казненных, и угнанных в каторгу, и пытавшихся в горестном далеке эмиграции продолжать борьбу, и каялся в собственном юношеском увлечении социализмом.

Его называли продажным журналистом, а о какой-либо независимости и речи не было, хотя ради немецких этих дел он не раз пытался заняться другими. Купил на жениные деньги угольную шахту, но прогорел. Открыл собственную физиологическую лабораторию, опубликовал несколько работ — профессиональных, но несравнимых с его открытиями давних лет. Вновь ударился в политику — и уже иначе: он сделался теперь просто официальным парижским агентом Каткова, который тогда стал как бы идейным министром над всеми царскими министерствами. Перед смертью в письме к Победоносцеву Катков даже завещал передать Циону пост редактора «Московских ведомостей» и «Русского вестника», но Илья Фадеевич лишь был взят снова в государственную службу — теперь агентом Министерства финансов при посольстве. Вершил большие дела. Добыл у Ротшильдов заем. Свалил одного русского министра финансов. Издал «Историю франко-русской Антанты». Нацелился на другого министра и обломал зубы. То был Витте. Цион хотел втянуть его в аферу с турецкими железными дорогами. Получив щелчок, по старой памяти призвал на помощь борзое перо, напечатал в Париже и Берлине два памфлета «Г-н Витте и русские финансы» и «Куда временщик Витте ведет Россию?». И за сей демарш, несовместимый с положением официального дипломатического лица, Николай II выгнал его в 1896 году со службы, лишил чинов, орденов, дворянства, пенсиона, подданства и права появляться на территории империи...

Иван Петрович всю жизнь сокрушался — зачем все это было талантливейшему физиологу! Он как первую любовь хранил в памяти другого Циона — во фраке, в лайковых перчатках, блистательно ставящего перед новогодним балом сложнейший острый опыт, да так — чтобы нигде ни пятнышка!.. Не без вызова посвятил Циону две работы. Первое время посылал ему оттиски, но Илья Фадеевич, увы, в занятости даже не подтвердил, что получил их.

Первое письмо от него пришло к Павлову только через двадцать два года от расставания — в 1897 году. Тогда Циону попали в руки только что вышедшие павловские «Лекции о работе главных пищеварительных желез», и он восклицал восторженно, что ныне вдруг оказался счастлив, ибо Иван Петрович осуществил его давние мечты и, значит, Илья Фадеевич все-таки прожил жизнь не зря, воплотившись лучшим, что имел, — в ученике.

А увиделись они в 1900-м, когда Иван Петрович с женой приехал в Париж на Международный конгресс врачей и на нем сразу был удостоен высочайшей научной почести: почетными президентами конгресса были избраны престарелый уже Рудольф Вирхов и он, Иван Павлов. И в один из дней он как председатель предоставил слово доктору Эли де Циону, делавшему в секции научное сообщение.

...Тогда в Париже Иван Петрович при всякой встрече с учителем принимался рассказывать ему об уже сделанных своих работах и о дальнейших научных планах. Увы, Серафиме Васильевне Павловой пришлось так записать в воспоминаниях: «На все, полные энтузиазма, речи Ивана Петровича Цион равнодушно отвечал: «да, да, замечательно, замечательно», и сейчас же переводил разговор на свои личные дела. Иван Петрович был глубоко огорчен...»

А в январе 1875 года никто не мог угадать да и не загадывал, что случится с Ционом через двадцать пять лет. У всех были свои заботы: у Ивана Петровича — выпускные экзамены в университете, а у Филиппа Васильевича Овсянникова — лишний курс лекций, ибо должен кто-то дочитать за Циона физиологию в академии... И среди дел, на Филиппа Васильевича свалившихся, была, между прочим, необходимость написать отзывы на сочинения, поданные университетскими студентами для соискания ежегодно присуждаемых медалей за лучшую физиологическую работу. И хотя сочинения были поданы под девизами, Овсянников легко установил, какая рукопись принадлежит его любимцу Великому, ибо он

хорошо знал его почерк, а значит — Павлову, которого он не жаловал, и студентам Лебедеву и Афанасьеву, которые ставили вместе с ними опыты (ведь в их сочинениях повторялось описание экспериментов, которые они ставили со своими товарищами).

Филиппу Васильевичу очень хотелось, чтобы лучшей оказалась работа Великого и Лебедева, но, прочитав ее, он все-таки написал, что золотую медаль заслуживает работа, принадлежавшая Павлову и Афанасьеву. Потому что они доказали в ней, что деятельностью поджелудочной железы заведуют ветви блуждающего нерва и действует все тот же механизм нервного антагонизма. Им это удалось, а ведь сам Клод Бернар и другой маститый физиолог Рудольф Гейденгайн сомневались в возможности получить хорошие данные на сей счет. И золотую медаль присудили Ивану Петровичу и Афанасьеву. Присудили — но, правда, не вручили: она застряла в какой-то канцелярской щелочке.

К тому же, когда Иван Петрович с Афанасьевым прочитали овсянниковский отзыв, они подумали, что Филипп Васильевич, должно быть, пропустил в журнале одну из последних работ Гейденгайна, которая очень им помогла в постановке опыта. Важнейший прием, позволивший добиться результата, был ими заимствован как раз оттуда.

Однако, быть может, академик просто решил не поскупиться на лишнюю похвалу, душевно радуясь, что прибыло полку российских физиологов.

Тем более, что весь тот полк был тогда меньше полуроты...

Этимологические заметки

✦ МАРИОНЕТКА ✦

Это слово имеет этимологическую связь с именем богородицы — девы Марии. Древнееврейское «Мария» (в родстве с «Мириам» — «горькая»), приписываемое Библией матери Иисуса Христа, стало в католических странах одним из наиболее часто употребляемых, чем и объясняется появление его нарицательного смысла. Во французском языке, например, слово «маро», — «куколка» и «каприз».

В средние века в кукольных представлениях куклу, изображавшую деву Марию, ласкательно называли «марионетка». Позже это слово расширило свое значение, обозначив вообще куклу, приводимую в движение нитями, а в переносном смысле — послушное орудие в чужих руках.

✦ МАРС ✦

Среди римских богов видное место занимал Марс, бог войны. Его именем назвали четвертую планету нашей Солнечной системы, имеющую зловещий красноватый цвет, и третий месяц года — март. От Марса идут имена Марта, Марфа, Мартин, Мартын и производные от них фамилии. Произошло имя Марс, как считает этимолог А. Вальде, от греческого «марнамай» — «борюсь», «воюю». В родстве древнеиндийское «мрнати» — «разбивает», «уничтожает», армянское «март» — «борьба». Не исключено, однако, что здесь корень, который выступает в слове «мрамор»; по гречески — «камень», «скала».

✦ МАРТИРОЛОГ ✦

«Мартиролог», «мартирологий» — так в средние века назывался сборник религиозных повествований о христианских мучениках. Сегодня в переносном смысле — это перечень людей, подвергшихся преследованиям.

Слово восходит к греческому «мартюрос» (также «мартюс») — «мученик», «свидетель», к «мартарео» — «быть свидетелем», «свидетельствовать», «соглашаться», «утверждать», «исповедовать», «восхвалять», «получать свидетельство» и от этого же корня идет немецкое «мартерн» — «мучить», «пытать», а также французское «мартюр» с тем же значением.

✦ МАСЛЕНИЦА ✦

Название древнеславянского языческого праздника (проводы зимы с сожжением чучела зимы и печением блинов, похожих на солнце), включенного затем и в христианский календарь, восходит к слову «масло». «Масленица» — контаминация (стяжение) слов «масленая неделя».

«Масло» же, как и «маслина», образовано от «мазать», которое в родстве с «месить», «мять»; греческое однозначное «массо» — к «мегис» — «тесто». К этому же корню относятся: «масса», «массивность», «массаж», «машина», «механика», немецкое «махен» — «делать», английское «мэйк», возможно и итальянское «маккарони», а также имя Макар — от греческого «макар» — «блаженный», «счастливый».

✦ МАСОНЫ ✦

«Масоны» — сокращение среднелатинских слов «мационес цементарии» — «вольные каменщики» — члены тайных организаций. Французское «масон» — «каменщик», отпрыск среднелатинского «макио» (с XII в.). Есть мнение, что это слово в родстве с немецким «махен» — «делать», а в таком случае — и со словами «машина», «механизм», «механика», восходящими к греческому «махе» — «борьба».

✦ МАЦА ✦

Есть в русском языке три слова «маца», совершенно различных по значению и происхождению. Первое — типографский термин — «валик для краски». Это заимствование из итальянского, где «мацца» — «дубинка». Вторая «маца» — «мера зерна». Взято из польского. Третья «маца» — изделие из пресного теста, изготавливаемое во время еврейской пасхи, «священная» лепешка иудеев. Слово взято из языка идиш, где «маце» восходит к древнееврейскому «масса» — «пресная лепешка».

✦ МЕГЕРА ✦

Так называют злых, сварливых женщин. «Мегера» — греческое «Магайра» (от «мегайро» — «завидовать», «недоброжелательствовать», «отказывать») — в древнегреческой мифологии богиня мщения, одна из трех эриний — богинь кары и проклятий.

В римских мифах их называли «фуриями», от латинского «фуриэ» — «ярость», «бешенство», «неистовство», также: «восторг», «вдохновение», «экстаз»; отсюда «фурор» — «шумный успех».

✦ МЕДИУМ ✦

На спиритических сеансах главную роль играют медиумы. Это латинское слово, восходящее к корню «ме» — «мерить», связанное с русскими «межа», «между», с немецким «миттэ» и английским «миддл» — «середина», означает: «посредник», «посредствующее орудие». У спиритов это лицо, посредничающее между «этим светом» и «потусторонним».

АТЛАНТИДА?

**Реконструкцию Атлантиды по Платону сделал художник Р. Авотин.
Маска, кувшин, женский головной убор и фрагменты росписи [redacted] времени расцвета Микен.**

[redacted] одной из газет я прочел сообщение об археологических поисках в районе средиземноморского острова Санторин. С этим географическим местом связывают предание об исчезнувшей Атлантиде. Расскажите об этом подробнее.

А. ЕГОРОВ

г. Вологда

Легенда [redacted] Атлантиде [redacted] более [redacted] тысячелетий волнует воображение. [redacted] написаны статьи, книги, научно-фантастические романы, созданы пьесы, оперы, кинофильмы. Проанализированы [redacted] сопоставлены [redacted] различные [redacted]. Что [redacted] здесь сказать! Оказывается, многое. Прогресс [redacted] науке, особен[redacted] столетии, [redacted] обошел исчезнувший материк. Данные археологических раскопок [redacted] геологического изучения Средиземноморья позволили взглянуть [redacted] проблему Атлантиды по-иному. Новые факты [redacted] более реально представить, [redacted] представляли атланты, [redacted] произошла [redacted] катастрофа, уничтожившая эту страну. [redacted] одной [redacted] местонахождения [redacted] гибели зна[redacted] автор [redacted] «Атлантида» (М., «Наука», 1974).

И. РЕЗАНОВ, доктор геолого-минералогических наук

ОБ АТЛАНТИДЕ человечество впервые узнало из диалогов «Критий» [redacted] «Тимэй» древнегреческого философа Платона (427—347 гг. до н. э.). Легенду эту привез из Египта предок Платона путешественник [redacted] философ Солон (640—559 гг. до н. э.). Рассказ Солона передавался устно из поколения в поколение и был записан спустя 200 лет после посещения им Египта.

Ответом на вопрос: «От чего [redacted] погибла Атлантида?» — будет вопрос: «Где она находилась?» Большинство атлантологов помещают утонувшую страну [redacted] северную часть Атлантического океана. Но решающее слово на тему: бы[redacted] Атлантике Атлантида? — остается за геологией и геофизикой. Именно геологическое и геофизическое изучение Атлантического океана, [redacted] последние годы продвинувшееся далеко вперед, весьма определенно показало: на дне Атлантического океана ее нет. Исследования донных отложений установили, что [redacted] Атлантике развиты глубоководные биогенные осадки, свидетельствующие об отсутствии близкой суши [redacted] момент [redacted] накопления, длившегося не менее 300 тысяч лет. Морская гео[redacted] установила, что там Атлантиды не было, но та же наука предложила новое решение древней загадки.

Изучение глубоководных осад[redacted] на дне Средиземного моря по[redacted] обнаружить мощный слой пепла, образовавшегося [redacted] результате катастрофического извержения вулкана Санторин в XV веке до нашей эры, то есть 3500 лет назад. С этим извержением [redacted] связывают сейчас многие исследователи гибель Атлантиды. О размерах самой геологической катастрофы уже рассказывалось на страницах нашего журнала[1], [redacted] о другом сравнительно недавнем стихийном явлении природы — взрыве вулкана Кракатау, [redacted] многом походившем на катастрофу, погубившую Атлантиду.

Мысль о том, что легендарная Атлантида находилась [redacted] районе Эгейского моря, не нова. [redacted] 1928 году известный географ Л. С. Берг писал:

[redacted]Я хотел бы обратить внимание на забытую статью нашего соотечественника академика А. С. Норова (1795—1869), дающего, по моему мнению, единственно правильное разрешение этой загадки, волнующей мыслящих людей уже более двух тысяч лет... Он доказывает, что Атлантиду надо искать [redacted] восточной [redacted] Средиземного моря, что [redacted] погрузившейся Атлантиды [redacted] остров Крит... Норов основывается между прочим [redacted] том, что принимаемое [redacted] местоположение исчезнувшего остро[redacted] находится в области развития вулканических сил, [redacted] указывает также на вулканические явления [redacted] области острова Санторин» (Т е р ы)[2].

Гипотезу Норова разделял минералог А. И. Карножицкий. Присоединился к ним и сам Л. С. Берг. Эти высказывания в свое время остались незамеченными, [redacted] многие до сих пор связывают предположение о том, что Атлантида находилась [redacted] Эгейском море, [redacted] именами греческих ученых: археолога С. Маринатоса и сейсмолога А. Галанопулоса.

Честь открытия критской культуры принадлежит английскому археологу Эвансу. Поразительно, что до начала XX столетия об этой замечательной культуре ничего не знали. Считалось, что европейская культура начиналась [redacted] классической эллинской Греции. Эванс начал раскопки [redacted] 1900 году, [redacted] первые же месяцы работы на Крите дали потрясающие результаты. Однако критские находки [redacted] были похожи на известное ранее. «Поразительно, ничего греческого, ничего римского»,— писал Эванс. Дальнейшие раскопки показали, что открыта культура, существовавшая [redacted] районе Средиземноморья [redacted] тысячелетия раньше классической Греции.

[redacted] 1939 году греческий археолог Маринатос предположил, что первопричиной гибели минойской цивилизации было колоссальное извержение вулкана Санторин. Тогда же был разрушен и Крит. Он обращал внимание [redacted] то, что описанная Платоном цивилизация с ее интенсивным применением бронзы напоминает крито-минойскую, разрушенную [redacted] 900 лет до эпохи Солона.

Не за 9000 лет, как писал [redacted] своих сочинениях Платон, [redacted] 900. Как понять эту разницу? А. Галанопулос высказал предположение, что Солон, разговаривавший с египетскими жрецами через переводчика, ошибся, приняв египетское обозначение цифры 100 за 1000. Но в таком случае, и другие цифры, приведенные в описании Платона об Атлантиде, должны иметь преувеличение [redacted] 10 раз?

Галанопулос сопоставил все измерения, приведенные Платоном, [redacted] пришел к заключению, что размеры страны, длина каналов, рвов вокруг замков, число кораблей [redacted] все другие упоминаемые в предании объекты преувеличены [redacted] 10 раз.

Помещая исчезнувшую страну Платона [redacted] район Эгейского моря [redacted] связывая ее гибель [redacted] изверже[redacted] Санторина [redacted] период расцвета критской цивилизации, мы можем восстановить размеры легендарной Атлантиды, представить существовавшую культуру [redacted] искусство и описать [redacted] трагическую гибель. В нашем распоряжении оказываются четыре независимых друг от друга источника: рассказ Платона, древнегреческие мифы [redacted] сообщения историков, археологические раскопки, геологические исследования.

После открытия Г. Шлиманом древней Трои мало кто сомневается, что в основе многих легенд ле[redacted] реальные события. Грандиоз-

[redacted] См.: «Наука и религия», 1974, № 11.
[redacted] «Природа», 1928, [redacted] 4, стр. [redacted], 386.

ная катастрофа в восточном Средиземноморье, датируемая XV веком до нашей эры, не могла не найти отражения в старинных преданиях. В мифах, легендах египтян, греков, римлян и других жителей стран Средиземноморья, в религиозных книгах есть упоминание о событии, напоминающем катастрофическое извержение Санторина.

Взять хотя бы один из ранних греческих мифов о борьбе богов-олимпийцев с титанами:

«...Опасная была эта борьба для богов-олимпийцев. Могучи и грозны были их противники — титаны. Но Зевсу на помощь пришли циклопы. Они выковали ему громы и молнии, их метал Зевс в титанов. Борьба длилась уже десять лет, но победа не склонялась ни на ту, ни на другую сторону. Наконец решился Зевс из недр земли освободить сторуких великанов-гектонхейров, он их призвал на помощь. Ужасные, громадные, как горы, вышли они из недр земли и ринулись в бой. Они отрывали от гор целые скалы и бросали их в титанов. Сотнями летели скалы навстречу титанам, когда они подступили к Олимпу. Стонала земля, грохот наполнял воздух, все кругом колебалось. Огонь охватил всю землю, моря кипели, дым и смрад заволокли все густой пеленой... Наконец титаны дрогнули. Олимпийцы сковали их и повергли в мрачный тар-тар».

Сопоставим это устное предание с платоновским описанием гибели Атлантиды:

«На этом Атлантическом острове сложилась великая грозная держава царей, власть которых простиралась на весь остров, на многие иные острова и на некоторые части материка... Вся эта держава, собравшись в одно, вознамерилась и вашу страну, и нашу, и все по сторону устья пространство земли поработить одним ударом. Тогда-то, Солон, воинство вашего города доблестью и твердостью прославилось перед всеми людьми. Город наш выступил во главе эллинов, то, когда другие отступались, противостоял по необходимости один и подвергал себя крайним опасностям. Но, наконец, одолев наступавших врагов, торжествовал победу над ними... Впоследствии же времени, когда происходили страшные землетрясения и потопы, в один день и единую ночь, вся наша воинская сила разом провалилась в землю, да и остров Атлантида исчез, погрузившись в море...» (Тимэй).

Весьма вероятно, что в обеих легендах описывается одно событие, изложенное в платоновском варианте четко и ясно, а в устном облеченное в форму мифа. В обоих вариантах говорится о многолетней борьбе греков за власть над окружающим миром. Борьба шла с переменным успехом. Наконец грекам удалось разбить своих противников. Окончание войны совпало с геологической катастрофой.

В древнегреческом мифе упоминается остров Тартар, известный по преданиям, в том числе и библейским, как Тартесс или Тартиш. Под последним названием он был известен древним евреям и о нем говорится в ряде книг Библии. Самое раннее упоминание относится к 730 году до нашей эры, когда сообщалось, что из Тартиша привозили серебро, свинец, олово, железо. Существует предположительное толкование названия Тартесс от берберского слова, означавшего «колонны из камня». Греческое наименование Тартесс с двойным окончанием свидетельствует, по мнению лингвистов, о критском его происхождении.

В древних мифах есть упоминание о стране Ликтории, уничтоженной в гневе богом морей Посейдоном. В одной из дошедших до нас песен мистерии орфиков, последователей религиозно-мистического учения, возникшего в VI веке до нашей эры, рассказывается, что Посейдон рассердился на отца Кроноса и раздробил Ликторию ударом золотого трезубца. Мифологические сказания греков и римлян связывают с именем младшего из титанов Кроноса (у римлян — Сатурн) большой остров в море. Это была счастливая страна, и в память о ней отмечали ежегодные праздники — сатурналии. Некоторые исследователи объединяют предание о Ликтории с Атлантидой.

Иудейский историк I века нашей эры Иосиф Флавий писал о потомках египетских богов, что жили они в счастливой стране, много занимались наукой о небесных телах и обладали большими познаниями, особенно сил огня и воды. Чтобы люди не забывали об их успехах в этой области, они воздвигли две колонны с надписями о себе — одну из кирпича, другую каменную. Стоят же эти колонны в стране Сириат, где якобы существовал город над морем, а по соседству находились два действующих вулкана. Затем в стране, откуда был родом египетский бог Тот, произошло какое-то космическое событие, во время которого солнце надолго затмилось (возможно, затмение было следствием вулканического извержения). Это вызвало ужас даже среди богов. Тот помог богам бежать из опасного места на восток, причем им пришлось переправляться через море. Во время путешествия богов солнце вернулось «на круги своя».

Есть в мифах древних греков чрезвычайно интересное для нас упоминание о потопах. Считается, что наиболее древним является потоп при Огигесе, легендарном царе древнейших обитателей Беотии, одной из греческих провинций. По легенде, после Огигесова потопа часть побережья Греции, особенно Аттика, была необитаема более двухсот лет. Римский же писатель Варрон (116—27 гг. до н. э.) сообщает, что во время этого потопа планета Венера изменила цвет и величину, в течение девяти месяцев царила ночь и в это время действовали все вулканы Эгейского моря.

Связь потопа с вулканическим извержением здесь очевидна. Сведения, имеющиеся в мифах и сказаниях об Огигесовом потопе, удивительно напоминают минойское извержение Санторина, составленное по данным геологических исследований. Аттика могла стать необитаемой и вследствие того, что в результате вулканической катастрофы поля и луга ее оказались покрытыми пеплом. Эту версию подтверждает одновременность таких событий, как наступление волн Эгейского моря, вулканические извержения и пеплопад.

Предания о вулканической катастрофе имеются и у народов, населявших северную Европу. Наиболее известное из них — «Гибель богов». Оно воссоздает картину древней катастрофы, от которой будто бы погибли приближенные Одина (Вотана), верховного бога древних скандинавов. Властелин земли и неба, Один создал письменность, все науки и законы и основал могучее государство. После длительной борьбы между богами наступил «конец света». Легенда говорит о жесточайшей зиме, которая продолжалась три года без теплых летних периодов, о землетрясении и связанном с ним падении звезд с неба, о том, что Солнце и Луну поглотил гигантский волк. Последнее можно объяснить сильной засоренностью атмосферы, насыщенной вулканической пылью. Деревья были вырваны с корнями, горы исчезли, а морские волны залили весь мир. Упоминаются также огнедышащие волки, в чем можно видеть вулканические извержения...» [3].

В старинной рукописи на древнефризском языке, хранящейся в одной из библиотек Нидерландов, рассказывается о стране Аддланд, которая исчезла, поглощенная морем. Это событие сопровождалось землетрясением. Горы извергали пламя, земля горела, вся страна покрылась пеплом. Реки изменили свое русло, образовались новые острова. Это

[3] Л. Зайдлер. Атлантида. М., 1966, стр 138.

продолжалось три года, затем наступило спокойствие.

Фризы во времена Римской империи жили в Северной Германии. Обратим внимание на то, что в Центральной и Северной Европе действующих вулканов нет, поэтому предания о вулканической катастрофе на море и пеплопаде скорее всего принесены с юга, из Средиземноморья.

Но больше всего упоминаний о грандиозной вулканической катастрофе исходит из египетских источников. Именно из Египта пришло предание об Атлантиде, там же существовали другие, независимые от рассказа Солона, источники о вулканическом катаклизме в Средиземноморье. В XV веке до нашей эры Египет был высокоразвитым государством, поддерживавшим связи с Вавилонией и с Минойской державой. Последнее доказывается, в частности, находками в Египте критских печатей и других предметов III—II тысячелетий.

Минойское извержение Санторина произошло в период царствования 18-й династии фараонов (1380—1350 гг. до н. э.). В 1850 году до нашей эры после изгнания гиксосов, вторгшихся в Египет в смутное время, начинается наивысший подъем государства. Первый фараон этой династии Тутмос III считался величайшим завоевателем древнего мира. Он совершил около 15 походов в Сирию, Палестину и Переднюю Азию. Его преемники Аменхотеп II и Тутмос IV успешно продолжали военную политику, еще более возвысив престиж Египта.

В период правления царя-богоборца Эхнатона (1375—1358 гг. до н. э.) в Египте уже ощущается влияние микенского искусства, распространявшегося на материковой Греции. По египетской хронологии, разрушение минойского Крита произошло в интервале 1450—1375 годов до нашей эры. Знаменитая Нефертити, дочь Эхнатона, маленькой девочкой могла быть свидетельницей грандиозной вулканической катастрофы.

Но история не сохранила на этот счет никаких письменных свидетельств. Даже если они и были, если упоминания о катастрофе и попали на страницы священных книг, где шла речь о жизни богов и царей, то в итоге богоборческой борьбы Эхнатона со жрецами документы подверглись уничтожению.

При раскопках в Сирии около нынешнего арабского поселения Рас-Шамра была обнаружена библиотека глиняных табличек, относящихся по времени ко второму тысячелетию до нашей эры. Расшифровав клинопись, ученым удалось прочесть о том, что на столицу древнего государства Угарит обрушилась волна невиданной высоты, почти полностью ее уничтожив. Вполне вероятно, что она была вызвана извержением Санторина.

Некоторые сведения о катастрофе в Средиземноморье можно почерпнуть из библейских описаний. В Библии Крит именуется Кафтором, а его жители фигурируют под именем филистимлян. Вот несколько ее стихов.

«Не я ли вывел Израиля из земли Египетской и Филистимлян — из Кафтора?..» (книга Амос, гл. 9, ст. 7).

«День гнева — день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы... Горе жителям приморской страны, народу Критскому!.. Я истреблю тебя и не будет у тебя жителей...» (книга Софония, гл. 1, ст. 15; гл. 2, ст. 5).

«Так говорит господь: вот, поднимаются воды с севера и сделаются наводняющим потоком... и зарыдают все обитатели страны... Господь разорит филистимлян, остаток острова Кафтора» (книга Иеремия, гл. 47, ст. 2, 4).

Попытаемся же воссоздать масштаб катастрофы, совершившейся три с половиной тысячи лет назад. О чем рассказали раскопки на Тире? Они свидетельствуют о том, что гигантскому извержению предшествовали землетрясения, уничтожившие некоторые здания. Имели место и вулканические извержения, не ставшие, однако, разрушительными: на слоях пепла и пемзы, покрывших обломки, заметны следы жизни, по времени более поздней, чем начавшиеся геологические процессы.

Своеобразие этой вулканической катастрофы, отличие ее от гибели римских Помпей заключается в том, что в пепле не обнаружено останков людей. Значит, до основного, сокрушительного извержения Санторина жители Атлантиды успели бежать. Раскопки утверждают, что люди собрали и вынесли к берегу глиняные сосуды, но не смогли увезти их с собой.

Остров Крит меньше других пострадал от вулканической катастрофы, однако и на нем, и на соседних Кикладских островах она оставила свои характерные следы, прежде всего разрушения, вызванные взрывной волной. Извержение Санторина было сильнее, чем вулкана Кракатау в 1883 году, когда воздушные ударные волны разбили стекла в домах на расстоянии 150 километров и разрушили многие строения в 800 километрах от места взрыва.

Столь грандиозное геологическое событие, как извержение Санторина, несомненно сопровождалось значительными подземными ударами. А пеплопад из поднявшейся черной тучи? Он засыпал поселения древнего Санторина на тридцать метров и способствовал сохранению минойских построек, подобно тому как полторы тысячи лет спустя пепел Везувия засыпал и сохранил до наших дней Помпеи, Геркуланум и Стабию. Даже в 130 километрах от вулкана в одной из колонок, поднятых с морского дна, толщина пепла превышала 2 метра. Крит и Кикладские острова, а они были наиболее освоенной и населенной частью Минойской державы, оказались засыпанными слоем пепла толщиной более 10 сантиметров. Там надолго образовалась бесплодная пустыня, покинутая людьми.

Теперь о цунами. Есть свидетельства, что подземные толчки и взрывы при извержении Санторина вызвали очень сильное цунами. Признаки его разрушительного действия обнаружены на восточном побережье Средиземного моря во время археологических раскопок в Сирии. Разрушения порта и доброй половины древнего города, нанесенные морской волной, датируются около 1400 года до нашей эры.

Разрушение приморских городов, уничтожение флота, гибель наиболее деятельной части населения в приморских городах и портах — моряков, рыбаков, судостроителей, ремесленников, торговцев — все это способствовало гибели некогда могущественной минойской державы.

Материковая Греция, в отличие от Крита и Кикладских островов, меньше пострадала от катастрофы на Санторине. Пеплопад под действием ветра распространился к юго-востоку от Санторина, и Балканскому полуострову он практически не угрожал. Волны цунами также оказались для Греции менее опасными — в глубоких ее заливах они быстро гасли. Расположенные на холмах в нескольких километрах от моря греческие города Микены и Тиринф оказались за пределами досягаемости волн и не пострадали от санторинской катастрофы. После гибели Критского государства они стали наиболее крупными очагами эгейской культуры. Сюда, на материковую Грецию, распространились культурные традиции Крита.

Праафиняне потеряли от катастрофы лишь флот и армию на

нем, о чем сообщает Платон. Узнав, что их постоянный враг — Минойская держава лишена флота, приморских городов [redacted] засыпана пеплом, греки поспешили напасть на Крит [redacted] захватили его.

Итак, подведем итоги: сказание Платона — [redacted] основном правдоподобно. Но Атлантида была [redacted] Эгей[redacted] море и существовала [redacted] 9000 лет до [redacted] Солона, [redacted] 900, [redacted] тому же по размерам [redacted] была в 10 раз меньше, чем в описаниях Платона. Зато само Критское государство, где процветала эгейская культура, было много больше, чем предполагал древнегреческий философ. И искусство, открывшееся [redacted] раскопках последнего времени, оказалось прекраснее, совершеннее, тоньше, чем [redacted] могли мечтать, читая Платона. Прекрасные дворцы с расписными стенами, большие города с многоэтажными домами, мощеными улицами, огромный флот морских судов, отважно плавающих по всему Средиземноморью, замечательные изделия из глины, золота, меди, олова; государство, где уже существовали законы, ограничивающие поведение его граждан; слоговая письменность, давшая мощный толчок развитию литературы, — такой была культура на островах Эгейского моря уже 5—3,5 тысячи лет назад. Эта культура стала родоначальницей классического искусства Греции.

Крит, наиболее крупный остров, был ядром державы, [redacted] на его северном берегу, обращенном [redacted] сторону Кикладских островов, располагалась столица — Кносс. Кикладские острова тоже принадлежали [redacted] минойской цивилизации, о [redacted] свидетельствуют найденные там предметы искусства.

Минойцы имели владения [redacted]териковой Греции [redacted] Малой Азии. Расположенная [redacted] восточной [redacted] полуострова Пелопоннеса Аголида [redacted] городами Тиринфом и Микенами, вероятно, тоже была частью владений. На Малоазийском побережье [redacted] принадлежала Троя и ряд других городов. Таким образом, минойцы длительное время (об [redacted] свидетельствуют раскопки) контролировали Восточное Средиземноморье. Более отдаленные территории — Палестина, Италия, по-видимому, лишь частично и ненадолго попадали [redacted] непосредственное их подчинение. Поражение минойцев [redacted] Сицилии, [redacted] котором мы знаем от Геродота [redacted] древнегреческих мифов, говорит [redacted] том, что народы, населявшие западное Средиземноморье, не подчинялись Критской державе. Там [redacted] на побережье Африки были их небольшие колонии. Таким образом, размеры минойского государства оказывались не такими уж обширными, ограничиваясь областью Восточного Средиземноморья, [redacted] торговые и культурные связи минойцев выходили далеко за пределы их владений.

Основным поставщиком олова [redacted] страны Средиземноморья [redacted] древние [redacted] были Касситеритовые острова (Британия). Янтарь везли с побережья Северного [redacted]ря. Находки [redacted] Крите изделий [redacted] олова и янтаря [redacted] слоях среднеминойского периода свидетельствуют о том, что минойцы вели торгов[redacted] с народами, населявшими Северную Европу, [redacted] на своих судах ходили через Гибралтарский про[redacted] к Британским островам. Это подтверждает и находка на юге Англии оловянных слитков [redacted] форме ласточкиного хвоста, принятой на Крите. В 3000—2700 годах до нашей эры критяне участвовали [redacted] разработке рудников на Пиренейском полуострове. Изображение тигров [redacted] обезьян на фресках минойских дворцов говорит [redacted] торговых связях критян с Западной Африкой, критские изделия находят в Месопотамии и даже [redacted] Индии. Имеется много свидетельств [redacted] тесных торговых [redacted] межгосударственных связях между Критом [redacted] Египтом.

Критская культура смогла подняться на ступень выше по сравнению [redacted] более ранними центрами цивилизации, такими, [redacted]лонская и египетская, чему нема[redacted] способствовало благоприятное географическое расположение этой островной страны. Она [redacted] подвергалась нападениям кочевых пле[redacted] — главного бича жителей Междуречья [redacted] Нильской долины. Решающий удар нанесла стране сама природа.

География дает ответ еще [redacted] один вопрос. Наиболее крупные поселения и, по-видимому, сама столица Минойского царства располагались на Крите. Но остров Крит — это [redacted] не Атлантида Платона? [redacted] его описаниях мы узнаем Атлантиду лишь в небольшом архипелаге островов, являющихся остатками Санторинской кальдеры. Какую [redacted] роль [redacted] Минойском царстве играло поселение на Санторине и почему разрушение этого небольшого острова было воспринято [redacted] древнем Египте как [redacted]бель всего государства?

Санторинский архипелаг находится [redacted] центре Эгейского моря, на полпути между Критом, Малой Азией, Кикладскими островами [redacted] Грецией. Минойское государство было страной мореходов, [redacted] удобное географическое положение Санторина делало его центром эгейского мира. Здесь пересекались морские пути минойской державы, здесь удачнее всего обменивались товары, привезенные из различных колоний, здесь стоял военный флот на случай нападения врагов на ту или иную удаленную провинцию.

На Санторине во времена Минойского царства были высокие горы, остров издалека виделся [redacted] моря [redacted] служил ориентиром для мореплавателей. Санторинский вулканический массив самой природой делал [redacted] неприступной военной крепостью. Естественные рвы и каналы на [redacted] можно было [redacted] подправить, остров обеспечивал себя даже пресной водой. Естественно, что такая благосклонность природы помогла Санторину занять исключительное положение [redacted] Минойском царстве, стать крупнейшим торговым и военным центром. Но те [redacted] силы природы нанесли ему коварный удар.

ЗАКОН БОЖИЙ

Обучался [redacted] школе еще до революции. Как [redacted] всюду, тогда [redacted] преподавался [redacted] божий. [redacted] священник-законоучитель [redacted] урок [redacted] строгим видом объясняет нам, [redacted] господь-бог [redacted] дней сотворил Землю [redacted] ней. А [redacted] серьезно слушаем. Не дай бог, [redacted] уроке [redacted] божьего!

Следующий урок — [redacted] науки. Учитель говорит нам, что Зем[redacted] образовалась [redacted] туманности [redacted] существует миллиарды лет...

Как [redacted] тут не возникнуть [redacted] молодой головушке вопросу: чему верить? Кому? Естественнику [redacted]ноучителю? [redacted] думаю, что каждый мой сверстник приобщился [redacted]му [redacted] молодые [redacted] подтолкнул его к этому мировоззрению сам... законоучитель. Не [redacted] образованный [redacted] верить [redacted]. Именно [redacted] были уроки [redacted] божьего. Большое недоумение испытываю [redacted] теперь, [redacted] иногда от молодежи рассуждения, идеализирующие [redacted] православной церкви в истории. Затуманивание, [redacted] влияние!

Е. Слесарев

Московская область

Посылаю [redacted] газетную вырезку, где рассказывается о редком [redacted] ночного миража на Байкале, когда [redacted] небе появилось изображе[redacted] поезда, находившегося [redacted] противоположном берегу озера на рас[redacted] около 50 километров.
[redacted] чем причина этого явления? Отчего возникают миражи?

Н. ПОТАНИН
с. Шушенское
Красноярского края

БАЙКАЛЬСКИЕ

МИРАЖИ

ОЗЕРО БАЙКАЛ. Западное побережье. Тихая, непроглядная августовская ночь. Ни звука, ни огонька. Все замерло. В неподвижном воздухе застыли стволы деревьев, не слышно шелеста листьев. Теряется [redacted] черноте ночи ровная, словно зеркало, водная гладь. Где-то там вдалеке, на расстоянии пятидесяти километров — противоположный берег. Ничто не нарушает первозданную тишину сибирской ночи...

И вдруг над водной поверхностью возникает странная картина. Примерно [redacted] километре от берега над озером появляется пассажирский поезд. Он движется прямо по воздуху на высоте нескольких метров над водой. Движется совершенно беззвучно — ни лязга буферов, ни стука колес. Отчетливо видны освещенные окна вагонов, [redacted] них мелькают силуэты людей. Безмолвно проплывает [redacted] воздуху вагон за вагоном, призрачный поезд исчезает [redacted] загадочной черноте ночи.

Невольно [redacted] памяти всплывает легенда [redacted] «Летучем голландце» — корабле-призраке, встреча с которым наводила ужас на суеверных моряков [redacted] считалась зловещим предзнаменованием, предвестником бурь и кораблекрушений *.

[redacted] безупречный ночной поезд над Байкалом, и призрачный «корабль мертвецов» — явления одного порядка, имеющие вполне естественную причину [redacted] известные под названием миражей.

Объясняется все особенностями распространения световых лучей [redacted] воздушной оболочке нашей планеты — атмосфере.

Как известно, любой предмет [redacted] видим благодаря тому, что световые лучи, испущенные или отраженные его поверхностью, попадают [redacted] глаз человека. Известно также, что свет распространяется прямолинейно. Однако последнее верно лишь в тех случаях, когда световые лучи движутся в пустоте или в однородной среде. При переходе же из одной среды [redacted] другую, с иными оптическими свойствами, направление светового луча отклоняется от прямой линии, он как бы преломляется.

Каждый, должно быть, обращал внимание на то, что ложка, опущенная [redacted] стакан с чаем, кажется изломанной на границе воздуха и жидкости. На этом же принципе основано действие увеличительных стекол, объективов биноклей, фото- [redacted] киноаппаратов, [redacted] также призм, разлагающих белый свет на составляющие его цветные лучи.

Земная атмосфера практически никогда не бывает оптически однородной. Это связано с тем, что оптические свойства воздуха зависят от ряда причин, [redacted] частности от его плотности. А плотность в свою очередь определяется температурой: чем сильнее воздух нагрет, тем он разреженнее. Переходя [redacted] одного слоя [redacted] другой, световые лучи преломляются. Это явление получило название рефракции.

Именно рефракция [redacted] служит той физической причиной, которая порождает миражи. Но мираж — явление довольно редкое [redacted] необычное, именно поэтому он и производит [redacted] человека сильное впечатление, может показаться даже чем-то сверхъестественным.

* См.: «Наука [redacted] религия», 1975, № 8, «Земные корни сверхъестественного».

мистическим, потусторонним. Рефракция [redacted] — вполне обычное атмосферное явление, наблюдаемое ежедневно.

Так, благодаря рефракции [redacted] видим все небесные светила несколько выше над горизонтом, чем это есть [redacted] действительности: проходя через воздушные слои различной плотности, лучи света от небесного светила искривляются.

Благодаря рефракции мы, в частности, видим восход Солнца над горизонтом на несколько минут раньше, а заход — позже, чем эти явления происходят на самом деле. В результате продолжительность дня увеличивается в средних широтах на 8—12 минут.

Миражи — тоже следствие рефракции. Если нижние, приземные слои воздуха сильно прогреты и разрежены, [redacted] выше воздух более плотный, то некоторая часть световых лучей искривляет[redacted] выпуклостью вниз и подходит [redacted] глазу наблюдателя не параллельно земной поверхности, [redacted] наклонно снизу вверх. И тогда перед нашим взором возникает сразу два изображения предмета, скажем одинокого дерева. Те лучи, которые достигнут глаза пря[redacted] путем, создадут обычное изображение. Те же, что пришли снизу, — перевернутое, похожее на отражение [redacted] воде.

Это так называемый нижний мираж. Наблюдается [redacted] довольно редко, так как необходимые для его возникновения распределение температур и плотностей в нижних слоях атмосферы возможны только при полнейшем затишье. Наиболее благоприятные условия для появления нижних миражей возникают в пустынях в утренние часы, когда приземные слои воздуха уже успели сильно нагреться, [redacted] ветра еще нет. Вот тогда-то и образуются манящие утомленного зноем путника обманчивые картины спасительных водоемов, которые исчезают по мере приближения [redacted] ним. В нашей стране подобные миражи наблюдаются в Казахстане и Поволжье.

Другой вид миража — верхний. В этом случае нижний слой воздуха сильно охлажден, обладает высокой плотностью, [redacted] лежат более прогретые, разреженные слои. При [redacted] состоянии атмосферы световые лучи искривляются выпуклостью вверх [redacted] приходят в глаз наблюдателя по наклонному направлению сверху вниз. В результате возникает иногда перевернутое, [redacted] иногда и пря[redacted] изображение предмета, [redacted] бы висящее [redacted] воздухе. При особенно благоприятных условиях можно увидеть сильно увеличенное рефракцией призрачное изображение предметов, в действительности находящихся далеко за линией горизонта.

Именно таково происхождение «Летучего голландца» — призрачного отражения кораблей, проплывающих далеко от места наблюдения. Поскольку резкое охлаждение прилегающих [redacted] поверхности слоев воздуха нередко предшествует буре, то не удивительно, что моряки, повстречавшиеся с «Летучим голландцем», зачастую вскоре после этого попадали [redacted] шторм. Такие совпадения производили на очевидцев, не знавших подлинных закономерностей оптических явлений в атмосфере, сильное впечатление, надолго запоминались [redacted] дали жизнь мистической легенде о корабле-призраке.

Таково же происхождение [redacted] описанного [redacted] байкальского миража. Призрачный поезд, плывущий над озером, на самом деле всего лишь «воздушный призрак» поезда, проходящего по железнодорожному полотну [redacted] противоположном берегу [redacted] Байкала. Иногда видны не только поезда, [redacted] [redacted] электрические огни железнодорожных станций Боярская и Танхой.

Очень важно подчеркнуть, что необычные оптические явления в атмосфере вызываются [redacted] самыми причинами, что и обычные, наблюдаемые каждый день, — такие, как приподнимание над горизонтом небесных светил или мерцание звезд. [redacted] в том и в дру[redacted] случае причина одна — рефракция. Все дело [redacted] том, что условия, необходимые для возникновения этих явлений, существуют [redacted] атмосфере всегда, [redacted] условия, при которых возникают миражи, складываются довольно редко.

Изучение закономерностей распространения световых лучей в земной атмосфере необходимо не только для естественнонаучного объяснения редких оптических явлений. Знание их имеет [redacted] большое практическое значение. Поэтому не случайно проведение оптических исследований в атмосфере нашей планеты и околоземном космическом пространстве занимает важное место [redacted] программе научных исследований, проводимых с помощью космических кораблей [redacted] орбитальных станций.

В. КОМАРОВ,
лектор Московского планетария

СПОР О КРЕСТИКЕ

Е. СЕРГИЕНКО

В № 2 нашего журнала за нынешний год было опубликовано письмо М. Кривощапова «Напоминайте чаще». В нем говорилось о необходимости вести атеистическую пропаганду не от случая к случаю, а каждодневно, в частности, чаще напоминать, чем же была «христианская» Россия, о которой так любят вздыхать и сожалеть иные поклонники «старого времени». М. Кривощапов вспоминал, как в первые годы Советской власти он, молодой крестьянский парень, уходя в Красную Армию, снял со своей шеи нательный крестик, поняв, что это — символ рабства, забитости, нужды и бесправия. На эту заметку редакция получила много откликов от наших читателей — верующих и неверующих. С некоторыми из этих писем мы решили познакомить всех наших читателей, а заодно и ответить корреспондентам.

«Не богохульствуй, старик! — так начинает свое гневное послание Н. С. Попов и напоминает: — Подумай о душе своей, каково-то она предстанет перед божьим судом! Гореть тебе в геенне огненной! Ты вот три зимы в школу ходил, и я техникум окончил, заочно институт заканчиваю, и лет мне от роду 37, а в господа бога верую! Крестился уже взрослым, и крест не стыжусь носить. Церковь всегда помогала нищим, ободряла страждущих! Во все времена она была инициатором просвещения. Она зачастую со своими храмовыми книгохранилищами была воистину академией наук! Миллионы людей ведут летосчисление от рождества Христова. Пишу это без надежды какой-либо, слова мои никогда не напечатают. Думаю, не часто получает редакция письма, подобные моему. Конечно, ибо сказано, не мечите бисера...»

Как видите, вопреки опасениям Н. С. Попова, мы печатаем его письмо, опустив, правда, некоторые фразы, подобные последней. Сокращения не нарушили содержания и тона письма. Оно само, без наших комментариев, ясно дает понять читателям, что писал его человек, нетерпимый к инакомыслящим, не слушающий их доводов. И все же мы попробуем предложить нашему столь необъективному собеседнику поразмыслить хотя бы над такими очевидными истинами.

Церковь всегда помогала нищим? Не потому ли их, нищих, и было на Руси больше именно в то время, когда было больше церквей? Эту прямую пропорциональность объяснить нетрудно: дело здесь в социальном строе. Что касается народного просвещения, о котором якобы пеклась во все времена церковь, то оно в царской России, по сути дела, не шло дальше начальных церковноприходских школ, где учили главным образом закону божьему (этот вопрос хорошо освещает статья Ж. Трофимова «Приказ о скорой отставке», напечатанная в № 4 нашего журнала за этот год). Монастырские книгохранилища, именуемые в письме «академией наук», доступны были лишь очень немногим грамотным инокам, но отнюдь не народу. Да и содержали они в основном церковные писания. Известно, что церковь веками выступала против науки, сдерживала развитие знания. Относительно летосчисления (почему оно ведется от рождения Христова, коли не было Христа), думается, и объяснять излишне. Дата эта установлена, так сказать, задним числом, в VI веке, римским монахом Дионисием Малым, к тому же весьма произвольно.

А вот письмо неверующего человека, обеспокоенного, не перепутают ли атеисты религию со стариной, не пострадает ли старина, не заденут ли ее, «борясь» с религией?

«С основным направлением заметки я согласен, в особенности в отношении моды и использования коллекций в спекулятивных целях, — пишет В. А. Шустов из Владивостока. — Я тоже бережно отношусь к русской истории, собираю и храню предметы старины и приучаю сына к тому же. Считаю преступлением разрушать то, что создавали наши деды с большим мастерством. Произведения их труда надо сберечь для наших детей, чтобы и они могли ими любоваться. А то ведь, борясь с религией, можно «выплеснуть и ребенка».

Уважаемый Валентин Алексеевич! Государство берет под охрану памятники архитектуры и искусства, даже если они имеют культовое назначение. И в нашем журнале не раз писалось, что все люди, занимающиеся атеистической пропагандой, должны уметь четко отделять религиозную идеологию от произведений искусства. Одна из основных задач нашего журнала и состоит в том, чтобы разъяснять это нашим читателям. Если вы пришли в старинный храм полюбоваться его архитектурой, фресками и иконами,— это одно дело, и совсем другое, когда вы перекрестились на

эти иконы, опустились перед ними на колени.

«...Сейчас стали носить кресты многие молодые парни, но не потому, что они веруют в бога, а оттого, что им нравится крест как украшение. Нужно изготовлять и широко пускать в продажу красивые кулоны, например с портретами поэтов — Пушкина или Есенина, или декабристов, или героев Великой Отечественной войны и космонавтов», — пишет В. Д. Толстяков из Калужской области.

Можно с вами согласиться, уважаемый Владимир Дмитриевич. Но вот беда: разных украшений и теперь выпускается немало, однако они не устраивают «крестоносителей». Они-то жаждут оригинальности, стремятся выделиться: никто, мол, не решается носить крестик открыто, а я вон какой смелый!.. К тому же примером для молодых «крестоносителей» служат порой персонажи некоторых кинофильмов. Впечатляюще может подействовать на юные умы и сердца такой кадр, в котором, к примеру, крупным планом дается обнаженная широкая грудь молодого мужчины, а на ней маленький умилительный крестик. Вот здесь-то и должно говорить свое слово атеистическое общественное мнение. Тем более, что этому оригинальничанию, этой «моде» порой пытаются дать более «мотивированное» обоснование.

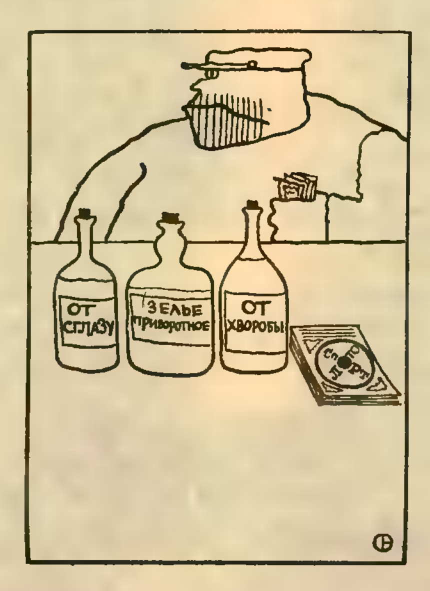
«Заметка «Напоминайте чаще» почти что возмутила меня,— пишет нам т. Кусаинова из Душанбе. — О религии я ничего не знаю, о ней никогда не говорили в нашей семье, хотя икона висела в углу и до сих пор у матери моей висит, но я не помню, чтобы около этой иконы кто-то из родителей молился. Бабушка иногда зажигала лампадку и, глядя на икону, шевелила губами. Теперь-то я понимаю, что она шептала молитвы. И крестик у бабушки был на шее, а у родителей я не видела, и даже не знаю, крещеные мы, дети, или нет. Но когда меня спрашивают в разговоре, к какой я вере принадлежу, я отвечаю, что к христианской. Муж у меня казах и, значит, принадлежит к мусульманской вере. Но от родителей мужа я о боге ничего не слыхала. Словом, я о боге ничего не знаю.

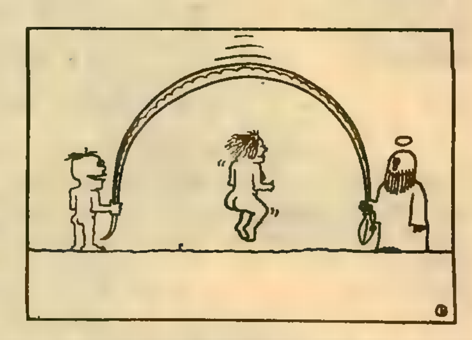
Мне 33 года, я ношу крестик на шее, но никогда не предполагала, что он символ религии. Я его ношу не как символ, а как изящное, красивое ювелирное изделие, во-первых, а во-вторых, как память о моей бабушке и о тех крестах, что стоят на могилах нашего деревенского кладбища...

Откуда, вы спросите, появился у меня крестик? Сначала я приобрела золотую цепочку и подбирала для нее медальончик, но все они, которые были в ювелирном магазине, не удовлетворили моего вкуса. Тогда продавщица посоветовала мне подойти к ювелирному мастеру, он находился здесь же, и первое, что он мне предложил, был изящный крестик. Я и купила. Может быть, кто-то и упрекнет меня, но деньги я зарабатываю своим трудом, мне нравится моя работа, я довольна своей судьбой. Возможно, как мать я что-то упускаю в воспитании, но стараюсь. Все у нас в семье хорошо, и мне казалось, что поступаю я по всем правильно. Жизнь сейчас хорошая, деньги позволяют одеться как тебе хочется. Многие люди любят носить ювелирные изделия... Я буду носить свой крестик как символ непобедимости русского народа. Наш народ шел с крестом на врагов и побеждал. Мать, провожая сына на войну, благословляла его крестом. Я не умею выразить свои мысли так убедительно, как вы, товарищ Кривощапов, но крест в моем понятии олицетворяет добрые дела, я представляю его могущественной силой, которая может дать любой беде отпор. В кресте — история русского народа...»

Уважаемая товарищ Кусаинова! (вы не назвали своего имени и отчества, поэтому мы вынуждены обращаться так официально). К сожалению, вы разделяете довольно распространенное заблуждение, будто православие (крест ведь — его символ) надлежит зачислить в актив русской национальной культуры, в тот круг исторических духовных ценностей, которыми и сегодня следует гордиться советским русским людям.

В юмористических рисунках Валерия С м и р н и ц к о г о *отражены*

Наш журнал не раз уже писал о несостоятельности такого мнения. Советуем вам прочитать в нашем журнале статьи А. Шамаро: «О национальной гордости и православных святцах» (1970, № 1), «Еще раз о памятниках Отечества» (1975, № 7) и статью члена-корреспондента АН СССР М. Иовчука и профессора А. Окулова «Совместными усилиями ученых» (1974, № 11). Здесь же хотелось бы показать ошибочность этого заблуждения на одной только фразе из вашего письма: «Наш народ шел с крестом на врагов и побеждал». Но задумывались ли вы: кто, когда и как ходил в прошлом на своих врагов под сенью креста, кто и кого с этим крестом побеждал?

Много можно было бы рассказывать о тех захватнических войнах, которые велись под знаком креста, и о том, как огнем и мечом насаждалась вера христова и при этом уничтожались целые народы, об ужасах и жертвах инквизиции...

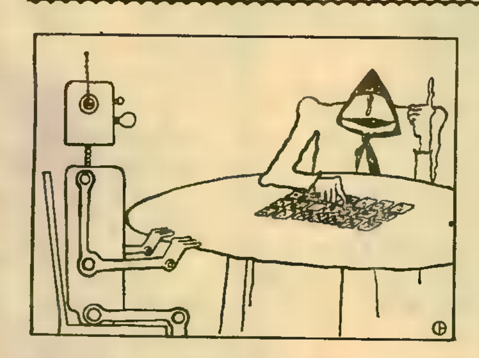
Кровопролитными длительными войнами отмечены «крестовые походы» западноевропейских феодалов на Ближний Восток. Почти два века (с 1096 по 1270 год) знамена с изображением креста развевались над воинами, отправлявшимися из Европы в Палестину. Словосочетание «крестовый поход» до наших дней осталось синонимом войны несправедливой, захватнической.

Против крестоносцев выступало войско, на знаменах которого был изображен другой религиозный символ — мусульманский полумесяц. Но история знает и такие войны, когда с обеих неприятельских сторон были хоругви с одними и теми же изображениями — креста, Иисуса Христа, богоматери, христианских святых. Кому должен был ниспослать христианский бог победу в таких случаях? Почему в 1242 году русские воины под предводительством Александра Невского разгромили на льду Чудского озера немецких рыцарей, на белых плащах которых чернел христианский символ — крест?

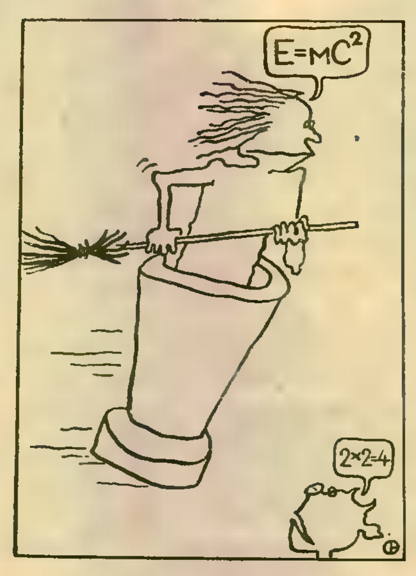
Как быть с польской интервенцией начала XVII века? Наполеоновским нашествием? Первой мировой войной? Над вражескими войсками развевались флаги с изображением одного и того же креста или чуть отличающегося по форме. Крест против креста! Значит, тот самый крестик, который вы носите на шее как символ побед русского народа над чужеземными завоевателями, одновременно оказывается и символом захватнических походов против нашей страны. А если обратиться к русско-японской войне 1904—1905 годов, то в ней поражение потерпело войско русского царя, шедшее с крестом против «язычников» японцев.

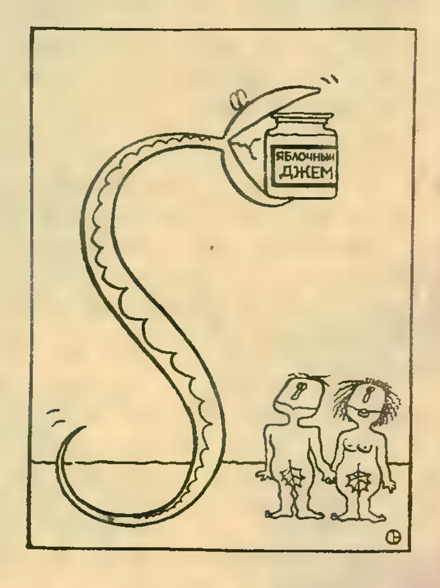
А крестоносная контрреволюция, которая помогала белогвардейцам и интервентам топить в крови молодую Советскую республику?

Не заставляют ли задуматься примеры из истории, чем определяется победа в той или иной войне? Вспомним Великую Отечественную — последнюю войну, которую довелось вести нашему народу... А уж коли речь идет о кресте, можно вспомнить, что на пряжках ремней гитлеровских солдат было написано «С нами бог», а одним из фашистских орденов

некоторые темы, подсказанные нашими читателями.

был «железный крест». С именем бога, под знаком креста напали на нашу Родину гитлеровские полчища, с именем бога, под знаком креста творили они свои чудовищные злодеяния. Советский же народ одержал великую победу над черными силами фашизма под красным знаменем, под сенью Серпа и Молота и пятиконечной красной звезды.

Есть ли основания считать крест патриотическим, национальным символом русского народа? Нет. Ответ может быть только один: крест — символ не национальный, не патриотический, а религиозный. И как таковой он (да и вся религия в целом) использовался власть имущими, господствующими классами в их политических интересах. Когда же трудовой народ, еще не избавившийся от веры в бога, связывал с крестом свои надежды и упования, это неизменно кончалось тяжким разочарованием, крахом религиозных иллюзий. 9 января 1905 года русский «христианнейший» царь повелел расстрелять мирное шествие рабочих, шедших к его дворцу с иконами, хоругвями, крестами.

Теперь поговорим о вашей «принадлежности» к христианской вере. Вы пишите, что считаете себя христианкой, а точнее, судя по вашим воспоминаниям о бабушке (в память о ней вы носите крестик), вы считаете себя православной. Но какие для этого у вас основания? Ведь вам ничего даже не известно о религии, о православии в частности. Как же вы, по сути, неверующая, говорите о себе, что принадлежите к христианской вере?

Мужа своего вы относите к вере мусульманской. Если, мол, он казах, то само собой мусульманин. Но разве можно отождествлять национальную принадлежность с религиозной? Разве он молится? Ходит в мечеть? Соблюдает уразу? На каком же основании вы называете его мусульманином? Нет у вас никаких оснований и мужа своего приобщать к исламу. Нельзя путать национальную принадлежность и исповедование какого-либо религиозного направления. Это элементарно неграмотно.

Обратимся к другой вашей мотивировке: вы носите крестик еще и как изящное украшение. Здесь уже на первый план выступают мировоззренческая и нравственная стороны дела. Если неверующий человек носит религиозный символ в качестве украшения, как дорогую или дешевую безделушку (в зависимости от ее цены в рублях), то, уж извините, такое отношение к данному предмету не назовешь иначе, чем кощунственным. Верующего человека глубоко оскорбит ваше пренебрежительное отношение к его святыне, а значит, и к его религиозным убеждениям и чувствам. Он сочтет за обидную насмешку ту «украшательскую» роль, к которой вы приспособили религиозный символ, уравняв его с побрякушкой. Самого же неверующего человека такие «украшения» нравственно унижают, выдают его недостаточную духовную культуру и мировоззренческую зрелость, отсутствие душевного такта, да и эстетического вкуса. Советуем вам почитать в связи с этим литературу о кресте. Статья А. Васильева, опубликованная в нашем журнале (1974, № 12), так и называется «О кресте». Издательство Политической литературы в 1962 году выпустило популярный справочник «Ответы верующим», где помещен ответ на вопрос: «Почитался ли какими-нибудь народами крест до возникновения христианства?». Можно, наконец, обратиться к Большой Советской энциклопедии (БСЭ, т. 13. М., 1973, стр. 393), посмотреть в ней статью «Крест».

Вы, конечно же, можете возразить: дескать, мой эстетический вкус — это мое глубоко личное дело и никого, кроме меня самой, оно не касается. А вот, представьте, коснулось. Вы сами признаетесь, что «возможно, как мать я что-то упускаю в воспитании...». Несомненно упускаете, подавая отрицательный пример своим детям. Им же быть активными строителями нового, коммунистического общества. Стать такими можно, только обогащая себя максимумом знаний и тех духовных богатств, которые накопило человечество. Вы же, судя по вашему письму, не способствуете культурному обогащению своих детей, а, наоборот, своим примером прививаете им надуманные, неверные понятия. Вспомните знаменательные слова, сказанные недавно на XXV съезде КПСС товарищем Л. И. Брежневым:

«Мы добились немалого в улучшении материального благосостояния советского народа. Мы будем и дальше последовательно решать эту задачу. Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии. Этого нельзя упускать из виду».

Использовать религиозный символ в качестве ювелирного украшения, как свидетельство материального достатка — это и есть симптом отставания духовной культуры, идейно-нравственного уровня некоторых людей от их материального благосостояния, от той ступени социальной зрелости, которой уже достигло наше общество.

Журнал намерен опубликовать несколько статей руководителя группы социологических исследований проблем религии и атеизма Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, кандидата философских наук В. Г. Пивоварова о применении социологических исследований в теории и практике научного атеизма. Статьи рассчитаны на социологов, лекторов, пропагандистов и организаторов атеистической работы, но, вероятно, привлекут внимание и более широкого круга читателей. Они могут оказать помощь и тем, кто занимается изучением более общих проблем духовной жизни и идеологической работы, а также различных пережиточных явлений в нашем обществе и путей их преодоления.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ — НА НАУЧНУЮ ОСНОВУ

Проблемы социологии

В. ПИВОВАРОВ,
кандидат философских наук

Большое внимание на XXV съезде КПСС было уделено идейно-воспитательной работе, всемерному повышению ее эффективности на основе комплексного подхода к постановке дела воспитания, необходимости фундаментальных и прикладных исследований дальнейшего поступательного развития нашего общества, форм и методов воспитательной, идеологической работы. В свете этих требований мы можем говорить об актуальности научных исследований в области атеизма и религии.

Марксистский анализ этого круга проблем связан прежде всего с именем В. И. Ленина. Именно Ленин дал научное решение вопросов происхождения и сущности религии, ее социальных и классовых корней, направления атеистической пропаганды и ее характера. Он развил основные положения К. Маркса и Ф. Энгельса о религии применительно к новым историческим условиям эпохи империализма, пролетарских революций и строительства социализма. Теоретическая разработка стратегии и тактики в отношении религии и церкви определила дальнейшую научную и практическую разработку вопросов теории атеизма и практики атеистического воспитания.

С 1924 года в нашей стране проводились периодические документально-статистические анализы состояния религиозности на местах. Они обобщались в агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП(б). Первые итоги этой работы были подведены на Всесоюзном партийном совещании по антирелигиозной пропаганде в 1926 году. О повышении качества научных исследований в этой области, совершенствовании их методики писали многие исследователи и организаторы атеистического воспитания тех лет. Например, в выступлении А. Т. Лукачевского на II антирелигиозной конференции научно-исследовательских учреждений в 1934 году и в докладе Н. М. Маторина на конференции по антирелигиозной работе в Комакадемии нашли свое отражение многие принципиальные вопросы исследования религиозных верований, выявления их особенностей у различных народов, процесса их преодоления. Н. К. Крупская в 1936 году по поводу проекта инструктивно-методического письма по антирелигиозной пропаганде сделала следующие замечания:

«1. Надо провести большую исследовательскую работу. За время, прошедшее с Октябрьской революции, прошло 19 лет, и в религиозном отношении страна стала уже совершенно не та, что была раньше, народ стал развитой, сознательный. Необходимо в каждом крае (области) точно выяснить, где имеются еще массовые пережитки религиозных верований (православия, сектантства, какого именно, магометанства, язычества и пр.); в каких районах эти пережитки особенно сильны, среди каких слоев населения (кустарей, единоличников, в лесных местностях, национальных центрах и т. д.); в каких местностях заметно оживление религиозных настроений, чем оно вызвано... Только такое определение даст возможность правильно поставить антирелигиозную пропаганду.

2. На основе обследования... наметить ряд мер, устраняющих причины религиозных настроений»...[1].

В процессе проведения исследований в 20—30-е годы постепенно накапливался методический опыт и эмпирический материал. Однако он не является достаточным для того, чтобы дать строгую научную оценку состояния, динамики религиозности и ее преодоления в годы первых пятилеток. Нет таких материалов, по существу, по периоду войны и первым послевоенным годам. Изучение этих проблем применительно к названным периодам продолжается. Ученые получают новые данные, появляется соответствующая социологическая литература. Однако фундаментальных работ еще не создано. Используя достижения современной науки, в частности методы прогнозирования, можно воссоздать картину состояния религиозности и ее преодоления в те годы. Но самым ценным может быть только материал, полученный

[1] «Научно-атеистическая библиотека». М., 1964, стр. 203.

от непосредственных участников атеистической работы, а также людей, порвавших с религией. Воспоминания, письма и другие личные документы могут быть объективным свидетельством о прошлом. Эта работа имеет не только историческое, но и актуальное значение для изучения современного состояния религиозности и ее преодоления, для прогнозов на будущее.

В последние годы социологические исследования в изучении проблем религии и атеизма играют все более существенную роль. С их помощью определен уровень религиозности в ряде областей и автономных республик, во многих городах, на промышленных предприятиях и в сельской местности. Изучены тенденции изменения религиозного сознания и поведения, проанализирован процесс высвобождения из-под влияния религии верующих различных социальных групп, проведен социологический анализ форм и методов атеистического воспитания.

Полное и строгое социологическое исследование проблем религии и атеизма в условиях развитого социалистического общества должно основываться на прочном фундаменте диалектического и исторического материализма, позволяющего раскрывать с научных позиций социальные факты, анализировать явления социальной жизни во всем многообразии их проявлений, а также на соответствующих методических разработках, отражающих современный уровень развития теоретического социологического знания. Это позволит более глубоко и на строгой научной основе осмыслить процессы, происходящие в этих сферах, изучить причины живучести религиозных пережитков, их характер, закономерности эволюции религиозного сознания, выявить наиболее эффективные на современном этапе формы атеистического воздействия. Только на научной основе можно решить вопрос об окончательном угасании религиозности.

В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость конкретно-исторического анализа общественных явлений. «Марксова диалектика, — писал он, — требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации» [2]. Изучение подлинного положения дел здесь, как и во всех областях социальной жизни, должно опираться на фундамент точных и бесспорных фактов. Необходимо при этом брать не отдельные факты, не подбирать их произвольно, а исследовать всю их совокупность без исключения.

«В области явлений общественных, — писал В. И. Ленин, — нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное... факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [3].

Научному атеизму как конкретной теории, связанной с изучением и отдельных элементов, и всего комплекса религиозного сознания и поведения личности, важно располагать обширными фактическими сведениями. В нашей стране в соответствии с законодательством из всех официальных документов изъято упоминание о религиозности. Следовательно, ученые не могут располагать данными государственной статистики и других официальных документов о религиозной принадлежности граждан. Это налагает определенный отпечаток на исследовательский труд: он имеет в основном поисковый характер, а его результаты, помимо тщательно разработанных методологических предпосылок, требуют многих дополнительных уточнений и проверок (на представительность, полноту и надежность данных, вводимых в научный оборот, а затем и в практику). При этом необходимо учитывать ряд особенностей самой проблемы религиозности: связь ее с государственно-правовым, политическим и идеологическим аспектами. Поэтому исследование в данной области носит весьма деликатный характер. Здесь, как нигде, недопустимы упрощенный подход, некомпетентные решения, поспешность анализа полученных материалов и их обнародования.

Квалифицированное же получение социологического материала и использование эмпирического знания является основой для дальнейшего теоретического анализа закономерностей этих социальных явлений, раскрытия их сущности, обнаружения скрытых, невидимых связей и опосредований. Оно дает возможность проникнуть в такие области действительности, которые ранее можно было представить лишь на уровне сугубо абстрактном.

Прочная эмпирическая база, теоретический анализ фактического материала позволяют относительно точно измерять религиозность, но для этого необходимо применять соответствующие, отражающие существо изучаемого предмета измерители.

Надо иметь в виду, что широкое использование единичных и массовых (повторяемых) фактов отнюдь не облегчает, а затрудняет исследование. Требуется разработка специальных процедур и методов, чтобы должным образом отбирать, изучать и сопоставлять факты. Доверие к факту, претендующему, казалось бы, на роль типичного, по мере развития процедурных и технических приемов поиска все более падает. Необходима система доказательств, критериев оценок на современном уровне общесоциологической теории. Следует заметить, что в процессе исследования сам факт становится неизмеримо более сложным и «объемным», и прежних интуитивных представлений о нем совершенно недостаточно.

Эффективность социологических исследований религиозности зависит как от глубокого знания данной сферы, так и от строгого научного отбора фактов. Экспериментальные данные, полученные при изучении религиозного сектантства, православия, ислама, как и при обобщении опыта атеистической работы, позволили перейти от случайных, единичных наблюдений к более глубокому, развернутому описанию, включающему точные характеристики этих явлений и теоретические выводы, определяющие новые тенденции в их динамике, закономерности изучения этих тенденций и способы воздействия на них. В этой связи при изучении динамики преодоления религиозности на основе только социологических измерений встречаются затруднения, так как материалы, полученные в результате более углубленных исследований последних лет, не имеют аналогов в прошлом. Видимо, и современные методы измерений будут слабо «работать» на будущие исследования из-за их относительной незавершенности.

Исследования должны быть, как правило, оперативными. Ведь характеристики религиозности не являются чем-то застывшим, они изменяются под действием различных факторов, действующих зачастую в различных направлениях, поэтому исследо-

---

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч, т. 30, стр. 13.
[3] Там же, стр. 350.

вания религиозности [redacted] конечном итоге отражают лишь [redacted] определенное состояние [redacted] момент изучения.

Измерение религиозности предполагает решение целого комплекса сложных вопросов: оно зависит [redacted] только от процессов, происходящих непосредственно в сфере религиозной идеологии [redacted] в психологии современного верующего, но и от различных социально-экономических, культурно-бытовых [redacted] других факторов, требующих детального изучения. Религиозность в свою очередь влияет на быт, семью, социальную активность, поведение людей. [redacted] процессе исследования все эти связи [redacted] опосредования должны быть не только учтены, [redacted] изучены и глубоко проанализированы.

В целом изучение религиозности позволяет расширить диапазон исследований [redacted] сфере духовной жизни. По изменениям качественных [redacted] количественных характеристик индивидуального, группового [redacted] массового религиозного сознания можно судить об эффективности атеистического воспитания [redacted] тенденциях угасания религии. Правильно собранные показатели дают возможность научно обосновать [redacted] внедрить [redacted] практику рекомендации относительно наиболее эффективных средств [redacted] методов атеистического воспитания [redacted] различных условиях.

Религиозность [redacted] условиях развитого социалистического общества не может изучаться средствами одной какой-либо дисциплины и даже отрасли научного знания — здесь требуется комплексный подход. «Всесторонний комплексный подход всех общественных наук [redacted] решению актуальных теоретических проблем вытекает из существа диалектического метода [redacted] представляется решительным требованием времени»[4].

Использование понятий, терминов и методов самых различных отраслей (философии, истории, демографии, статистики, этнографии, экономики, социологии), [redacted] также таких научных принципов, как системный подход, моделирование [redacted] прогнозирование, позволяет получить многообразную картину религиозности [redacted] динамики ее преодоления, осветить явление со всех сторон.

Но эта многосторонность — [redacted] внешняя сторона (структура) комплексности. Внутренняя ее сторона заключается [redacted] том, что религиозность рассматривается [redacted] органической взаимосвязи со всеми установленными на данном этапе явлениями: с одной стороны, обусловливающими ее существование, [redacted] [redacted] другой — влияющими на ее изменение, в частности ведущими к ослаблению [redacted] исчезновению.

Комплексный подход на основе принципов марксистской философии как общей научной методологии социологических исследований предполагает сопоставление и приведение к сравнимым общим понятиям [redacted] величинам всех результатов многоаспектно[redacted] исследования объекта, которые получены [redacted] помощью методов, сложившихся [redacted] разнородных научных дисциплинах. В наиболее обобщенном виде комплексный подход представляет собой конкретизацию ряда принципов диалектико-материалистического метода. Методы разных наук обладают разным «весом» при комплексном решении одной [redacted] той же проблемы, но ни один из них [redacted] отдельности, к примеру ни исторический, ни этнографический, ни какой-либо другой, не может представить современную религиозность [redacted] всей полноте. Это можно сделать только при комплексном, системном подходе.

Социологические исследования проблем научного атеизма неизбежно приводят [redacted] вычислению обобщающих показателей. Информация, заключенная [redacted] обобщающих данных, находится [redacted] тесной взаимосвязи качественного характера. Важно, по-видимому, дать сначала общую классификацию обобщающих показателей [redacted] теоретическом уровне, затем качественную интерпретацию данных, после чего проводить количественное распределение [redacted] анализ числовых характеристик. Наличие самой полной количественной информации об объекте исследования еще не дает [redacted] нем полного понятия. Количественные методы — лишь одно из эффективных средств познания, проникновение же в сущность явления возможно лишь с помощью качественного анализа.

Научное исследование религиозности методами социологии предполагает органическое сочетание качественного [redacted] количественного анализа информации, их нельзя противопоставлять друг другу или исключать какой-либо [redacted] них. Если в отношении качественного анализа социологи единодушны [redacted] своем мнении, то [redacted] применимости количественных методов обычно высказываются различные соображения, вплоть до мнения о бесполезности количественных оценок при недостаточной постановке экспериментальной работы на начальном этапе. Практика исследовательской работы опровергает это мнение.

В области исследования социальной жизни, в частности при изучении религиозности, широко распространены количественные методы, все полнее используется аппарат статистики (статистические группировки, корреляционный анализ, вероятностные обследования). Иначе нельзя понять структуру религиозности, представляющую собой сложную систему, где все элементы и их стороны прямо или опосредованно связаны, [redacted] само явление в его взаимосвязи с другими [redacted] [redacted] его внутренней противоречивости зависит от множества других систем, элементов, их сторон [redacted] аспектов. Совершенствование социологических исследований [redacted] этой области выявляет принципиально новые тенденции, углубляет анализ материала, ведет [redacted] построению принципиально новых научных выводов [redacted] обобщений [redacted] основе как качественных, так [redacted] количественных характеристик. Естественно, что сам сбор материала определяется программой [redacted] предварительными гипотезами.

В зависимости от объекта исследования применяется не только тот или иной метод, но также их оптимальный комплекс. Сочетание методов наблюдения, анализа документов, интервью, бесед, архивных материалов, изучение живой практики и опыта атеистического воспитания позволяют выявить ряд принципиальных проблем, связанных с состоянием и динамикой религиозности населения [redacted] различных районах, определить тенденции изменения религиозного сознания [redacted] понять своеобразие процесса высвобождения масс из-под влияния религии [redacted] церкви.

Применение методов социологии дает возможность изучать актуальные проблемы, связанные с практикой атеистического воспитания, выявлять реальные последствия влияния религии [redacted] повседневную жизнь людей, на образ их жизни, на изменения общественных потребностей, [redacted] психологию, поведение, отношение к коллективу, к общественным обязанностям и т. д. Именно здесь незаменимы глубокие, целенаправленные, конкретные социальные исследования.

Опираясь на эти предпосылки, исследователи стали по-новому подходить [redacted] изучению проблем религии и атеизма. Многие тенденции и закономерности в этой сфере могут быть достоверно обнаружены только [redacted] результате массовых обследований.

[4] П. Н. Федосеев. XXIV съезд КПСС [redacted] основные направления исследований [redacted] области общественных наук. «Коммунист», 1972, № 1, стр. 56.

К участию в них привлекается большое число людей. Это обстоятельство [redacted] многом предопределило современную разработку методики и техники исследований.

Атеизм как область научного познания и практики постоянно развивается. Естественно, расширяется и сфера исследования. Совершенствование научного аппарата ведет к углублению теоретического анализа, поиску новых форм исследования.

Конечно, каждое социологическое исследование прежде всего отражает специфику местных условий [redacted] состояние атеистической работы на местах. С поправкой на это надо интерпретировать полученные результаты, [redacted] более делать из них общие выводы. Экстраполировать же их на другие районы следует [redacted] большой осторожностью. Но при всем этом итоги исследований представляют значительный интерес для научных обобщений, для планирования и развития атеистической работы.

При подготовке [redacted] проведении социологических исследований, [redacted] также при использовании уже опубликованных данных необходимо учитывать, что речь идет о крайне сложной и тонкой области сознания и поведения людей, [redacted] это обязывает исследователей тщательно готовить программы, инструментарий, методы исследования, вести анализ [redacted] пропаганду социологического материала о состоянии и динамике преодоления религиозности [redacted] последовательно научной основе.

Опыт социологических исследований религиозности накапливался во многих местах: [redacted] Белоруссии, на Украине, в Москве, Ленинграде, Воронеже, Горьком, Казани, Орле, Перми и других местах. [redacted] исследованиях принимали участие лекторы и пропагандисты атеизма, представители различных научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники.

Первые результаты изучения религиозности в регионах традиционного распространения ислама были получены [redacted] конце 50-х — начале 60-х годов и обобщены [redacted] научной конференции «Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного атеизма», проведенной в Москве в 1968 году по инициативе Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС.

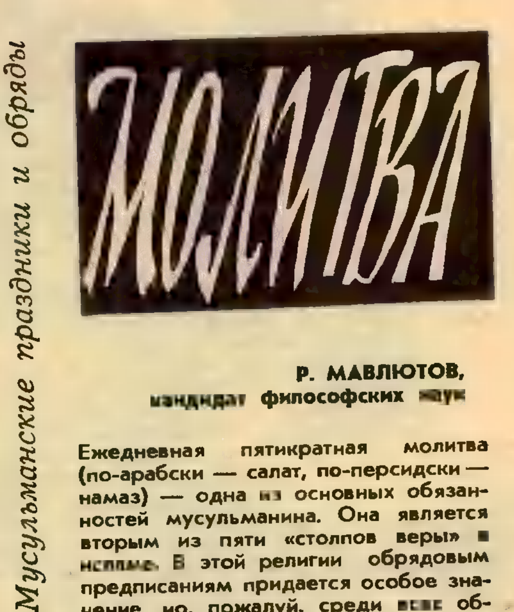
Изучение проблем религии и атеизма среди последователей ислама в последующие годы, в частности [redacted] Чечено-Ингушской АССР и Таджикской ССР, подтвердило плодотворность применения социологических методов. В настоящее время социологические исследования получили распространение практически [redacted] всех союзных и автономных республиках.

Развертывание социологических исследований на местах вызвало потребность [redacted] осмыслении их итогов. Появился новый тип атеистической литературы[5]. Если [redacted] первых порах она давала [redacted] основном описание эмпирических показателей или простое перечисление многочисленных фактов, то [redacted] последнее время авторы, овладевая социологическим материалом, переходят к философскому анализу [redacted] теоретическим обобщениям. Они более полно и достаточно глубоко описывают не только «специфику местных условий», но и рассматривают этнографические, исторические и культурно-бытовые особенности различных регионов нашей страны. Такая литература дает достаточное представление о характере [redacted] степени религиозности, процессе секуляризации, особенностях атеистической работы на Украине, [redacted] Белоруссии, Прибалтике, центральных областях РСФСР, Поволжье, [redacted] Северном Кавказе, в Средней Азии.

Применение социологических исследований дает возможность конкретнее представить пути преодоления религиозности, повысить действенность научно-атеистического воспитания, планировать [redacted] развивать массовую атеистическую работу, помочь партийным [redacted] общественным организациям решать задачи экономического, социального [redacted] культурного строительства, определенные XXV съездом КПСС.

[redacted] Например: «Баптизм [redacted] баптисты». Минск, 1969; [redacted] К. Тепляков. Проблемы атеистического воспитания в практике партийной работы. Воронеж, 1972; Р. Г. Балтанов. Социологические проблемы в [redacted] научно-атеистического воспитания. Казань, 1973; Г. Е. Кудряшов. Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары, [redacted] др.

Мусульманские праздники и обряды

Р. МАВЛЮТОВ,
[redacted] философских [redacted]

Ежедневная пятикратная молитва (по-арабски — салат, по-персидски — намаз) — одна [redacted] основных обязанностей мусульманина. Она является вторым из пяти «столпов веры» [redacted]. В этой религии обрядовым предписаниям придается особое значение, но, пожалуй, среди [redacted] обрядов [redacted] молитва у мусульман [redacted] всего. [redacted] ней [redacted] Коране имеются десятки напоминаний. Например, [redacted] суре [redacted] Корана говорится: «О те, которые уверовали! Когда [redacted] глашено [redacted] молитву в день собрания, [redacted] устремляйтесь [redacted] поминанию Аллаха [redacted] оставьте торговлю. Это луч[redacted] для вас... А когда [redacted] будет молитва, [redacted] расходитесь [redacted] ищите [redacted] Аллаха, [redacted] поминайте Аллаха часто, — [redacted] быть, [redacted] будете счастливы!»

Время каждой из пяти [redacted] строго определено: первый раз мусульманин [redacted] заре, еще до восхода солнца, второй — [redacted] полдень, третий — во второй половине дня, перед закатом, четвертая мо[redacted] — [redacted] захода солнца [redacted] пятая — [redacted]. Некоторые шиитские [redacted] (шиизм — одно [redacted] главных, наряду с суннизмом, направлений ислама) совершают [redacted] пять, [redacted] три молитвы [redacted] день. Кроме обязательных, [redacted] называемых уставных, молитв наиболее усердные мусульмане совершают [redacted] и дополнительные, как правило, ночью. [redacted] месяц [redacted] рамадан полагается [redacted] одна, особая [redacted] — «тарауих-намаз», ею отмечается окончание каждого дня поста.

Ритуал [redacted]. Каждое слово, мысль, движение, [redacted] время самой молитвы [redacted] приготовления [redacted] ней строго регламентированы. «Я совершаю эту предписанную [redacted] обязанность с целью удалить нечистоту телесную, приготов[redacted] молитву — святой акт

Предыдущие статьи цикла «Мусульманские праздники и обряды» см. в № 8, 11 и 12 за 1975 год и [redacted] № [redacted] и 6 [redacted] этот год.

долга, который приблизит мою душу к Трону Всевышнего. Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Хвала Аллаху, который оказал нам милость, сделав нас мусульманами», — такое введение в намаз — «нийя» предписывал мусульманам муфтий духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири Шакир Хиялетдинов в своей книге «Ислам ва гибадат»[1] (Уфа, 1957).

Главное требование намаза — особое, молитвенное настроение, полная отдача себя богу. Специальный чистый коврик (саджжад или намазлык) или циновка, на которой совершается молитва, отделит верующего от нечистого окружающего мира.

Особое место в молитвенном ритуале занимает обряд омовения — «тахарат», что значит очищение. Как бы ни старались современные служители культа трактовать тахарат как предписание чисто гигиеническое, продиктованное заботой о здоровье молящихся, даже беглое знакомство с требованиями этого ритуала ясно говорит, что назначение его то же, что и всего намаза в целом, — создать отрешенное от всего земного настроение, углубить религиозные эмоции. В той же книге муфтия Хиялетдинова говорится, например: «Даже если человек абсолютно чист телом, для совершения намаза он должен каждый раз произвести чистоту своего тела специально, особым способом перед совершением намаза». Этот «особый способ» отличается скрупулезной регламентацией, в которой не просматриваются чисто гигиенические цели. Строгая последовательность обряда очищения, боязнь нарушить ее (иначе весь намаз будет считаться недействительным) заставляют верующего уже во время тахарата сосредоточить все мысли на нем, не отвлекаться ни на что постороннее.

Об этом же свидетельствуют и другие правила, относящиеся к ритуалу очищения. Если по каким-то причинам тахарат невозможен (нет воды, условий и т. д.), его разрешается заменить «таяммумом» — прикладывать руки ладонями к чистой земле или класть их на камни, песок, глиняные или каменные забор или стену и потереть песком или землей лицо и руки.

После совершения «нийя» и ритуального омовения мусульманин должен приковать свое внимание к «кибле»[2] — направить свою молитву в нужную сторону. Мусульмане, где бы они ни были, должны обратить свое лицо в направлении города Мекки, где находится священная мечеть Кааба, или Ал-Харам (запретная). Кибла (в некоторых источниках пишется «кыбла») означает для мусульманина принадлежность к исламу. Следуя своей кибле, то есть обращая взор туда, куда велел пророк (а ему это якобы велел Аллах), они подчеркивают свою принадлежность к исламу, еще раз возносят хвалу Аллаху за то, что сотворил их мусульманами, а не какими-то неверными, имеющими другую киблу. У мусульман выражение «переменить киблу» означает отступить от веры, совершить предательство.

Понятие «кибла», многократно встречающееся во второй суре Корана, отражает также борьбу пророка Мухаммеда за утверждение ислама. Мухаммед пытался склонить на свою сторону и иудеев, и христиан и вначале, до ссоры с иудеями, принимал их киблу, считая Иерусалим центром мира, и требовал от своих последователей обращать туда свои взоры во время молитвы. Однако затем произошел известный поворот в его взглядах, что отражено и в Коране: «Мы видим поворачивание твоего лица по небу, и Мы обратим тебя к кибле, которой ты будешь доволен. Поверни же свое лицо в сторону запретной мечети. И где бы вы ни были, обращайте ваши лица в ее сторону. Ведь те, кому даровано писание, знают, конечно, что это — истина от Господа их...» (сура 2, аят 139). Правда, в Коране есть и такие слова: «Не в том благочестие, чтобы вам обращать ваши лица в сторону востока и запада, а благочестие — кто уверовал в Аллаха...» (сура 2, аят 172). Тем не менее мусульмане строго соблюдают киблу, подчеркивая именно этим, что они уверовали в Аллаха.

Как видим, кибла (да и все остальные установления в исламе) имеет вполне определенные земные корни. Когда арабы были язычниками, киблой для них служило восходящее солнце. Ему молились и другие народы — обращение во время молитвы в определенную сторону имеет древнюю историю. И кибла мусульман еще раз свидетельствует о неоригинальности важнейших элементов культа, ритуалов ислама, в существенных частях заимствованных из других верований и приспособленных к специфическим нуждам и представлениям этой религии.

Сама молитва так же жестко регламентирована, как и все приготовления к ней. В нее входит определенный набор поз и формул — рикатов, или ракатов. Они включают в себя воздевание рук, различные поклоны, коленопреклонения, падения ниц, касания лбом пола и т. д. Малейшее нарушение очередности различных телодвижений и поз делает намаз «недействительным». Это вынуждает верующих во время намаза сосредоточить все внимание на молитве, на поклонении Аллаху.

Намаз, как уже говорилось, создает особую направленность мыслей и чувств, специфический психологический комплекс, мистическое настроение. Во время молитвы надо забыть все земное, «дольнее», отдаться всей душой, сердцем и помыслами «горнему», божественному.

В молитве не должно содержаться никаких просьб, но мусульманин обычно посвящает ее чему-либо. «Сегодня буду молиться, — говорит он себе, — чтобы Аллах благосклонно отнесся к моему намерению сделать то-то и то-то...». А сама молитва состоит из восхвалений Аллаха — в строго предписанных для этого формулах и определениях. Служители культа внушают: если в молитве, кроме восхвалений, будет произнесено хоть одно слово, связанное с житейскими делами, Аллах не примет молитву, намаз будет считаться недействительным. Слова молитвы выражают глубокое преклонение, восторг и самоуничижение. Уже в азане — призыве к молитве, который муэдзин провозглашает с высокой мечетской башни — минарета[3], восхваляется мусульманский бог: «Аллах превелик, Аллах велик! Свидетельствую, что нет божества, кроме Аллаха. Свидетельствую, что Мухаммед есть воистину раб и посланник божий. Идите на молитву...»

Мусульмане совершают молитвы по случаю обрезания, бракосочетания, похорон, религиозных праздников — при всех мало-мальски значительных событиях в своей жизни. Но особое значение имеет пятничный намаз — салят ал-джум'а. Пятница — день совместного молитвенного поклонения мусульман Аллаху. «Вознаграждение за пятничную молитву превосходит вознаграждение за все другие молитвы, — разъясняют верующим муллы. — Если мусульманин рассчитывает быстрее достигнуть расположения Аллаха, надеется на большее вознаграждение, он должен стремиться занять, особенно в пятницу, место в первых рядах мечети[4]. В хадисах пророку приписываются такие слова: «Если бы люди знали, какое вознаграждение ждет челове-

---

[1] Ислам и поклонение Аллаху.

[2] Кибла — от арабского глагола «акбала аля» — повернуться, обратить взор в определенную сторону.

[3] У нас в стране муэдзинов нет. За рубежом, в тех странах, где исповедуется ислам, и сегодня звучат азаны с минаретов, правда, в большинстве случаев муэдзин заменен громкоговорителем.

[4] Слово «мечеть» происходит от арабского «масджид», где коренные согласные «с», «ж», «д» означают падать ниц, стать на колени, т. е. это место, где простираются ниц, бьют поклоны.

ка, молящегося в первых рядах, то они дрались бы за эти места...» При этом проповедники религии ссылаются и на те хадисы, в которых говорится, что все асхабы и ансары — сподвижники пророка и примкнувшие к нему (иными словами, вся община Мухаммеда) молились совместно и потому-де Аллах помогал им в делах.

Идеологи ислама утверждают, что в их религии нет клира, церковной службы и т. д., что мусульманин не нуждается ни в каком посреднике для общения с Аллахом. Однако во время молитвы в мечети верующие должны следовать руководителю моления — имаму, считается, что это более угодно Аллаху. Проповеди, которые произносит имам перед мусульманской общиной (в какой-то степени эту коллективную молитву можно сравнить с воскресной обедней у христиан) с минбара (как бы с амвона), составлены так, чтобы создать у верующих религиозно-экстатическое состояние, всячески прославляют и пропагандируют ислам.

Пятничные намазы усиливают религиозные чувства верующих и одновременно подогревают националистические настроения. Мулла в пятничной проповеди обычно прежде всего говорит о том, что вот, мол, нас, людей такой-то национальности, Аллах создал мусульманами, выделив таким образом среди других. Именно на пятничных намазах постоянно присутствует дух разъединения, противопоставления: мы — мусульмане, правоверные, а все остальные — неверные, люди низшего сорта. Здесь затушевываются классовые и другие жизненные интересы людей.

Мусульманам их религия разрешает и предписывает молиться всюду, где их застает час намаза. Эта обязанность последователей пророка обосновывается ссылкой на хадисы, рассказывающие, что Мухаммед якобы сказал в ответ на вопрос, где правоверному следует возносить Аллаху хвалу и просьбы о милости, чтобы наверняка быть услышанным: «Вся земля — богом созданный чистый молитвенный ковер. Где вас застанет час молитвы, там и молитесь!»

У нас в стране в настоящее время, в силу особенностей нашей современной жизни, не все верующие совершают пятикратные намазы. В той или иной форме это, можно сказать, санкционировано духовенством или, по крайней мере, оно смотрит на такие нарушения сквозь пальцы. Людей, нарушающих требование пятикратной молитвы из-за того, что они находятся в пути, на производстве, на военной или иной службе, служители ислама сегодня не осуждают.

Тем не менее, повторяем, специальному молитвенному дому — мечети служители ислама придают особое значение. Это понятно. Здесь легче всего управлять общиной верующих, собрать их вместе, внушить определенные мысли, создать настроение, направить их действия. В нашей стране до Октябрьской революции эксплуататорские классы использовали мечеть для поддержания в массах покорности, повиновения власть имущим. Все их желания и указания муллы, имамы сообщали в мечети и с минбаров, а верующие воспринимали это как веление самого Аллаха. Умело использовали при этом проповедники особое молитвенное состояние верующих, их отрешение от собственных жизненных интересов, «отдачу себя богу». Ведь такой молитвенный экстаз в исламе, когда люди, полностью отдавая себя на милость Аллаха, теряют, по сути, волю,— самое подходящее состояние для того, чтобы создать у человека или укрепить у него определенные настроения.

Вся система молитвенного обряда по самой сути своей хорошо учитывает, что отрешенно молящийся человек испытывает целую гамму эмоциональных переживаний: смирение, страх, покорность, надежду, радость, умиление, любовь и преданность Аллаху. Мысли и чувства верующего, спешащего в мечеть, поглощены предстоящим намазом. Он думает о том, как бы не пропустить время, как бы не ошибиться в последовательности ритуала, как бы не нарушить условий молитвы, соблюсти ритм поклонов, не отставая от имама и не опережая его. Не случайно проповеди, произносящиеся в мечети перед молитвой и после нее, построены определенным образом.

Молитва в исламе — сильное психологическое и идейное средство воздействия на верующих. Духовенство постоянно внушает мусульманам, что только искренняя молитва доходит до бога. И в случае успеха в своей жизни верующий благодарит бога, а в случае неудачи, вместо того чтобы искать ее действительные причины, он винит себя за недостаточное религиозное усердие. Молитва отвлекает верующего от земных дел, мешает ему осмысленно действовать в разнообразных жизненных ситуациях: ведь проповедники внушают, что «хорошая земная жизнь — это жизнь, построенная на молитве», что нет более возвышенного и благочестивого дела, чем намаз (так, например, говорил недавно имам Московской соборной мечети во время пятничного богослужения). Упования на молитву лишают верующих жизненной активности. Число молящихся у нас в стране сокращается, уменьшилось и количество обязательных молитв. И все же молитва, оставаясь одним из основных проявлений религиозности, служит звеном, привязывающим верующего к религии. Это требует от пропагандиста хорошего знания ее сущности, умения убедительно разъяснить верующему несостоятельность его молитвенных надежд.

ПЯТНИЦА

Г. КЕРИМОВ,
кандидат исторических наук

ПЯТНИЦА — по-арабски джума*, как уже говорилось, — день общественной молитвы мусульман. Мусульманская традиция особо выделяет пятницу среди других дней недели. Для правоверных она окружена ореолом святости. Богословы говорят, что все великие мусульманские события — рождение Мухаммеда, ниспослание Корана, переселение пророка и его сподвижников в Медину, победа над языческой Меккой, единственное посещение Мухаммедом Каабы и т. д. и т. п. — произошли именно в пятницу. Неопровержимым доказательством ее

* Слово «джума» происходит от арабского глагола «джама» — собирать, объединять. От него образован также ряд исламских терминов: «аль-иджма» — согласное мнение авторитетных имамов по вопросам религии, «джами» — соборная мечеть, университет, «аль-джама-ату» — мусульманская община, «иджтима» — собрание, сходка, митинг и другие.

святости для верующих служит и один из хадисов — изречений Мухаммеда, который якобы сказал: «Лучший из дней — пятница. В пятницу сотворен человек, в пятницу он войдет в рай, в пятницу он выйдет оттуда, часы остановятся (т. е. наступит страшный суд) только в пятницу». Все эти легенды повторяются и сегодня мусульманским духовенством для привлечения верующих в мечеть.

Почему именно пятница выбрана для таких событий? Бесполезно искать в исламских источниках какие бы то ни было исторически достоверные сведения об этом, а тем более научные объяснения.

Вероятно, в начальный период ислама его основатели, выбирая день для общей молитвы, отказались от субботы и воскресения, так как эти дни уже были «заняты» более древними религиями — иудаизмом и христианством. И чтобы отмежеваться от них, первые проповедники ислама избрали священным днем пятницу. С пятницей связано возникновение молитвенных домов в мусульманстве — мечетей — и появление особой формы молитвы. Первый молитвенный дом мусульман был построен в Медине после переселения туда Мухаммеда в 622 году. После его смерти это место молений получило название Масджид ан-набави — мечеть пророка. Она входит теперь в число трех мечетей, которые шариат считает верховными. Другие две — Аль-Харам (Кааба) в Мекке и Аль-Акса в Иерусалиме. Они отнюдь не грандиозны, и архитектура их не совершенна. Но они упоминаются в Коране несколько раз и связаны с именем Мухаммеда, поэтому и являются главными для мусульман. В Каабе есть черный камень, к которому прикасался Мухаммед, Иерусалимскую мечеть он посетил перед мираджем — вознесением на небо.

В первоначальном исламе все мечети назывались «бейт-иллах» — дом Аллаха и были одинаковы по значению (кроме, разумеется, этих трех). Однако постепенно произошло разделение молитвенных домов на соборные — пятничные — и квартальные. Как бы далеко ни жил мусульманин от пятничной мечети, он должен был в пятницу прийти в нее, а в остальное время он мог ходить в малые местные мечети, которые и стали называться квартальными.

В системе общественной пятничной молитвы особое место занимает подражание имаму — руководителю молитвы. Шариат строго требует, чтобы во время общественной молитвы в мечети верующие не отставали от имама и не опережали его при выполнении элементов молитвы. В совместном молении главную роль играет общее ритмичное движение и ритмичный звук. Хадисы предостерегают: «Если кто-то раньше имама коснулся лбом земли, значит его лоб был в руках шайтана». Сподвижник Мухаммеда Ибн Масуд, увидев однажды какого-то молящегося, который не подражал имаму, сказал: «Ты не совершил молитвы, ибо молился и не один, и не с имамом».

С пятницей связан ряд запретов шариата. В этот день запрещается входить в мечеть иноверцам. В мусульманских странах неверным запрещено по пятницам устраивать религиозные церемонии. Вблизи соборных мечетей не должно быть молитвенных домов других вероисповеданий, общественных учреждений, где могут скапливаться иноверцы. Наиболее усердные мусульмане в пятницу соблюдают дополнительные посты.

Мусульманские проповедники учат: «Если человек рассчитывает достигнуть расположения Аллаха, надеется на вознаграждение в будущей жизни, он должен стремиться именно в пятницу стоять во время общественной молитвы в первых рядах молящихся, в непосредственной близости к имаму».

Видимо, в связи с тем что мусульманин обязан был в пятницу посетить соборную мечеть, а общественной молитве под руководством имама придавалось и придается очень большое значение, этот день постепенно сделался в некоторых восточных странах выходным. Как-то я читал лекцию по исламу в смешанной аудитории, где среди слушателей были приверженцы ислама, православия и иудаизма. Один из мусульман попросил меня рассказать об истории возникновения пятницы и задал при этом такой вопрос: «Почему обижают мусульман? Христианам удобно — в воскресенье день отдыха. Такое же удобство создали и иудеям, сделав и субботу выходным днем, и только святой день мусульман — пятница — остался неотмеченным».

Наверное, такие вопросы задают многим пропагандистам атеизма, работающим среди мусульман. Присылают такие письма и в редакцию: «Почему бы, для справедливости и соблюдения равенства религий перед законами нашей страны, не объявить и пятницу выходным днем в ряде районов или республик страны?»

Прежде всего надо отметить, что пятница никогда не была для мусульман праздничным днем. Мусульманам позволительно работать в пятницу. По шариату, пятница для мусульманина совсем не то, что суббота для иудеев или воскресенье для христиан (первым религия строго запрещает, а вторым не рекомендует в эти дни заниматься делами).

Первоначально пятница даже в мусульманских странах не была днем отдыха. Более того, в ряде городов восточного Средиземноморья, например, там, где преобладали купцы-христиане и где поэтому в воскресенье не могло быть и речи о торговых операциях, купцы-мусульмане устраивали себе праздники именно в воскресенье, и в пятницу их лавки были открыты, а в воскресенье как раз закрыты. Мечети же у мусульман открыты всегда, в любой день.

Но дело сейчас, разумеется, не в религиозной стороне дела. Воскресенье и суббота для подавляющего большинства являются нерабочим днем не только у нас, в СССР,— в международном масштабе вся культурная, экономическая, а также политическая жизнь приостанавливается — люди прерываются на отдых, вовсе не по религиозным соображениям, не потому, что в субботу бог отдыхал после «сотворения мира», а в воскресенье, согласно библейским мифам, произошло воскресение распятого Христа. (Кстати, в христианстве воскресенье как праздничный религиозный день установилось не сразу: сначала это была суббота, потом — понедельник. Выбрав воскресенье, христиане отмежевались от иудаизма и от зороастризма, отмечавшего в первый день недели культ бога Солнца).

Дни отдыха — суббота и воскресенье — в нашей стране, конечно же, не имеют никакого отношения к религии. Не надо забывать также, что в колхозах, совхозах люди в соответствующие сезоны трудятся не только всю неделю без выходных, но и часто даже ночью (на пахоте, сборе хлопка и т. п.). На заводах и фабриках, где производственный процесс не позволяет останавливать конвейеры, люди работают посменно круглые сутки. В школах, высших и средних учебных заведениях идут занятия и в субботние дни. Без выходных работают многие магазины. А если уж говорить об истории, то полезно вспомнить, что один день в неделю для отдыха рабочие получили вовсе не благодаря религиозной легенде о воскресении Христа, а в результате упорной классовой борьбы против эксплуататоров.

ПЕТЛЯ

Иржи КРШЕНЕК

Перевела с [illegible] Н. ШУЛЬГИНА

ИРЖИ КРШЕНЕК (род. [illegible] 1933 г.) — известный чешский писатель. С начала 60-х годов у него вышли: роман-хроника «Мужики», сборники повестей [illegible] рассказов, роман «Дички», опубликованный [illegible] 1976 г. на русском языке, две части трилогии — «Селянка» [illegible] «Дом среди лиственниц». Детективная повесть «Петля» вышла в свет в 1975 году. И. Кршенек плодотворно работает также [illegible] кино, на радио и телевидении. За ро[illegible] «Дички» удостоен премии на конкурсе [illegible] честь 50-летия КПЧ.

I

Управляющий хозяйством пансионата «Романс» — если вообще можно назвать пансионатом несколько полусгнивших, низких, как бы боязливо пригнувшихся к земле строений [illegible] фундаментах из плоских камней — кряхтел и вздыхал еще добрых полчаса после того, как поднялся с постели. Он щурил покрасневшие глаза и то и дело подтягивал широченные, мешковатые брюки, измазанные масляной краской, асфальтом и пропахшие скипидаром. При первом же взгляде на этого человека становилось ясно, с кем имеешь дело. Он принадлежал к редкой категории чересчур добросовестных людей [illegible] нес свой крест с удивительным мужеством. Его превращение [illegible] неусыпного стража всех этих досок, юфти, ящиков с шурупами и гвоздями, которые вместе с железными каркасами палаток, лодками, сплюснутыми мячами [illegible] канистрами [illegible] керосином скрывал в своей утробе «Романс», было поистине совершенным.

Душу его ранила каждая дождевая капля, которой удалось проникнуть сквозь обветшалые крыши, терзали ржавчина, плесень, маленькие рыжие муравьи, кишмя кишевшие на стропилах срубов и нещадно вгрызавшиеся [illegible] трухлявые бревна. То была душа благородная и чистая, как дукат святого Вацлава, но — как и он — принадлежала к другой эпохе.

Ночь, [illegible] которую управляющий почти [illegible] смыкал глаз, была похожа на все прочие, как черные щенки одного помета. Шум реки [illegible] дождя звучал усыпляюще вкрадчиво, но управляющему все чудилось, что кто-то ходит по волейбольной площадке. Потом до него явственно донесся скрежет весел, будто кто-то вытаскивал заржавевшую уключину, затем что-то глухо шлепнулось [illegible] воду.

«Доски тащат, — смекнул он, сжимая вспотевшими ладонями никелевый фонарь. — Уже и до них добрались».

Несколько дней назад ему привезли длинные доски для ремонта крыш, [illegible] они сразу же обрати[illegible] [illegible] «новый страх».

«Кому же такое добро не нужно? Любому пригодится», — рассудил управляющий и принялся [illegible] дело: втащил доски на крышу столовой. Но, едва сделав это, тут же сообразил, что доски с крыши утянуть куда проще. Под вечер он сложил их на прежнее место, но, снимая последнюю, чуть было сам не свалился — от усталости у него прямо-таки подкашивались ноги.

Он хлебнул перлового супа, запил его бузиновым отваром и, не успев наказать жене, чтобы заперла сарай (сто раз ей все повтори!), погрузился [illegible] тяжелый, без сновидений сон.

Повесть печатается [illegible] сокращении.

Это было в среду. В четверг утром стал накрапывать дождь, и управляющий прикрыл доски толем, прижав его кирпичами. Под вечер дождь усилился. На береговом откосе, поросшем дубом, грабом, кустарниковым полевым кленом, среди которых торчали острые расщепленные скалы, словно окаменелые зубы доисторических мастодонтов, тревожно вскрикнула иволга, и долина погрузилась в тоскливо туманные сумерки. Силуэты строений, дождевые капли, омывавшие листья орешника, пихтач, набухший чернью, и тоскливая тишина — таков был четверг озабоченного управляющего. Таким же туманным, неприветливым и дождливым встретило его утро в пятницу, когда он почти затемно встал, дрожа от холода и досады, и оглядывал воспаленными глазами сокровища «Романса». «Забор бы поставить. Добротный забор», — думал он, зябко поеживаясь.

Он обследовал кирпичи, которыми накануне прижал толь, и удовлетворенно отметил, что подставленные чурочки на месте. Стало быть, ни к чему не притрагивались. «В эдакую мокрядь людям не до воровства», — мелькнула мысль.

Он нагнулся к куску толя, лежавшему тут же возле досок. «Ведь наказывал ей, чертовой бабе, чтоб убрала толь в сарай».

— Я же велел тебе убрать это! — крикнул он в сторону дома.

— Боже всемилостивый, толь намок! На крыше, что ли не намокнет? — отозвался женский голос. — Обуйся поди, не то опять всю ночь кряхтеть будешь.

Управляющий махнул рукой и рывком дернул толь. В этот миг в дверях дома, точно береста, забелело лицо женщины — она пошатнулась и оперлась о притолоку.

Ян Жампах — так звали управляющего — не заметил этого. Он отбросил толь на доски и только тогда увидел то, что так ужаснуло жену.

В обнажившемся прямоугольнике сухой земли, навзничь лежала девушка в коротенькой клетчатой юбочке и черном свитере. Жампах узнал ее. Ее звали Анна, Анна Кралова. Господи, когда же он видел ее в последний раз? Вчера, позавчера?

Теперь она лежит тут, и в ее широко распахнутые глаза падают капли дождя...

Близость города, река, вьющаяся по дну глубокой романтической долины меж крутых скал и грабовых рощ, регулярное автобусное сообщение и хорошие магазины превратили Красную Горку в популярную зону отдыха. Пожалуй, не проходит и недели, чтобы к кому-либо из местных счастливцев — обладателей клочка луга у реки, не постучался бы солидный горожанин с кошельком, утяжеленным сотнями крон, пустившийся в нелегкий путь в оздоровительных целях. В год, когда так страшно оборвалась жизнь Анны, на хуторе, где эта двадцатилетняя девушка жила со своей матерью, таких незадачливых претендентов побывало по меньшей мере пять или шесть.

Последнего из них, настырного облысевшего очкарика, матушке Краловой пришлось выставлять чуть ли не силой.

— Не было печали, так черти накачали, — нужен нам был этот хутор, — сказала она дочери. — Слыхала: «Я, мол, еще ворочусь... вдруг передумаете». Пусть только заявится. Возьму вилы да турну его как следует...

Хотя хутор и не был никогда ей особенно дорог, однако после смерти мужа она охраняла его с типично моравским упорством, граничившим подчас с чудачеством.

К строению в двадцати минутах ходьбы от заброшенной каменистой дороги, тянувшейся вдоль речного русла, примыкало несколько десятин пологого склона, заросшего орешником, мохнатым шиповником и дикой черешней. Именно этот косогор, неплодородный, запущенный, исхлестанный частыми ливнями, и стал предметом небывалого интереса и источником постоянного «пекла» Анежки Краловой, или «Кралихи с хутора», как окрестили ее в деревне.

— Люди совсем с ума посходили, — разговорилась она однажды с женщинами в магазине. — Вот дочка выйдет замуж, пусть и делает с хутором, что захочет, а мне-то что?

— Может, отыщется покупатель, купит хутор вместе с вами, пани Кралова, — заметил на это заведующий магазином Флориан Кратена.

Кралова от души рассмеялась:

— А я-то ему на что?

— Кто знает, — пожал плечами неудачливый поклонник «Кралихи с хутора».

— Плохого вы, однако, обо мне мнения, пан заведующий.

— Помилуйте, как же — плохого? Напротив, самого что ни на есть лучшего, пани Кралова.

Этим обыкновенно и ограничивался флирт пана заведующего с миловидной вдовой, которая знала, что все еще нравится, и, как всякая женщина, тешилась этим. Иногда заведующий появлялся на хуторе, проделывая несколько трюков с пинг-понговым шариком, бесследно исчезавшим в рукавах его широкого, старомодного пиджака, непременно спрашивал — ну как, Аничка, идет учеба? (это его вечное «ну как» выводило девушку из себя) — и, положив на стол пакетик с шоколадными конфетами,

скрывался в ельнике. Матушка чувствовала, что пана заведующего дочка терпеть не может.

— Аничка, — сказала пани Кралова дня два спустя после того, как дочь получила аттестат зрелости. — А не отметить ли нам с тобой начало каникул?

— Еще чего, — ответила Анна, прыгая по кухне в пестрых шортах, открывавших длинные загорелые ноги. — Лучше не отмечать, все равно через год из института меня вытурят — чувствую, не потяну, это как пить дать. Ты разве не знаешь, что на первом курсе самая высокая смертность?

— Загляни-ка в холодильник, — сказала мать.

Анна открыла холодильник и ахнула:

— Ой, мороженое со взбитыми сливками. Мамка, ты — прелесть...

— А вечером пойдем искупаемся. Я мокрая, как мышь.

— Ага, — согласилась Анна, захлопнув холодильник. — Над пионерским лагерем новую запруду сделали. Песок выгребли... мировое местечко...

— Ну вот, и заодно прихватим и молоко для Жампаховой, — добавила пани Кралова. — А где это ты такой синяк заработала?.. Ну и синяк...

— Выпускное приветствие, — объявила Анна. — Об угол парты. — Она залпом выпила стакан содовой воды. — Надо же, — удивилась она, высунувшись из окна и чуть было не опрокинув горшок цветущей герани. — Пан Флориш к нам тащится...

— Многое ты себе позволяешь...

— А как же прикажешь мне его величать? — вскинулась Анна. — Пан заведующий или милостивый пан?

— Уймись, слышишь!

Кралова оглядела кухню, оправила скатерть, ладонями пригладила волосы на висках. Тут и она увидела в окно Кратену. Лицо у него блестело от пота, в одной руке он держал соломенную шляпу, в другой — лукошко с грибами. На хутор уже ложились мягкие, пастельные тени, внизу у реки хлопали ставни дач. Была пятница, и город просто-напросто атаковал Красную Горку.

— Что это он не в лавке? — буркнула Анна.

— А ты взгляни на часы, — обрезала мать. Она быстро натянула ей на голую спину рубашку. — Только завидишь его, и уже сразу заводишься. И накинь на себя что-нибудь, ведь ты почти голая.

— Ох, и вспотел же, бедняга. Сходил бы лучше в пивную, чем сюда тащиться.

— Ну, перестань, Анна, — строго сказала мать. — Не запретить же ему ходить к нам.

Анна взяла книжку и, вытянув ноги, уселась на кушетку, всем своим видом как бы говоря: ну, что ж, мне все равно, представление может начаться, даже любопытно...

— «Шел мимо», вот увидишь, так скажет, — шепнула она, когда Кратеновы шаги послышались уже во дворе. — На спор, так и скажет: «Драсте, шел вот мимо...»

— Да уймись ты наконец, — цыкнула мать.

Не зная, куда девать от смущения руки, пани Кралова взяла вазочку с садовой ромашкой на длинных плотных стеблях, и, если бы в эту минуту дочь заглянула ей в лицо, она наверняка усомнилась бы, что их уговор — пойти после обеда купаться — сбудется. Тут раздался робкий стук в дверь, и Флориан Кратена вошел.

— Драсте... шел вот мимо...

Анна тихонько прыснула в ладонь, Кратена чуть покраснел.

— Заходите, — пригласила его Кралова. — А ты, Аничка, отнеси Жампахам молоко. Оно в погребе.

Анна прикусила губу. Отложив книгу, с упреком взглянула на мать.

— И не слоняйся нигде... Ну, присаживайтесь, — предложила Кралова гостю.

Девушка, гордо вскинув голову, прошла мимо Кратены. До нее донесся слабый запах кореньев и грибов. Когда она закрыла за собой дверь, Кратена наконец облегченно вздохнул.

— Ну и жарища, — растерянно проговорила Кралова. — Бог мой, сколько же вы набрали, — добавила она, оглядывая спасительную корзинку. — И это все под вечер?

На лице гостя постепенно таяла напряженная, застывшая маска.

— Я собираю то, что другие ногами отшвыривают, — сказал он. У него был приятный, несколько хрипловатый голос, живые серо-голубые глаза и выражение усталого человека, начинающего понимать, что самым большим врагом его становится время.

— Я опасаюсь таких грибов, — заметила Кралова. Она поставила перед Кратеной стакан и налила пива. — Признаю только белые, да и то с осторожностью.

— А вы не выпьете? — спросил Кратена, глядя на женщину, вблизи которой он чувствовал себя счастливым.

— От пива ужасно толстею.

— Будет вам... Ведь у вас фигура прямо девичья, — искренне сказал Кратена. — Издали и не подумаешь, что...

— Вот именно «издали», — улыбнулась Кралова, оправляясь от смущения. В присутствии этого человека ей становилось на редкость неловко — так обычно бывает женщине в обществе влюбленного мужчины, который ей не совсем безразличен, но не больше. Она это хорошо понимала и порой даже грустила по этому поводу.

— Ну, к примеру, эти грибы, — говорил Кратена, между тем как пиво в стакане безнадежно утрачивало цвет и пену. — Ну вот хоть этот мухомор красный — один из лучших грибов вообще. В атласе он отмечен как съедобный, замечательный гриб. А люди пинают его ногами, просто невозможно понять...

— Я мухоморов боюсь, как чумы. Уж их бы ни за что не взяла, — покачала головой Кралова. И, улыбнувшись, сказала: — Выпейте, все ж таки. Может, вам кофе сварить?..

На этот раз Кратена провел на хуторе свыше двух часов, а вскоре после его ухода возвратилась Анна. Чашка с кофейной гущей стояла еще на столе. Кралова смотрела телевизор.

—Долго же ты пропадала, — отозвалась она, не поворачивая головы.

— Ходила в деревню... так поглядеть, — ответила Анна. — Чего мне тут делать.

Ее тон заставил мать оглянуться. Она хотела было что-то сказать, но сдержалась.

— Приготовь что-нибудь на ужин. Там грибы, если хочешь...

— Таких грибов я не ем, — обрезала Анна. — Не хочу, чтобы меня отравили. Мне жизнь еще не надоела.

Тут уж мать прорвало.

— Послушай, Анна, не перегибаешь ли ты? — сказала она неестественно высоким голосом. — Не кажется ли тебе, что ты слишком дерзишь. Запомни раз и навсегда: спрашивать тебя о том, что мне делать, я не стану, понятно? Ты вела себя безобразно. Мне совершенно все равно, что ты о нем думаешь, но об одном прошу тебя: держи себя с ним как воспитанная, приличная девушка. Хотя бы потому, что он в отцы тебе годится...

Анна опешила. Такой вспышки она не ожидала и решила лучше отмолчаться. После слов матери в доме установилась напряженная атмосфера.

— Доброй ночи, — чуть погодя сказала Анна, с трудом пересилив себя, она никак не могла примириться с «предательством» матери.

— Доброй... — тихо откликнулась мать.

«Обиделась, будто я в чем виновата», — подумала Анна, поднимаясь к себе в крохотную комнатку со скошенными стенами, облицованными лиственничным пахучим деревом.

«Ну и ну,— размышляла она, лежа уже в постели, — вот так отметили начало каникул... мама верна своему слову, ничего не скажешь».

Снаружи глухо гудел ветер, ветви сосен шуршали по крыше. «Мда,— проронила она, разглядывая в тусклом свете настольной лампы ночных бабочек, упрямо бившихся в оконное стекло, — какой же она может быть несправедливой! А что, если она в самом деле влюбилась, и я ей только мешаю? Конечно, всем я только мешаю, я бы даже не удивилась, подсунь мне эта обезьяна в грибы какую-нибудь гадость. Уж как он меня ненавидит, ну прямо слопать готов своими глазищами. Не знаю, что со мной будет, если придется назвать его «папой»... Этого я не вынесу».

Анна уснула после полуночи. Это была первая стычка с матерью, хотя мать и раньше бывала сварливой и раздраженной. Но тут случилось нечто особенное. Щемящая тоска не отпустила душу Анны даже на рассвете, с первыми флейтовыми трелями дроздов, она не покинула ее и потом, когда хутор залило горячее огромное солнце над голубоватым горизонтом, и все погрузилось в золотистое светящееся озеро. Эта тоска вонзилась в ее сердце тупой иглой, застряла там и саднила.

— Аничка... Аничка, — кричала мать со двора.

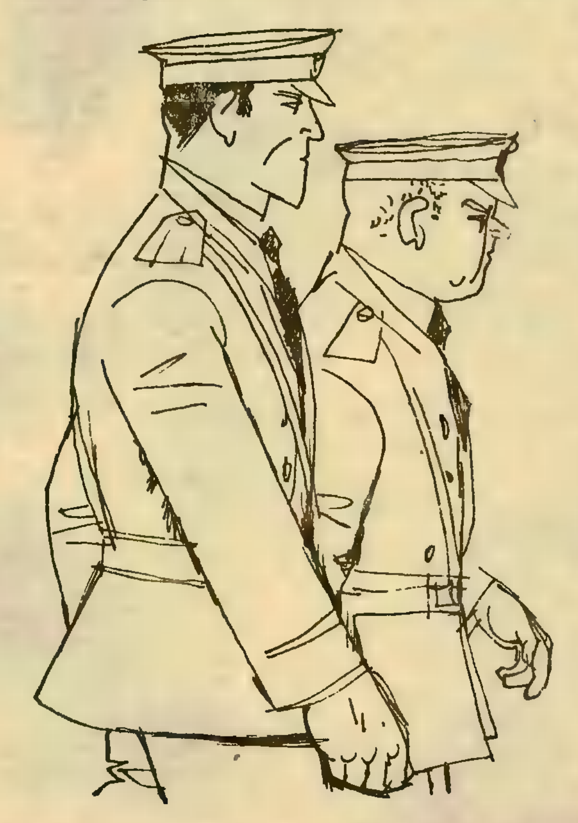
Было семь часов утра, и от «Романса» доносились звуки трубы. Пионеры играли побудку...

II

Вскоре после маловразумительного звонка управляющего пансионата «Романс» в Красную Горку выехали две серые «Волги» из уголовного розыска областного управления Органов охраны общественного порядка. В одной сидели лейтенант Марек и майор Абсолон, первый эксперт по убийствам, прозванный в угрозыске «злым стариком», в другой — техники и бригада mordparty [1], как ее называли в управлении. Прозвище «злой старик» Абсолон заработал у молодого поколения следователей. Услышав об этом впервые, он был несколько озадачен. «Старик» — бог с ним, но что «злой» — это было несправедливо. Правда, иной раз он мог гаркнуть своим сиплым, прокуренным голосом, нахмурить брови, столкнувшись с какой-либо промашкой или нерадивостью в работе, но «злым» в прямом смысле этого слова он никогда себя не считал.

Майору с утра нездоровилось, тянуло в желудке, на лице выступили сероватые пятна. Дышалось почему-то с трудом, он едва переводил дух.

[1] Группа, занятая расследованием убийств (англ.), здесь и далее прим. перев.).

В машине стало еще хуже. Казалось, что в кабину просачиваются выхлопные газы.

— Остановите, пожалуйста, — сказал он шоферу.

Это было на лесной опушке. Абсолон сделал несколько шагов, перешел неглубокий овражек и стал около кривой березы, печально подрагивавшей листвой на слабом ветру.

Абсолон, не оглядываясь, почувствовал, что за ним следует Марек. Он хорошо знал его походку: пятка... носок, пятка... носок. Он повернулся и ощутил знакомый легкий запах одеколона.

— Вам плохо, шеф?

Смуглое, несколько изможденное для тридцатилетнего человека, лицо Марека выражало участие.

Абсолон сглотнул. Ощутил, как жгуче проходит по горлу неприятная горечь, и просипел:

— Да вроде получше.

— Мне кажется, в кабину тянет из выхлопной трубы, — сказал Марек, когда они возвращались к машине.

— Вам вечно что-то кажется.

Марек, пожав плечами, умолк. Машина тронулась. Вскоре она взлетела на покатый холм, у подножия которого сверкала матовой гладью река, а затем спустилась в Красную Горку и запрыгала по размытой, расхлябанной дороге, вьющейся вдоль реки меж крутых скал прямо к «Романсу». Абсолон вспомнил, что в свое время бывал в этой долине. Когда проехали мимо карьера, где светился желтоватый камень и поблескивала гладкими листьями мать-и-мачеха, он сказал:

—Точно... я здесь уже был... скала эта... утес... только строений было поменьше.

Машина въехала на волейбольную площадку, оставив на красном песке легкие следы шин. Марек вежливо открыл Абсолону дверцу. Толпа чуть расступилась.

«Откуда взялось столько народу? Ведь не сезон, к тому же день будний», — подумал Абсолон.

— Разойдитесь, пожалуйста, — крикнул Марек.

Абсолон нагнулся к Анне Краловой. Когда он вгляделся в ее лицо, на котором еще не успел запечатлеться стигмат смерти, у него легкой болью сжало сердце. Майор выпрямился, огляделся вокруг. Массивная нижняя губа, косматые брови поверх колючих серых глаз, придавали ему вид крайне свирепый. Марек потом утверждал, что «так выглядеть мог бы только старый, разъярившийся лев, который хотел бы кусаться, да не может...»

Врач, запинаясь, докладывал:

— Так около одиннадцати вечера... чем-то тонким... струной или проволокой... просто какой-то петлей...

— Продолжайте, — сказал майор лейтенанту. — Где этот самый... ну, управляющий?

— У себя, — отозвался кто-то из толпы. — Совсем скрутило его.

Управляющий лежал, накрытый одеялом, высунув голову, точно испуганный котенок. На облупившемся больничном столике возле койки стояли стакан с бузиновым отваром, бутылка «францовки»[2] с этикеткой, на которой изображена сосновая шишка, рюмка с градусником и коробочка с порошками.

Абсолон беспрерывно перхал, точно проглотил муху, которых, кстати, было здесь видимо-невидимо. Рядом, в каморке, служившей, верно, кухней, топилась плита. Мухи носились в воздухе, пропахшем лесной «францовкой» и бузиновым отваром, и жужжали на оконном стекле. Жена управляющего подставила майору стул. Сама уселась возле столика с телефонным аппаратом, сложив на коленях руки.

— Абсолон из уголовного розыска, — представился майор устало. — Это вы звонили?

— Жампах, Ян Жампах, — сказал в ответ управляющий.

— Ну рассказывайте, пан Жампах, — предложил ему Абсолон.

Жампах, заикаясь, стал говорить, майор терпеливо слушал. Лишь когда управляющий упомянул, что в последнее время Анну часто видели в обществе некоего Адамека и что тем роковым вечером Анна, по всей вероятности, была в кино, Абсолон, резко оборвав Жампаха, спросил:

— Кто этот — Адамек?

— Карел Адамек, — ответил Жампах. — Электрик из сельхоза, но этот бы нипочем такого не сделал. Боже упаси. Это хороший парень, не то чтобы какой безобразник. Вот тут лампы — это он смастерил. Скрутит проволоку, покроет лаком, вырежет из пергамента колпак... у меня еще одна, только красная... Боже милостивый... Кралова не перенесет этого...

— Как далеко до хутора?

— От нас?

— Ну ясно.

— Десять минут напрямки лесом, двадцать по извилистой тропке вдоль реки. Анна обычно бегала лесом, только вот вечером приходилось...

Абсолон поднялся.

— Вы допустили оплошность, пан Жампах. Ночью, услышав какие-то звуки, вы должны были выйти. Мы могли бы знать гораздо больше.

Жампах оживился.

— Да.., скажу вам, может оно и так. А может и не так... — захрипел он с досадой и схватился за «францовку». — Одним трупом больше — это вы и впрямь могли б заиметь. Вот этим, — Жампах постучал себя по лысому черепу. — Знаете, этого еще не хватало. Я тотчас убираюсь отсюда, ни минуты здесь не останусь, пусть хоть сам святой Петр стережет это добро. То есть, поймите меня правильно... Я совсем другой человек. Я все думал, что люди только воруют, такой уж болван был. А они не только воруют, но и убивают.

— Да, вы правы, — ответил ему Абсолон.

Едва майор скрылся за дверью, как Жампах захрипел с возмущением:

— Вот те раз, «могли бы знать гораздо больше». Не зря говорится: хитер, что твой полицай. Этот мордастый строит из себя неведомо что, а когда я звонил, им и дела до Анички не было, все только орали «ваше имя, ваше имя», это их больше всего занимало. Скажи я, что меня зовут Алоис Ирасек[3], им все одно было бы...

Труп Анны Краловой был отправлен в институт судебной медицины.

Только увидев молодого Адамека, Марек невесть почему подумал, что с этим парнем придется немало повозиться. Хотя Адамек давал показания весьма охотно и вежливо, бесхитростно глядя в глаза, но именно в этом взгляде и учуял Марек какой-то подвох. И в самом деле, манера Адамека разговаривать явно не вязалась с его атлетической фигурой, с его внешностью трактирного забияки и необузданного деревенского парня. Кроме того, существовало еще и армейское прошлое Адамека, когда он был условно осужден военным окружным судом за драку и нанесение телесного повреждения.

---

[2] Спиртовой раствор для растирки.

[3] Известный чешский писатель (1851—1930 гг.).

Поначалу Марек был убежден, что Адамек что-то скрывает, но достаточно было и нескольких слов парня, как следователя уже охватили сомнения: «А что, если мы несправедливы к нему? Если это правда, что же еще он может сказать? Ну и работка...»

У Марека вспотели руки. Адамек был сдержан и невозмутим.

— Так вы, стало быть, хорошо знакомы с управляющим Жампахом? — в какой уж раз повторил Марек, меж тем как Абсолон, казалось, подремывал и только изредка по обязанности приоткрывал припухшие, покрасневшие веки.

— Угу, — подтвердил Адамек.

— А с доктором Янчиком, у которого дом за пионерским лагерем, тоже знакомы?

— С ним — нет.

«Да — нет» Адамека раздражало следователя. Вроде бы парня нельзя было ни в чем упрекнуть: он отвечал точно, о чем бы его ни спрашивали, но, когда ему самому приходилось что-то рассказывать, Марек вынужден был все время его подталкивать: «Ну так опишите подробнее». Но и это не помогало. Адамек спокойно глядел на Марека и говорил:

— А я не знаю как. Уж лучше вы меня спрашивайте.

«Как она только могла встречаться с эдаким тюфяком», — подумал Марек. — «Как никак будущая студентка. Ведь таких парней у нее могло быть тринадцать на дюжину».

— Ну, расскажите нам, что вы делали, когда вышли из кино, — спросил Марек уныло. — Только ничего не упускайте. Важна каждая мелочь. Гораздо важнее, чем вам кажется.

— Ладно.

— Услышав это тягучее «ладно», Марек вздохнул с облегчением и сел, точно одолел трехсоткилометровую дорогу в разбитом автобусе.

— Выкладывайте все по порядку.

— Когда мы вышли из кино, она мне сказала, чтобы я не провожал ее, сама, мол, дойдет, — начал Адамек.

— Ну да. Вы нам уже об этом сказали.

Адамек посмотрел на Марека с укоризной.

— Я ее спросил: «Почему?»

— Ну а дальше? — нетерпеливо допытывался Марек. — Не можете ли вы говорить более связно? Не выводите меня из терпения, Адамек, я уже сыт по горло, — Марек вдруг раскричался. — Я не могу вытягивать из вас каждое слово. Поймите же наконец, что речь идет об убийстве. Если вам не хватает времени как следует все обдумать, скажите. Я дам вам эту возможность.

Абсолон закашлялся, Марек несколько сбавил тон.

— Что вам на это ответила Аничка?

— Что незачем.

— А вы что?

— Я сказал: «Возьми хотя бы мой фонарик».

Марек усмехнулся. Адамек, казалось, недоумевал.

— Но правда же так было, — настаивал он.

— Только ради бога, не делайте такой вид, будто вас на кресте распяли, — снова взорвался Марек. — Она вам говорит «незачем», а вы на это: «дам тебе фонарик». Вы последний, кто видел ее живой. Как вы расстались, Адамек? По-хорошему или поссорились?

В этот момент Абсолон с натугой сглотнул, прошелся ладонью по массивной нижней губе и прохрипел:

— Так отчего же вы ей этот фонарик не дали?

— Она не взяла. Если бы...

— Что «если бы»? — выпалил Марек.

— Если бы я знал, что ее убьют...

— Ну, допустим, — сказал Марек. — Допустим, что вы расстались так, как вы рассказываете. Аничка сказала: «Не ходи за мной, незачем», а вы в ответ: «Возьми хотя бы фонарик». Она: «Ну его, и впотьмах доберусь, не впервой, к чему мне фонарик...» Так, что ли?

— Ага.

Марек вздохнул.

— Потом она отошла и скрылась во тьме. Да?

Адамек сказал «да», Абсолон тяжело вздохнул — с каким-то даже присвистом.

— У кинотеатра горел свет, — продолжал Марек. — Вы еще минуту-другую смотрели, как искрится дождь на свету, как расходятся люди. Потом и вы пошли домой. Вы спите на кухне. Отец был еще в пивной, мать уже спала, на кухне играло радио, которое мать позабыла выключить. Как вы говорите, передавали какую-то музыку. Она вам не понравилась, вы выключили радио и легли спать. Сколько времени было точно — вы не знаете, но больше пятнадцати—двадцати минут одиннадцатого быть не могло...

— Да, все так.

Марека удивило, что Адамек прервал его.

— Предположим, что так. Теперь постарайтесь припомнить, пожалуйста, кто вас видел.

— Я никого не видел. Мне можно идти?

Марек поглядел на Абсолона, тот кивнул.

— Ну идите и обдумайте все хорошенько.

— Ладно, — ответил Адамек.

— Не кажется ли вам, шеф, что этот Адамек малость того? — Марек постучал себя по лбу, едва Адамек скрылся за дверью.

Абсолон пожал плечами.

— Или он совершенный дебил, или весьма ловко играет, — продолжал Марек. — Но эту дорогу к дому я ему не спущу. Это он пустое затеял, мы еще поговорим начистоту. В эту пору пивная битком набита. Эдак после десяти... — повторял Марек задумчиво. — Он прошел мимо пивной, пересек площадь... хм... все так... но чтобы он был убийцей?

— Думаете — нет? — спросил Абсолон.

— Думаю — нет, — откровенно признался Марек. — У меня уже есть кой-какие соображения насчет всей этой истории, но Адамек в них как-то не вписывается.

— Знаете, и мне так сдается, — сказал Абсолон к великому удивлению Марека, ожидавшего, что Абсолон поинтересуется его «соображениями» или по крайней мере пропесочит его.

— Вы помните Каменца, Марек?

— Еще бы.

— Вот видите. Такой милый старикашка из сказки. Голосок как звоночек: «спасибо», «пожалуйста». А убийца, да еще дважды. На такую удочку, Марек, не попадайтесь.

— Ну, я не из тех, кто мог бы на такое попасться, — взорвался Марек. — Я так его прижму, что он не отвертится, — пообещал лейтенант. — Что-то он скрывает от нас, не нравятся мне его речи. Но из этого парня не так-то просто выудить правду.

— Что-нибудь да придумаем, — сказал Абсолон. — Нам надо знать об Аничке как можно больше, может, именно тут-то собака и зарыта. У меня тоже пока только ощущения, но одно из них мне подсказывает, что Анна Кралова была существом не простым. Поинтересуемся среди студентов, поговорим с людьми, поглядим, что даст экспертиза... Я пойду выпью рюмочку, потом немного пройдусь вдоль каньона.

— Что делать с Адамеком?

— А вы как полагаете?

Марек пожал плечами.

— Лишь бы потом нам ни в чем себя не винить. Прокурор...

— Ну, пора, — решил Абсолон.

— А я здесь поразведаю, — сказал Марек.

— Добро.

Абсолон задержался у секретаря МНК[4] и в долину отправился только под вечер. По реке тихо плыли ржавые листья в кроваво-грязных прожилках. От черной водной глади тянуло холодом. Он зябко кутался в куртку зеленоватой юфти с большими костяными пуговицами и не спеша шагал вдоль берега по тропинке, вытоптанной рыбаками. Студеное дыхание осенней реки пронизывало его насквозь.

Опавшая листва шуршала под ногами, следователь остановился, потер ладони. Где-то перед ним ежились неказистые строения «Романса», но видны они не были. Река сворачивала мягким изломом, и именно в этом изломе серо-зеленым пятном вырисовывался облезлый железный фургон, который кто-то привез сюда и поставил на плоские камни.

Абсолон подошел к фургону и прочел на двери:

Вход запрещен
Имущество ВЧ 6130

Он отшвырнул окурок и взялся за ручку двери. Фургон был открыт, дверь на тяжелых железных петлях заскрипела. Следователь посветил фонариком, внимательно оглядел дощатые нары, походную печку, обломки ящика, открыл печку, заглянул под нары. Поднял несколько окурков, тюбик из-под губной помады, три старых автобусных билета и записку на газетном огрызке: «Алена, приду в полседьмого, жди!» Потом списал еще номер воинской части, которой принадлежал фургон. Уже почти совсем стемнело, и над долиной заблестел медный месяц.

Абсолон поднял воротник куртки, сунул руки в карманы. Он пересек лужайку и пошел по дороге. Приближаясь к «Романсу», отчетливо расслышал грубый, вовсе не женский голос жены управляющего.

Волейбольная площадка тонула в половодье света. «Как неожиданно светло, — подумал Абсолон. — Точно в храмовый праздник...»

Абсолон обогнул строения, прошел по мосткам и остановился у ручья, который создавал естественную границу между пансионатом и срубовым домом, принадлежавшим, по словам Жампаха, доктору Янчику, врачу факультетской клиники в городе.

Сейчас ставни дома были открыты, через пестрые занавески проникал слабый, желтоватый свет, попахивало дымом.

Абсолон потянулся за сигаретой, но в эту минуту что-то щелкнуло и в лицо следователю ударил луч слепящего света.

— Это вы? — разочарованно сказал Жампах.

— Потушите.

Тень Жампаха отделилась от дома.

— Извините. Знаете... прежде эту долину называли долиной тишины, теперь это долина страха.

Следователь закурил, и Жампах продолжал:

— Убийца мог приплыть и на лодке, что вы скажете? Я думал об этом. Все-таки не такой уж он идиот, этот человек, чтобы не понимать, что есть такая вещь, как улики. Грязь, следы и все прочее. На лодке приплыл, на лодке и отплыл. Тут у каждого байдарка или яхта. Мне все время кажется, что ночью я слышал...

— Вам уже лучше? — спросил Абсолон.

— Лучше мне уже никогда не будет, — ответил Жампах. — Того, что я навидался, с меня довольно. Инвентаризация, и дело с концом — здесь меня ничто не удержит. Я уже заявил об этом.

— Кстати, вы говорите, что доктор Янчик не был на даче, а он утверждает обратное, — сказал Абсолон Жампаху.

— Ну, тут уж извините, — возразил тот. — Я только говорю, что в его доме были закрыты ставни — за это ручаюсь головой. Вечером я ремонтировал «дарлинк»...

— Что вы ремонтировали?

— «Дарлинк»... автоматическую водонапорную башню. Я бы удивился, если бы узнал, что пан Янчик был тогда дома — ведь если человек дома, он всегда открывает ставни, не так ли? Да и потом я бы услышал, как он подъезжает. Его колымага за километр слышна — ржавая выхлопная труба...

— Вы спали, как убитый, — заметил Абсолон.

— Я и во сне слышу. А весла я определенно слышал. Кто это был, — уж дело другое, но я знаю.

— Янчик ничего не слыхал.

— Если его не было в доме, что ж он мог слышать?

— Да был он, пан Жампах, — сказал следователь. — Он приехал в двадцать минут первого ночи, это он знает точно, потому что качнул маятник

---

[4] Местный национальный комитет.

и заметил, что часы показывают двенадцать. Он еще подумал: вот здорово, надо только передвинуть большую стрелку с двенадцати на четыре, и будет полный порядок.

— Он что, на ночь заводит часы? — удивился Жампах. — Я их всегда останавливаю.

— Вы думаете, что все вокруг врут и воруют, пан Жампах, не так ли? Но кое-кто все же честен и говорит правду, а? Ведь вам же я верю, что в ту ночь вы спали и все было именно так, как вы говорите, — заметил следователь.

— Да, это факт, — согласился управляющий. — Где-то я читал, что люди делятся не на виновных и невиновных, а лишь на пойманных и непойманных преступников. С Адамеком-то вы уже беседовали?

На этот вопрос Абсолон не ответил, а спросил сам:

— А тот фургон внизу давно здесь стоит?

Управляющий объяснил, что фургон привезли солдаты два года назад. Арендовали здесь кусок лужайки под палаточный лагерь, положили деревянные настилы, разбили палатки, только... обещали кооперативу помочь убрать сено, но обещания не выполнили, и кооператив отказал им в аренде. Вот и остался этот фургон, кто-то сломал замок и теперь это такая «меблирашка», где может переспать кто угодно. Тяжелый случай...

Возвратившись в Красную Горку, Абсолон нашел Марека, как они и условились, в небольшой забегаловке. Марек разговаривал с секретарем МНК, усталые глаза которого выражали сочувствие и понимание. Впрочем, такие же глаза были у всех, кто сидел в погребке, по которому Абсолон прошел, как проходит по сцене главный герой античной трагедии. Едва он вошел в забегаловку, на секунду-другую установилась такая тишина, что было слышно шипение пены в пивных кружках.

Майор вспомнил, что пять лет назад он руководил группой следователей, которая вела дело об убийстве молодой девушки, случившемся близ деревни Яворовой после танцев. Преступник был пойман в три дня. Попойка, изнасилование, убийство... Достаточно было дождаться результатов экспертизы, и улики превратились в неопровержимые доказательства. Однако теперь, после всего, что стало известно, в голове у Абсолона была сплошная путаница. Отсутствовало самое главное — мотив. Ведь если речь не шла о сексуальном убийстве, то кто же тогда мог быть заинтересован в смерти Анны Краловой? Очевидно, те, кто был заинтересован в покупке хутора — только найдется ли среди них человек, который ради зыбкой надежды приобрести хутор пойдет на убийство? Это майору казалось почти невероятным, но даже такую версию он не исключал.

— Я звонил в больницу, — сообщил Марек. — Пани Краловой очень скверно.

— Мы обо всем позаботились, — сказал секретарь МНК. — Птицу отвезли в кооператив, дом опечатали, ключи в МНК. Если что понадобится — скажите. Рады помочь. И вот еще что... Хотел вас спросить насчет цыган.

— Каких цыган?

Секретарь объяснил, что в Красной Горке временно размещено несколько цыганских семейств, работающих на сборе бурелома в государственном лесничестве.

— Среди них было уже несколько драк, доходило и до поножовщины, — сообщил секретарь.— А ведь знаете, как бывает...

Сообщение секретаря было для следователей новостью.

— У вас есть точный список этих людей? — спросил Марек.

— Конечно. Список в МНК у лесничего, — ответил секретарь. — Только к ним вечно кто-то приходит, остается на несколько дней — разве тут уследишь?

— Что-нибудь пропадало? — спросил Марек.

— Нет, упаси боже, — ответил секретарь. — Это настоящие работяги, каждый вам скажет. Только я к тому, что и у нас разные люди живут, всякое могут подумать...

Марек понял, что имел в виду секретарь, но прежде чем он успел вставить слово, отозвался Абсолон:

— Соберите людей, поговорите с ними — пусть не теряют разума и не боятся каких-то там маньяков-убийц...

—Именно этого они и боятся...

— Ну и бог с ними, — продолжал Абсолон, — только пусть не строят из себя судей. Так и объясните им, а понадобится — сам им объясню. Завтра приедем чуть свет и останемся здесь на некоторое время. У вас найдутся какие-нибудь комнатушки?

— Конечно — все устроим как нельзя лучше. Мы рады помочь вам, — повторил секретарь.

— Значит, договорились, — сказал Абсолон.

И уже минуту спустя из Красной Горки выехал автомобиль, весь в сверкающих дождевых каплях.

— Так с чего начнем? — спросил Марек. — С кинотеатра?

— Возможно. С кинотеатра, с дачевладельцев, с бригадников...

— Это я возьму на себя, — предложил Марек.

Обещание свое он выполнил, но расследование ничего нового не дало. У бригадников было алиби, более того, допрос вызвал среди них такой взрыв негодования, что они все до единого решили сменить место работы и бросили лесничество и бурелом на произвол судьбы.

Гибель Анны Краловой по-прежнему была окутана тайной.

III

На деревенском пустыре, который красногорские обитатели гордо называют «площадью», стоит псевдобарочный, содержащийся в образцовом порядке костел, возведенный в честь девы Марии Снежной.

Примерно за полгода до смерти Анны Краловой его отделали новой, слегка желтоватой штукатуркой, кровлю покрыли красной глазурованной черепицей. Прибыли даже позолотчики, чтобы украсить крест на округлой охристой башенке.

На рождество приезжает в Красную Горку любительский симфонический оркестр с хором, чтобы исполнить Чешскую рождественскую мессу Яна Якуба Рыбы[5]. Торжество это исключительное, и стекается на него народ со всей округи.

Костел в форме латинской буквы U стоит на развилке дорог, одна ведет в областной город, другая пересекает по мосту реку, связывая Красную Горку с ближними селами. Добавим еще, что органистом в костеле девы Марии Снежной служит, как ни странно, безбожник, заведующий писчебумажным магазином, тридцатилетний Оскар Кубелка, мужчина с запавшими, изрытыми оспой щеками, поэт на случай и грамотей, который никогда не преминет напомнить, что он незаконный сын некоего графа и что, стало быть, в его жилах течет голубая кровь.

Тот факт, что за клавишами превосходного орга-

---

[5] Чешский композитор эпохи Моцарта.

на сидит неверующий, выводящий надтреснутым голосом Gloria, вызвал целый поток жалоб в костельный комитет. За всем этим стояла Жампахова, жена управляющего хозяйством «Романса», женщина в этом отношении до болезненности чуткая. Правда, местному духовному пастырю, державшемуся весьма либеральных позиций, нередко удавалось и охладить горячие головы.

И все-таки жалобщицы не унимались. Жампахова даже заявила: «Покуда этот иуда будет восседать за органом и осквернять костел, мы не перестанем жаловаться и дойдем хоть до самого епископа...»

И ведь в Красной Горке есть кому заменить Оскара Кубелку. Это 80-летний директор школы, ушедший на пенсию. Но хоть он и верующий, его способности не идут ни в какое сравнение с искусством органиста Кубелки. Конечно, Оскар Кубелка — человек не лучшей репутации, зато характер у него твердый.

Узнав, как его величает Жампахова, он сказал:

— Пусть эта богомолка идет ко всем чертям. Я делаю это искусства ради, иначе давно бы уж на все наплевал.

Что же касается упомянутого духовного пастыря, мужчины лет шестидесяти, но все еще моложавого на вид, большого любителя красного вина, фазанов на шпике и отборных кубинских сигар, то он оказал немалое влияние и на судьбу единственного отпрыска Жампахов, который после двух семестров изучения философии решил стать священником и поступить на богословский факультет в Литомержицах. Недаром шел слух по деревне, что святой отец о нем «позаботился». Мечта жизни Жампаховой исполнилась, а муж не только пожимал плечами:

— Что ж, — говорил он, — пусть делает, что хочет, небось не маленький. Хотя, конечно...

За этим «хотя» скрывалось отношение Жампаха к священникам, которые, по его мнению, «только жрут, пьют да с народа по три шкуры дерут». Но, упаси боже, ничего подобного Жампах вслух никогда не решился бы высказать. Он мужественно переносил все невзгоды, какие подносила ему жизнь рядом с исступленно верующей католичкой. Бывало, что и он не выдерживал ее упреков и начинал бубнить под нос какую-либо молитву, лишь бы только отделаться от жены и безраздельно заниматься досками, олифой, лаками и скипидаром.

Когда руководство пионерской организации, которой принадлежал пансионат, доверило попечению Жампаха маленький трактор, счастливей человека, наверно, трудно было сыскать в Красной Горке. Он то и дело убегал к нему, протирал, смазывал, разбирал, ремонтировал, и все это с таким усердием, в котором было уже что-то неестественное.

— Такого дурака свет не видывал, — говорили в пивной о Жампахе. — Он и свою получку готов просадить на этот «Романс».

Управляющего, однако, эти разговоры ничуть не трогали. Он был счастлив, а если кто по-настоящему счастлив, то едва ли беспокоится о том, что судачат о нем люди.

Когда Жампахов Иржик был еще ребенком, родители опасались, что потеряют его. И верно, отпрыск прошел через все хвори, был всегда хилым, страдал частыми головными болями и какими-то приливами. Но судьбе было угодно, чтобы Иржик «выкрутился». Он вырос здоровым, может, только чуть робким мальчиком, не по возрасту развитым и вдумчивым. Мать свято верила, что именно она вымолила ребенку жизнь.

— Я всегда его воспитывала в уважении к ближнему, — распространялась она, поблескивая глазами. — Внушала ему: Иржик, не поддавайся искушению. Эта жизнь — лишь ступень к жизни вечной, истинной. Боже милостивый, ведь он еще мальчонкой читал Библию, знал Евангелие. А когда я впервые была с ним на Гостыне[6], он вот что сказал мне на погосте, где похоронены странники: «Матушка, уж как, верно, господь любил их, коли взял их к себе именно здесь...»

Солнце, висевшее над Красной Горкой невероятно жгло. Воздух дрожал. Собаки, вывалив розовые языки, изнывали у ворот. Анна шагала по «площади», с реки возвращался священник, в одной руке держал длинное бамбуковое удилище, в другой — мережу, в которой серебрилась рыба.

— Добрый день, — поздоровалась Анна.

Он охватил глазами эту стройную, хрупкую фигурку и сказал:

— Наслаждаешься каникулами?

— Ага, — ответила Аничка. — Ну и рыбы наловили!

— Это форель, — объяснил ей священник. — Бывает за полчаса наловишь штук двадцать, а уж ежели ей не захочется, взывай хоть к самому святому Петру, и тот не поможет. Тебе бы тоже не мешало порыбачить — развивает наблюдательность...

— Ох, неважная из меня рыбачка, скажу я вам, — рассмеялась Анна, размахивая спортивной сумкой. — Я бы рыбу ни за что в руки не взяла.

— Тебе так кажется. Погляди-ка на пани Срнцову, — ласково сказал священник.

---

[6] Гора, место паломничества в Чехии.

— Ну, она дело другое, — ответила Анна, беззаботно озираясь по сторонам. — А я уж больно чувствительная. Комара убью и то чуть не реву потом от жалости.

Она заметила, как из магазина высунулся органист Кубелка и внимательно оглядел ее. Потом запер магазин и как был — в белом, щеголеватом халате выше колен — направился к погребку.

— Пан Кубелка, — крикнула Анна. — Вы уже закрываете? Мне бы почтовой бумаги.

— Розовой? — спросил Кубелка.

— Еще чего. Нормальной. С богом, — сказала она священнику и побежала к Кубелке, который, возвратившись к магазину, звенел связкой ключей.

— Вы очень любезны. Но неужто так поздно?

— Сегодня в виде исключения я закрываю в пять, — заявил Кубелка и облизал сухие, тонкие губы. Его беспокойный взгляд на мгновение остановился на Аничкиной блузке. «Девица в самом соку, — мелькнула мысль. — Готов побиться об заклад, что на ней нет лифчика».

Кубелка был известен в Красной Горке не только своим искусством органиста, но и пылким отношением к девушкам, особенно к самым молоденьким. Из-за этого он уже не раз попадал в переплет. Сам он своих склонностей никоим образом не скрывал, только иногда оправдывался:

— Не могу же я просить у каждой девахи паспорт. На лбу небось не написано, сколько ей стукнуло, а есть вообще такие, что быстро старятся. Мне вот тридцать, а поглядите, на что я похож...

Он жил на квартире у Кратены, и перед этим маленьким деревенским домиком с мансардой часто останавливалось такси с гостьей. Хозяин дома против этого не возражал, но бывало в порыве откровенности говорил своему квартиранту:

— Удивляюсь тебе, Оскар, ведь ты на баб на этих последнюю копейку просаживаешь...

— Вот эти конверты очень тонко надушены, — сказал Кубелка. — Принюхайтесь, Аничка, — это напоминает аромат интимспрея [7].

— Все-то вы знаете, — улыбнулась Анна.

Она выбрала бумагу и конверты с золотым ободком — именно те, которые, как говорил Кубелка, нежно пахли интимспреем.

— Мне бы еще самописку. Только подешевле, я все равно потеряю.

— Точно как я, — заметил Кубелка. — Я тоже все теряю, особенно зажигалки и ручки. Поэтому пользуюсь спичками и пишу ручкой за три кроны. Вот такой. Хотите?

— Вам, как аристократу, надо бы писать золотым пером, — сказала Анна и взяла ручку. — Сколько с меня?

Кубелка подсчитал.

— А вы недешево торгуете. Бумага в два раза дороже симописки. Здорово же вы меня обсчитали, бог вас за это накажет.

— Ну, это уж непременно, — хохотнул Кубелка. — Я дам вам все хоть задаром, ну или в долг. И деньги даже приносить мне не надо, сам за ними приду. Запросто, только с одним условием.

— С каким же? — спросила Анна.

— Чтоб матери не было дома, — спокойно сказал органист и небрежно сгреб деньги в ящик. Его развязность покоробила Анну.

— А что, у вас есть время еще к кому-то ходить? — спросила она. — Я думала, вы и так не знаете куда заскочить раньше?

— С тех пор, как я в этой богоугодной дыре, — сказал он, оставаясь невозмутимым, — обо мне говорят столько, что пора бы начать писать роман. Но я не знал, что среди этих людей и вы, Анна.

Кубелка запер магазин, проверил дверную щеколду и сказал, оборачиваясь к Анне:

— Ну, всего хорошего и кланяйтесь маме. Надеюсь, что когда вы влюбитесь, вы измените свое мнение обо мне.

Тут пришел послеобеденный автобус. Отслужившее свой век «транспортное устройство» протарахтело до «площади», оставляя за собой пронизанные солнцем клубы пыли и взвихренного мелкого песка.

— Почему это я должна влюбиться? — возмутилась Анна.

— А почему бы и нет? Любовь все же одно из редких чувств, которые облагораживают человека, — безучастно ответил Кубелка. — Взгляните-ка, кто пожаловал, — добавил он с живостью, прикрывая от пыли глаза. — Вот это да! Удивительное дело.

Слова Кубелки относились к молодому Жампаху, который вышел из автобуса с крохотным фибровым чемоданчиком в руке.

— И поглядите-ка, в чем их отпускают домой. Джинсы, водолазка — я бы им задал по первое число. Отпускал бы разве что в сутане. Но этому малому явно что-то взбрело в голову. Готов поклясться, что он переоделся где-то в сортире...

Молодого Жампаха Анна почти что не знала — он редко появлялся у родителей. Но циничные замечания Кубелки вывели ее из себя.

— А вы бы хотели, чтоб он мешок на себя напялил, — взорвалась она. — Кто верит, кто нет — в конце концов это личное дело.

Молодой Жампах остановился на мостках и ог-

[7] Средство от пота.

ляделся. Видно было, как он прикуривает сигарету — спичка дугой полетела под мостки.

— Вы правы, — ответил Кубелка. — Впрочем, как я погляжу, не очень-то похоже, что он задумывается о загробной жизни. Пожалуй, скорей размышляет, не свернуть ли в кабак.

И в самом деле, семинарист, словно повинуясь словам Кубелки, повернулся и неторопливой, небрежной походкой стал возвращаться. Однако в пивную он не пошел, а минутой спустя за ним захлопнулись широкие, деревенские ворота фары[8].

— Один черт, — рассудил Кубелка. — Нажарят себе рыбы, вытащат из погреба жбан с холодным вином. Вот и будет настоящая духовная пища.

— Вы в чужом глазу соринку видите, а в своем... — накинулась Анна на Кубелку. — Лучше бы на себя поглядели... Зачем вы на органе играете, если в костеле и слышать не может? Мне-то все равно, я туда не хожу, а вы, знай, надо всем потешаетесь...

— Вы опять взъелись на меня, Анна. Что я такого плохого сказал? Ну, зальют малость за галстук, я от души им желаю. То, что я делаю открыто, другие богобоязненные обитатели сей замечательной деревушки предпочитают делать тайно. Но и это понятно. Общество надо охранять от дурного влияния.

— Бог мой, — сказала Анна. — Если вам у нас не нравится...

— Напротив, мне здесь очень нравится, — прервал ее с улыбкой Кубелка. — Вы меня обижаете, Анна, и обижаете Красную Горку. Ведь это чудесный уголок и, наверно, нигде нет таких тихих рассветов и такого близкого неба. Да вы и сами это знаете лучше меня. У вас на хуторе это куда заметнее, особенно когда взойдет месяц — можно просто к нему дотянуться. Если будете когда продавать дом, я заявлюсь первым.

— Этого не будет, — сказала Анна.

— Чего не будет? — спросил Кубелка.

Анна заметила, что Кубелка подмигивает какому-то человеку у погребка, точно говоря: «Одну минутку, я уже бегу, только вот отделаюсь от этой болтливой девчонки». Это ее обидело.

— Дом никогда продаваться не будет, — неприязненно отчеканила Анна.

— Ни о чем нельзя говорить с такой непоколебимой уверенностью, — сказал небрежно Кубелка и зевнул, прикрыв рот ладонью. — А что, если ваша матушка выйдет замуж и ее будущий супруг не захочет жить на этом, по его понятиям, торчке? Вы что, останетесь на хуторе одна?

— Запросто

— Вот как. А я ждал, что вы ответите: мама никогда не выйдет замуж, а, оказывается, вы уже смиряетесь с этим. И правильно делаете — почему бы и нет? Ведь и у нее есть право на счастье...

— Все-то вы знаете, даже мысли чужие читаете, — растерянно сказала Анна.

— Я ничего не знаю. Но мне нравится, что вы смотрите на мир реально. Простите меня, но это слово кажется мне подходящим. Вы, верно, свое счастье будете искать очень долго, но если однажды найдете — уже не упустите. Это превосходное качество. Ну, всего вам хорошего и как-нибудь еще загляните в мою лавку.

Анна не ответила. Она проводила взглядом Кубелку, который весьма нелюбезно оставил ее посреди улицы и, засунув руку в карман халата, зашагал к погребку.

Всю дорогу к дому Анна злилась на себя: «Тоже вздумала лясы точить с ним. Ноги моей в этом магазине не будет. Дура дурой...»

Она остановилась у источника, в нескольких шагах от хутора. Так торопилась, а вот почти у дома раздумала возвращаться. Со времени той злополучной ссоры с матерью между ними как бы выросла незримая стена: обе чувствовали это, но ни одна не шла на попятную.

Анна взяла с камня, нависшего над родничком, стаканчик. Ледяная, голубоватая вода струилась прямо из расщелины скалы. Она напилась — даже свело зубы. В котловине стоял извечный сырой туман. Она выбралась из котловины и уселась на вывернутый ствол, лежавший прямо над крутизной.

«Выйдет мама замуж, а что потом?» — вертелись в голове слова Кубелки. И впрямь, почему она не ответила: «Мама никогда не выйдет замуж!» Не будь этой ссоры, она так бы и ответила.

«Господи, какие глупости, — думала она, сидя на стволе, как человек, потерпевший кораблекрушение. — Что, собственно, приключилось? Завтра, не то послезавтра мы помиримся, и опять все будет по-старому. Надо быть реалисткой...» Это слово ей нравилось, оно выражало ее характер.

«А что, если бы в маму влюбился человек вроде Кубелки, — размышляла она. — Наверное, я бы с ним вечно ссорилась. И все-таки ужилась бы под одной крышей. Он притворяется, языком мелет, а на самом же деле — просто несчастливый человек. Может, и меня бросил посреди улицы нарочно, ведь он человек воспитанный...»

С башни костела девы Марии Снежной над Красной Горкой поплыл колокольный звон,

IV

О Срнцовой Марек высказался так: «Встретишь такую бабу в лесу, сразу кинешь ей кошелек и припустишься наутек».

Встрече Марека с Срнцовой предшествовала долгая, кропотливая работа по установлению алиби десятка людей, которые, по словам Абсолона, «хоть как-то могли приниматься в расчет». Экспертиза не принесла следователям ничего особо нового. Она только лишний раз подтвердила, что убийство совершено не на сексуальной почве и не из боязни возможных последствий. На оба вопроса заключение института судебной медицины ответило коротко и четко — нет. Ничего не дали и точные фотографии, отснятые на месте нахождения трупа. Правда, доподлинно стало известно одно обстоятельство, о котором до поры до времени следователи решили умолчать. Анна Кралова была убита не на том месте, где ее нашел управляющий Жампах. На микропористых подошвах туфель убитой налипли комочки ржавого перегноя, хвои и мелкого щебня. Никаких следов песка на них не было. На то место, где она была найдена, девушку кто-то принес и прикрыл толем.

Срнцова была женщиной крупной, с копной рыжих волос. В ярко накрашенных губах вечно торчала крепкая кубинская сигарета.

Срнцова круглый год жила на даче. Когда приходила охота, она работала в лесу, но чаще всего возилась с курами и кроликами, которым устроила закуток из обструганных жердей, или же подолгу просиживала с удочкой, а ее верная подружка, престарелая овчарка Зузка, посапывала рядом.

Несколько скороспелое суждение Марека основывалось на впечатлении, которое произвел на него наряд этой чудаковатой женщины. Юфтевая куртка, на голове черная широкополая шляпа, какие носили красногорковские возницы, — надо ли еще удивляться, что такая женщина пришлась Мареку не

---

[8] Дом священника.

по нутру. К тому же, когда Марек впервые вошел в ее дом, при этом забыв постучать, от печки мгновенно взметнулась и будто черная пружина прыгнула ему на грудь преданная Зуза. Это было так неожиданно, что следователь успел только прикрыть рукой глаза. Срнцова крикнула: «Зуза!», но было уже поздно — от рукава новехонькой замшевой куртки остались одни клочья. И прежде чем Марек опомнился, Срнцова его изрядно отчитала, не преминув при этом похвалить Зузку за верную службу.

Марек, сжав зубы, вынул удостоверение.

— Ну и что с того? — ледяным тоном спросила Срнцова.

Эта встреча для Марека была неприятной и унизительной, хотя в том, что он не постучал, не было ни злого умысла, ни следа от «наглого поведения пижона из угрозыска, считающего, что ему все дозволено, а остальные люди — нули без палочки», как выразилась Срнцова. Но тем не менее этот эпизод послужил причиной тому, что между Мареком и Срнцовой установилась вежливая, почти что дипломатическая форма беседы.

— Едва завижу этого парня, сразу настроение портится, — сказала Срнцова Кубелке, который иногда заходил к ней на чашку кофе.

А Марек своим чередом заявил шефу:

— Хоть на край света пойду, вы же меня знаете, но к этой бабе меня больше не посылайте...

Вот отчего Абсолон отправился к Срнцовой сам.

— Шел мимо, — как бы оправдываясь, сказал он и погладил Зузу, которая хоть и настороженно ворчала, но позволила коснуться себя. — Надеюсь, не задержу вас.

— Порядочные люди никогда меня не задерживают, — выжидательно проговорила Срнцова.

Они перебросились двумя-тремя незначительными фразами. Срнцова предложила следователю кофе, а когда заметила, что он поглядывает на низкий потолок комнатушки, со вкусом обставленной самой необходимой мебелью, вздохнула:

— Трескается вот.

— Ну, обшейте его, — посоветовал Абсолон.

— Думаете, поможет? Ведь мастера сейчас — грех сказать, один другого хуже. Как-то был тут жестянщик. Две недели ждала, — разговорилась Срнцова, поставив перед майором чашку кофе. — Угощайтесь... Так вот, когда наконец он пожаловал, ромом от него несло за версту. Гляжу я на него и думаю: ежели ты, голубчик, с крыши сверзишься, кто ж тебе больничный оплатит. Так-то, говорю, папаша, вот вам пять крон на пиво и отчаливайте подобру-поздорову...

Абсолон предложил Срнцовой сигарету.

— Анну вы хорошо знали, пани Срнцова, — приступил он к делу. — Что вы обо всем этом думаете?

— Трудно сказать. Это ужасно... в голове не укладывается. Я до сих пор не могу поверить. Я хоть и не робкого десятка, но, по правде говоря, с тех пор не спала спокойно. Верно, знала я Аничку. Когда она, бывало, шла мимо, заходила ко мне либо просто крикнет с дороги: пани Срнцова, как там ваши кролики поживают? Веселая была девчонка, это мне в ней и нравилось. Стоило на нее поглядеть, как на душе становилось светлее. Ведь это тоже дар божий, не так ли? На иного взглянешь, и тут же настроение портится.

— Вы видели ее, когда она шла в кино? Вам ничего не показалось в ней необычным?

— Она только мелькнула перед глазами. Торопилась. Я скорей видела ее тень, — ответила Срнцова. — Ничего вообще понять не могу. Нашу «Аничку с хутора» все любили. В Красной Горке едва ли нашелся бы человек, который косо взглянул на нее. Да и почему? Рослая была, красивая, вся в мать, а характер — ну золотой. Была... господи, какой ужас... — Срнцова помолчала, закусив губу. — А имя-то какое — Кралова[9], а? Ох уж и шло ей. Занятно даже, как много значит имя для человека. Скажешь «Срнцова»[10] и уже перед вами — дикарка, лесная нечисть. Хоть тресни, а никуда от этого не денешься.

— Не делилась ли она с вами чем-нибудь? — спросил майор. — Ведь она доверяла вам.

— Я никогда с ней ни о чем таком не говорила, — пожала плечами Срнцова. — Она для меня всегда оставалась подростком. Однажды она пришла к плотине искупаться — тому уж немало лет, а я ей в шутку и говорю: «Ну, Анчи, и фигура у тебя, тебе бы в кино сниматься», а она мне: «Пани Срнцова, что с того, когда здесь пусто». И постучала себя по лбу. А училась с отличием. Ясное дело, она понимала, что нравится, это сразу было видно по ней...

— А как же вы объясните, что ее часто видели с молодым Адамеком? — поинтересовался Абсолон.

Срнцова ответила не сразу. В эти мгновения майор ясно слышал тихий гул близкой плотины, заглушенный лишь хриплым дыханием дремавшей овчарки.

— Как? Да никак. Об этом судить не берусь, потому что в этом никто не смыслит.

Она опять помолчала, потом спросила необычно глухим голосом:

Рисунки А. Блоха.

---

[9] Kral (чеш.) — король.
[10] Srnec (чеш.) — самец серны

— Я могу кое о чем спросить вас? Знаю, вы не любите этого, но все-таки...

— Конечно, спрашивайте, пани Срнцова, — подбодрил ее следователь.

— Аничку...

Следователь покачал головой:

— Нет... ничего такого... кто-то у нее уже был, но в тот день... исключено...

— Тогда я вообще ничего понять не могу, — жестко сказала Срнцова.

— И такие вещи случаются.

— Какие такие?

Следователь старался говорить как можно убедительнее. Чувствуя, что эта женщина от него что-то утаивает, он обстоятельно обдумывал каждое слово.

— А вот какие, пани Срнцова, — он говорил, будто ножом отрезал слова. — Убьет убийца с мотивом или без него, все равно это убийство. Девушка была убита. Злодейски и преднамеренно. И это неоспоримый факт. И я здесь для того, чтобы убийцу найти и предать суду.

Вместе с Зузкой Срнцова проводила следователя до самой живой изгороди, мимо которой шла дорога, пересекавшая долину. Стояла ясная лунная ночь, на небе мерцали россыпи звезд.

Срнцова зябко куталась в облезлую кроличью куртку.

— Какая луна.

— Небо как в августе, — подтвердил Абсолон.

Они помолчали. В траве скрипуче отозвался кузнечик, над рекой заметался ветер.

— С осенью пора прощаться, — сказала Срнцова вполголоса. — Как река почернеет — конец.

Абсолон погладил собаку по холодной шерсти.

— Не простужена? — спросил он. — Дышит вроде меня. Сколько ей?

Срнцова на его вопрос не ответила, погладила сучку и легонько сжала ее мокрую морду.

— Кое-что я забыла сказать вам, — проговорила она сдержанно. — Может, это ерунда, а может, вам пригодится. В ту ночь, когда это случилось, я как раз проснулась. Собственно, Зузка разбудила меня. Вы правы, она простужена, а главное, стара — уж немало лет тянет лямку со мной — и, бывает, в доме начнет задыхаться. Дышит с трудом, просится наружу. Сколько тогда было времени — не знаю, на ночь я часы останавливаю, да и без того я бы не взглянула на них, просто накинула плащ, вышла с Зузкой из дому и вдруг слышу — кто-то бежит по дороге...

— Куда? — спокойно спросил майор.

— К деревне, — сказала Срнцова. — Бежал очень быстро, только тень мелькнула мимо изгороди, но Зуза почуяла его и затявкала. Я не знаю, кто это был, видела одну только тень и слышала, как хлюпает грязь, но раз моя Зузка затявкала, значит, подумала я, это наверняка Адамеков Карлик. Должно быть, ходил с Аничкой в кино, а теперь вот несется, чтобы не вымокнуть. Вы меня поняли? Зузка поздоровалась с этим человеком.

Майор, не упустивший ни слова из рассказа Срнцовой, спросил:

— Поздоровалась? Как это понимать?

Сучка, навострив уши, не спускала с хозяйки больших, чистых глаз.

— Да вот так, — ответила Срнцова. — А ну, Зузка, поздоровайся с паном, поприветствуй товарища...

Зуза простуженно, отрывисто гавкнула.

— Слышите? Так она здоровается со знакомыми. А теперь послушайте, как моя Зузка охраняет. Зуза, внимание... охраняй, охраняй...

Срнцовой не пришлось долго уговаривать собаку. Зуза подобралась, ощетинилась, и из ее горла вырвалось грозное раскатистое ворчание.

— Ну вот и все, — смущенно заключила Срнцова.— Умей Зуза говорить, она бы сказала, кто это был. Но прошу вас,— добавила она, глядя на следователя,— мне не хотелось бы подставлять кого-нибудь под удар. Я... я бы вам вообще этого не сказала, если бы не почувствовала, что вы любите собак. Иметь дело с милицией — не по мне.

Абсолон спросил.

— А что потом?

— Потом я пошла спать, — сказала Срнцова.

— Машины вы не слыхали?

— Нет... Да хоть бы трактор проехал — не услыхала бы. Уж если усну, так усну.

— У меня тут одна пустяковинка. Я ведь тоже не сидел сложа руки, — сказал Марек своему начальнику.

— Выкладывайте, — поторопил его Абсолон. — Из вас получился бы никудышный актер, Марек.

— Знаю, — ответил Марек, прилаживая магнитофонную пленку. — Да, где-то здесь это должно быть...

«Стало быть, вы сказали, что отец был в пивной, мать уже спала и на кухне играло радио, которое она позабыла выключить...» — раздался резкий голос Марека.

— Помните это? — Марек взглянул на Абсолона, удобно расположившегося на стуле. — Я осмотрел приемник. Бакелитовый ящичек старого образца, марки «Трио». Он на полочке в кухне, рядом с окном. Слева дверь в комнату, а парень спит в кухне на кушетке. В тот вечер пани Адамкова варила повидло и при этом слушала радио.

— Ну...

— Это была станция «Звезда», «Трио» лучше всего ее ловит, — продолжал Марек. — Но вскоре музыка прекратилась, Адамкова переключила на станцию «Прага», но вдруг в приемнике что-то щелкнуло — и готово.

Марек выпил тепловатой минеральной воды, Абсолон сказал:

— Все звучит весьма правдоподобно.

— Мне тоже так кажется, — согласился Марек. — С какой стати мать уличала бы собственного сына во лжи? Но вся загвоздка в этом приемнике. Он работает, когда ему заблагорассудится, и Адамкова сделала то, что обычно делала в таких случаях — хлопнула по нему кулаком. Но когда и это не помогло, она подумала: «Ведь у меня же сын электрик» — и плюнула на радио.

— Точнее, не выключила его.

— Именно так.

— Но если этот приемник такая рухлядь, он мог до прихода Адамека взяться за ум и начать играть сам по себе, — предположил Абсолон.

— Не играть, а говорить. В том-то и заковыка, — продолжал Марек. — Нрав семейного радиоприемника молодой Адамек хорошо знал. Только случилось то, чего он не учел. «Прага» в это время передавала радиопостановку. Если уж он слышал радио, то непременно радиопостановку, а не музыку. Если мы осторожно подойдем к нему, думаю, он наконец расколется и выложит правду, — заключил Марек.

Следователи условились, что зыбкое собачье свидетельство — как они называли «показание» Зузки — они объявят главным своим козырем.

Основные здания ЕСХК[11] расположены в Красной Горке в стороне от деревни. За просторными, покрытыми листовой жестью помещениями, в которых устоялся запах скота и костной муки, размещаются ремонтные мастерские и пилорама, работающая бесперебойно, ибо кооператив постоянно расширяется и кроме своего основного назначения занимается еще и прибыльным побочным производством.

Следователи направились прямо к Адамеку, который суетился вокруг пилорамы.

— Нам надо поговорить с вами, — сказал ему Марек.

Адамек повел следователей в свою мастерскую, и у Абсолона мелькнула мысль, что они совершили ошибку, оставив парня в его привычной среде.

Они снова попросили Адамека, чтобы он постарался «вспомнить точно, как все было», начиная с четверга, со дня, предшествовавшего трагическому событию.

— Но я уже все сказал, — хмуро запротестовал Адамек. Его словно подменили. Неуверенность и растерянность бесследно исчезли.

— Это не имеет значения, — оборвал его Марек. — Приступайте.

— Я работал на «зеторе»[12], на двадцать пятом. Потом пошел домой, взял тачку и отправился накосить кроликам...

— Вы кого-то встретили,— напомнил Марек.

— Пани Кралову, я уж сказал. Встретил ее у магазина, когда возвращался. Поздоровался с ней, а она говорит: «Где ты только берешь такую траву?» За рекой, отвечаю, и еще спросил, дома ли Аничка. Или что-то в этом роде. Что, мол, делает. А она говорит: «Что ей делать, читает все»...

Адамек разговорился, следователи его не прерывали. Идет, он, значит, дальше, останавливается у кинотеатра и разглядывает картинки. Ему приходит на ум, что он мог бы через Кралову позвать Аничку в кино... Потом он кормит кроликов и бесцельно слоняется по долине. Жампаховой, которая повстречалась ему, говорит, что идет побродить в орешнике, а она отвечает: «Не болтай вздор, Карлик». Он огибает хутор, находит несколько опят, а когда наконец возвращается домой, говорит себе: «Ну и дурак, к чему собственно, вся эта возня?..» Ложится в постель, но уснуть не может, болит голова, ему кажется, что он простудился. Встает, берет порошок, запивает его чаем, дома ничего не занимает его. На другой день продолжает возиться с проводами «зетора». День как день, вечером кино и там, случайно, Анна. Расставание, возвращение, радио...

Следователи переглянулись.

Марек, огромный верзила, умевший быть грозным или по крайней мере при надобности казаться таким, поднялся, обошел стул, на котором сидел Адамек, — единственный в помещении стул, расшатанный, с дырявым плетеным сиденьем, следователи сидели на перевернутых ящиках — и прямо бросил парню в лицо:

— А не кажется вам, что этого довольно?

Подследственный заморгал и прикинулся непонимающим.

— Что это была за музыка?

— Почем я знаю... играли что-то.

— Вы уверены в этом? — осторожно спросил Марек.

Адамек пожал плечами:

— Так было.

— А вот и не было, — сказал Марек. — Не было, пан Адамек. Теперь мы вам скажем, что вы делали между десятью и одиннадцатью и что передавалось по вашему радио. Вы вообще не были дома. Вы были с Анной, Адамек. Между десятью и одиннадцатью вы убили Анну Кралову.

Адамек побледнел.

— Это не... это не правда. Я не убийца.

Марек выложил ему все, что знал о его радиоприемнике, а майор добавил:

— Пан Адамек, обдумайте хорошо все, что вы нам сейчас скажете. У нас есть свидетель, понимаете меня? Свидетель, который вас в это время видел в долине. Назвать вам его?

Адамек молчал.

— Идемте, поговорим об этом в другом месте.

Они довезли его до своего временного «кабинета» в одном из помещений МНК. Едва переступив порог, Адамек спросил:

— Воды можно?

Марек подал ему стакан минеральной воды. Адамек поднес его к посиневшим губам, но потом, почему-то раздумав, осторожно поставил на стол. Было заметно, как у него трясутся руки.

— Я скажу вам... я ее не убил... я ее нашел.

— Где вы ее нашли? — спросил Абсолон.

— У карьера. Она лежала там, и я подумал, что с ней что-то случилось. Ну камень откуда-то сорвался... Там часто падают камни. Но когда я посветил на нее фонариком, то...

— То что?

— То я понял, что она мертвая... Хотя нет, — поправился Адамек, — не то, чтобы понял. Я думал, что она жива, что с ней что-то случилось, и я тут же вспомнил о пани Жампаховой. Она вроде где-то работала, как и я... в Красном Кресте, и у нее всякие лекарства... Я, правда, ее не убивал.

Абсолон сказал:

— Так, значит вы Аничку подняли и понесли к «Романсу», вспомнив, что у пани Жампаховой всякие лекарства. Но тут вы смекнули, что дело определенно будут расследовать, и испугались, что на вас падет подозрение. И вместо того чтобы разбудить Жампахову, вы положили Аничку на землю и прикрыли толем, чтобы не мокла под дождем. Так это было?

— Но ведь она была уже мертвая, — удрученно сказал Адамек. — Холодная.

— А, может, на самом деле и это было не так, — заметил Марек.

— Я ее не убивал, это сущая правда, — ответил Адамек. — Делайте со мной, что хотите, но это было так. Мне уже все равно.

Когда он ушел, Марек спросил Абсолона:

— Вы ему верите?

— Теперь верю, — ответил майор. — Ошалел, все это шок. Вот почему он не припустился напрямик через лес. Ему надо было исчезнуть как можно скорее — это вполне понятно. Я бы от всей души влепил ему пару затрещин. Ступайте с ним к карьеру. Придется там перерывать каждый миллиметр.

— Может, лучше его за решетку, — предложил Марек. — Он определенно этого заслуживает.

Абсолон потер руки, поскреб в волосах и зевнул, почувствовав усталость.

— Если бы за решеткой сидели все, кто этого заслуживает...

Больше всего ему нужно было как следует выспаться.

Продолжение следует

---

[11] Единый сельскохозяйственный кооператив.

[12] Марка трактора чехословацкого производства.

Сергей Львов

ОТЧАЯНИЕ

«АПОКАЛИПСИС» АЛЬБРЕХТА ДЮРЕРА

Мы публикуем в сокращенном виде главу из книги Сергея Львова «Альбрехт Дюрер», которая выходит в будущем году в серии «Жизнь в искусстве» (изд-во «Искусство»).

Альбрехт ДЮРЕР (1471—1528 гг.) — одна из самых своеобразных и ярких фигур Возрождения. Он жил в смутное, тревожное время, когда на его родине нарастало то волнение, которое породило Реформацию и крестьянскую войну. Страсти этой бурной эпохи отразились в его творчестве. У каждого великого художника есть произведение, создав которое он становится великим. Для Дюрера таким произведением стали гравюры к Апокалипсису, воплотившие и дух его времени, и его собственные искания. На этой его работе ясно видно, как в сознании замечательного художника преломлялись сложные мысли и образы самой запутанной и самой трагической книги Нового завета. Причем Дюрер связал их с тревогами, страстями и надеждами, которыми жили его современники.

В ЖИЗНИ большого художника наступает однажды трудный день: все, что сделано, начинает представляться несовершенным, привычная работа перестает приносить радость, чувство тревоги поселяется в душе. Недовольство собой окрашивает все мысли. Перед умственным взором возникают две возможности: одна — терпеливо следовать прежней дорогой, другая — резко свернуть с пути медленного подъема, одолеть гору в лоб, подняться на высоту, где прежде еще не бывал никто.

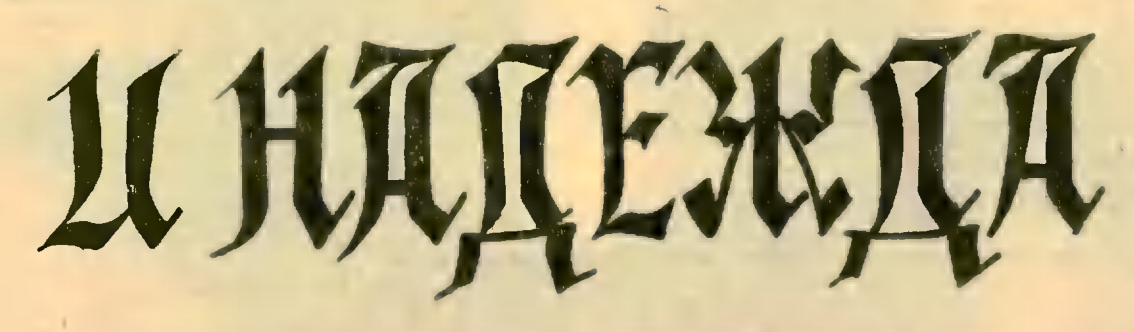
Альбрехту Дюреру, когда он задумал свой «Апокалипсис», было всего 26 лет. Отважное решение! Сама форма издания, избранная им, была необычной. Современники привыкли к религиозным книгам с гравюрами. Их покупали ради текста, не ради иллюстраций, игравших скромную роль. Были привычными и гравюры на евангельские сюжеты в отдельных листах. Дюрер же задумал нечто новое: полтора десятка больших гравированных листов с короткими цитатами на оборотах, листов, объединенных в одно целое, альбом иллюстраций, как назвали бы такое издание теперь. Во времена Дюрера для него еще не было обозначения — предшественников оно не имело.

Задуманное новшество выражало умонастроения переломной эпохи. Многие верующие в ту пору постепенно отдалялись от католической церкви. Их начинало тяготить богатое убранство их храмов, торжественное богослужение, сложный ритуал. Им хотелось предаться благочестивым размышлениям дома, в одиночестве или среди близких. Скромная черно-белая гравюра начинает говорить их сердцам больше и языком более внятным, чем скульптура и живопись алтарных изображений. Перемена эта, знаменующая приближение Реформации, ощущалась в воздухе, и Дюрер был одним из первых, кто отозвался на нее.

Замысел его был дерзким. Апокалипсис — самая темная, самая запутанная часть Нового завета. Она возникла в среде ранних христиан как яростный памфлет против императорского Рима, как манифест всех, кого Рим порабощал и истреблял. По сути, это был призыв к угнетенным претерпеть все испытания, но не терять веры в победу над злом. В последующие века, когда христианская церковь заняла господствующее положение, Апокалипсис стал источником вдохновения еретиков — на нем основывались их пророчества. О личности его автора реально ничего не известно. Да, по-видимому, единого автора у этой книги и не было. В ней объединено несколько текстов, написанных в разное время разными людьми. Такова точка зрения современной науки.

Дюрер не смотрел на автора Апокалипсиса так, как учила церковь его времени, а так, как о его жизни рассказывали жития. Легенда отождествляла Иоанна Евангелиста и Иоанна Богослова, а историю его как автора Апокалипсиса излагала так. Покинув Иерусалим, Иоанн возглавил христианские общины в Малой Азии. Когда здесь началось преследование христиан, его схватили и доставили в Рим. Император Домициан приказал бросить его в котел с кипящим маслом. Но Иоанн вышел из котла невредимым. Потрясенный император не решился назначить новую казнь. Он сослал Иоанна на остров Патмос. Здесь тому явились чудесные пророческие видения, которые он и записал в книгу, называемую Апокалипсисом, или Откровением Иоанна Богослова.

Предание об Иоанне поразило воображение Дюрера. Образ одинокого, слабого человека, наделенного могучей силой духа, постоянно занимал его. Но в таинственном авторе Апокалипсиса были и другие черты, покорившие художника. Человек этот обладал безграничной фантазией, неисчерпаемым образным даром, красочным слогом. Все, что он хотел поведать людям, он выражал языком сложных и смелых метафор, поразительных дерзких сравнений. Он обращал-

ки и краскам зримого мира и к туманным видениям мира воображаемого. В каждый образ он влагал много скрытых значений и оставлял огромный простор воображению.

Дюрер читал эти страницы, и перед ним плыли облака, пылали светильники, вспыхивали звезды, сверкал обоюдоострый меч, зеленело дерево жизни, белели одеяния праведников, расстилалось прозрачное море, в небе блистал престол, подобный драгоценным камням яспису и сардису, а радуга над ним была подобна смарагду. Загадочные шестикрылые звери: один, сходный со львом, другой — с тельцом, третий — с человеком, четвертый, подобный орлу, — окружали престол...

Многоцветный язык Апокалипсиса, восходивший к древним восточным сказаниям, волновал его своей таинственностью.

Речения многословные, туманные, тревожно загадочные объединялись тут с краткими и ясными, как народная пословица. Многократно повторялся призыв: «Имеющий ухо, да слышит!», осуждался тот, кто хочет остаться в стороне и от зла, и от блага, не говорить ни «да», ни «нет»: «Ты ни холоден, ни горяч, о если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих!»

Дюрер не хотел быть извергнутым из уст. Он был горяч. Он принялся за свой «Апокалипсис».

В новозаветной книге заключено несколько главных мыслей. Одна из них пронизывает всю ее: конец света приближается грозно и неотвратимо. Подобные представления (наука называет их эсхатологическими) в средние века распространялись как духовная эпидемия. Одна такая волна прокатилась по Европе перед концом первого тысячелетия. Земледельцы стали забрасывать поля. Горожане не строили новых домов. Люди бросали свое имущество. Все жили ожиданием страшного суда: молились, постились, совершали покаянные паломничества. Конец света не наступил. Прошло пять веков, и эти настроения снова овладели людьми. Теперь конца света ждали в 1500 году.

«Мучения Иоанна».

Все жили в тревоге и страхе. Особенно в Германии. Страна была раздроблена. Князья, светские и духовные, города, епископства, монастыри враждовали между собой. Над простым человеком было множество господ. Каждый приказывал, требовал, взыскивал. Маленький человек жил в вечном страхе. И самые мрачные его опасения постоянно сбывались. А тут еще на конец века пришлось несколько неурожайных лет и эпидемий. Поистине наступили последние времена!

Веками люди привыкли искать утешение в церкви. Но доверие к ней пошатнулось. Да и могло ли быть иначе, если во главе ее в ту пору стоял папа Александр VI из рода Борджиа, походивший не столько на наместника бога на земле, сколько на тех римских императоров, что преследовали первых христиан! Паломники, вернувшись из Рима, потрясенно рассказывали о его беспутстве и алчности, шепотом добавляли, что он — отравитель. А в монастырях чревоугодничали, бражничали, развратничали. Даже высокие стены не могли скрыть этого от мирян. Тот, кто осмеливался поднять голос против пороков духовенства, осудить церковь за отступление от христианских заповедей, кончал на костре. Воистину наступили последние времена!

Слух многих и многих оказался открытым для пророчеств о конце мира. Однако Апокалипсис вызывал такой отклик, потому что был источником не только отчаяния, но и надежды. В нем звучала вера во второе пришествие Христа, который установит на земле тысячелетнее царство правды, справедливости, благоденствия (наука называет такие верования хилиастическими). Эта проповедь впервые прозвучала, когда рушил-

[redacted] рабовладельческий строй. На рубеже XV и XVI веков [redacted] вновь привлекла души людей.

Апокалипсис — [redacted] отчаяния [redacted] упования. [redacted] ней то сгущается чернейшая тьма, то загорается ярчайший свет. Ток неистового трагического напряжения течет между [redacted] полюсами. Она захватила Дюрера мощностью контрастов, величием образов, загадочной сложностью символов. Он прочитал [redacted] как книгу [redacted] [redacted] трудном [redacted] бурном времени.

Пятнадцать гравюр большого формата были созданы [redacted] несколько месяцев [redacted] 1497—1498 годах. [redacted] [redacted] гравюрах запечатлено не только огромное трагическое содержание, но [redacted] мучительное борение художника [redacted] [redacted] совершенство, его простодушие [redacted] [redacted] мудрость, его связь с прошлым [redacted] порыв в будущее. [redacted] них есть все, что свойственно великим созданиям переломных эпох. Дюрер воздвиг [redacted] листах своего «Апокалипсиса» каменные города, привел [redacted] них толпы людей, [redacted] течь реки, шуметь леса, шелестеть травы, корабли [redacted]чаться на волнах, лебедей медленно скользить [redacted] воде. А [redacted] небесах над этим прекрасным миром [redacted] поместил видения, загадочные [redacted] грозные, то остающиеся [redacted] горних высотах, то надвигающиеся [redacted] землю.

«Апокалипсис» Дюрера принадлежит к произведе[redacted] искусства, которые не открывают своей сущности с первого взгляда. В эти гравюры надо долго вглядываться, вдумываться. Их язык надо постигать. При этом надо помнить, насколько по-иному, [redacted] мы, воспринимали эти листы современники художника. Для них они были не только созданием искусства, но и прежде [redacted] зримым воплощением пророчеств, [redacted] которые [redacted] непреложно верили. [redacted] еще: таинственный язык аллегорий Откровения Иоанна Богослова был растолкован [redacted] в проповедях [redacted] [redacted] ранее виденных иных изображениях на апокалипсические сюжеты. Сегодня же [redacted] необходим комментарий.

Много [redacted] отдал Дюрер гравюре «Мучения Иоанна». [redacted] самом тексте Апокалипсиса этого события нет. Чтобы создать этот лист, художник обратился [redacted] житийной легенде. Он резко противопоставил два человеческих образа. Домициан, повелевший пытать Иоанна, восседает [redacted] резном троне. На императоре длинный плащ, подбитый горностаем, с [redacted] свисают золотые цепи, на груди драгоценный камень, [redacted] руке скипетр. Домициан огромен и недвижно-важен. Глаза [redacted] устремлены на обнаженного Иоанна. Нагота Иоанна — [redacted] нагота была в [redacted] времена символом нестяжательной [redacted] праведной жизни — особенно трогает рядом с варварски пышным нарядом императора. Под котлом, в который ввергнут Иоанн, пылает огонь. Палач льет ему [redacted] спину кипящее масло. Лицо Иоанна печально, но не искажено мукой. Он не просит пощады, не заме[redacted] никого. Сосредоточенно молится.

Дюрер следует традиционным изображениям мучеников, но [redacted] повествование привносит необычайную конкретность. Вот таким был котел. Вот так под него подкладывали дрова. Вот так щегольски разряженный палач, отложив [redacted] в сторону, кузнечными [redacted] раздувал огонь. [redacted] другой палач — у него помятое порочное лицо — [redacted] [redacted] взглянуть [redacted] того, кого пытает.

Самое удивительное в гравюре — толпа. Вот женщина тянет [redacted] — только бы ничего на упустить! Мужчина, которого она оттолкнула, сердито обернулся. Старик с изможденным лицом сострадательно смотрит [redacted] Иоанна. Его сосед что-то назидательно говорит, наверное: «Сам виноват!» Между [redacted] головами выглядывает еще одно лицо: застывшая маска скорби. Рядом — тучный горожанин с брюзгливо-равнодушной физиономией. Чуть дальше — воин [redacted] хищным профилем оттесняет [redacted] сторону человека, взгляд которого ошеломляюще выразителен. Он всматривается [redacted] императора: [redacted] [redacted] глазах ужас и гнев Человек [redacted] шляпе, надвинутой [redacted] лоб, вслушивается [redacted] то, что говорят в толпе. Это соглядатай.

Нужно часто бывать [redacted] людских сборищах, зорко вглядываться [redacted] людей, запоминать [redacted] жесты, выражение глаз, догадываться, [redacted] [redacted] они думают, что чувствуют, чтобы так показать [redacted] многообразие толпы, все чувства, владеющие ею, — жадное любопытство, страх, скорбь, равнодушие, сочувствие, подспудно зреющий гнев.

На переднем плане человек в дорожном плаще. Поза его независима. Он подчеркнуто отодвинулся [redacted] сторону от трона. Взгляд устремлен на того, кого истязают. Человек этот, едва скрывая потрясение, заставляет себя всматриваться в то, что происходит. Он стоит недалеко [redacted] императора [redacted] [redacted] свиты, но он чужой им. Он [redacted] одет не так, [redacted] они. Это тот грозный очевидец, который всегда зримо [redacted] незримо присутствует при злодеянии, чтобы поведать [redacted] [redacted] потомкам. Недаром [redacted] его лице иногда видят сходство [redacted] самим художником.

[redacted] рисунке первого видения Иоанна — «Семь светильников» — Дюрер повторил композицию художника, который делал гравюры для Библии, изданной [redacted]задолго до его «Апокалипсиса». Безвестный предшественник Дюрера обозначил Христа [redacted] Иоанна скудным контуром. Дюрер вдохнул в них жизнь. Они действуют: один возвещает, другой внемлет. Предшественник лишь намекнул, что действие происходит [redacted] небе. Небесное пространство у Дюрера [redacted] бесконечным [redacted] гулким. У предшественника лик Христа — маска. Дюрер делает его грозным, жест подъятой десницы — величественным. Все семь светильников [redacted] гравюре разные, в завитках, сплетениях, перехватах, [redacted] растительным орнаментом, [redacted] фигурками птиц. Их украшения сложны, тонки, изысканны, но они материальны. Золотых дел мастер мог бы создать [redacted] [redacted] этому рисунку. Среди мрачных видений, которыми [redacted] Дюрер, работая над Апокалипсисом, [redacted] радовала каждая возможность изобразить красоту пейзажа или прекрасное создание человеческих рук. Упругое облако прогибается под тяжестью светильников. [redacted] каждом [redacted] них горит свеча. Трепещет огонь, стекает подтаявший воск, один язычок пламени вздрогнул [redacted] склонился сильнее остальных. Это придает всему кругу свечей необычную живость.

Больше всего [redacted] отдал художник Иоанну. Лицо его [redacted] этом листе кажется юным [redacted] красивым. Свободными складками струится одеяние. Тонки пальцы одухотворенных рук. Волосы вьются, [redacted] ритм локонов созвучен ритму завитков [redacted] светильниках. Но связь между Иоанном [redacted] светильниками не только в ритмической созвучности. Он включен в один круг с ними — так же, [redacted] они, опирается [redacted] облако, [redacted] [redacted] [redacted] [redacted] уровне пламени свечи, он сам как пылающий светильник.

На листе «Небесные врата» Дюрер следует [redacted]дой букве Апокалипсиса. Он изображает [redacted] престол, [redacted] восседающего [redacted] [redacted] бога-отца, и радугу вокруг престола, [redacted] еще 24 престола, [redacted] на [redacted] старцев в белых одеждах, [redacted] четырех шестикрылых животных. Художник долго бился над тем, чтобы создать не неподвижное видение, но передать таинственное событие, [redacted] котором Иоанн решил поведать человечеству. Сидящий на престоле держит книгу, запечатанную семью печатями. Ангел воззвал к достойным, чтобы они сняли печати, [redacted] достойного не нашлось, говорится [redacted] тексте. Дюрер нарисовал книгу с круглыми печатями на шнурах и ангела, который парит [redacted] воздухе, [redacted] о достойном. Печалющегося Иоанна. Старца, утешающего [redacted]. Таинственное, загадочное хотелось сделать зримым. Престолы старцев Дюрер изобразил как кресла хоров небогатой церкви, небесные врата — как воро[redacted] амбара. Они сколочены из толстых досок [redacted] подве-

шены на кованых петлях. Увы, у небесного видения нет глубины. Распахнутые створки врат зримо выступают вперед, только подчеркивая, плоское на этой гравюре небо. Как трудно, господи, как трудно! Замученный небесным видением — оно никак не покорялось ему, — Дюрер резко отделил небо от земли облаком. Облако непохоже на настоящие облака. Оно словно из бумаги вырезано. Но под ним живой земной пейзаж: холмистые берега, поросшие лесом, город на холме, дремлющее озеро. Силуэты лодок, чуть намеченная кромка дальнего берега придают озеру живую протяженность. Пейзаж прекрасен. Но лист, как целое, он разрушает. В небе, где развертывается видение, у линии иной ритм, у построения иной принцип, у света и теней иное значение, иная ценность, чем на земле. Дюрер словно бы запечатлел на этом листе две стороны своей души: обращенную к символике, к смутно-загадочному, и ясную, солнечную, земную. И победила земная.

Теперь предстояло сделать зримым одно из мрачнейших пророчеств Апокалипсиса — пророчество о четырех всадниках на конях: белом, рыжем, вороном и бледном, несущих миру смерть от меча, голода, мора, хищных зверей.

Всадники возникают из густого мрака, который надвигается на землю. Остроконечный колпак, широкополый халат, изогнутый лук у первого. Не напоминание ли об ордах, некогда двигавшихся на Европу с Востока и снова угрожающих ей? Турецкая угроза во времена Дюрера была постоянной. Второй взмахнул мечом, готовый разить. У третьего вместо оружия — пустые весы на коромысле. Так художник передал слова: «И вот, конь вороной и на нем всадник, имеющий меру в руке своей». Строки позволяют думать, что пустые весы — символ дороговизны. Но, может быть, на них будет взвешено не зерно, а жизни человеческие? Четвертый всадник — «которому имя — смерть» — полуобнаженный старик с разверстым в крике ртом и горящими глазами. Он восседает на костлявом коне. Смерть размахивает не косой, а вилами. Ни у одного прежнего художника такой детали нет. Но Дюрер ее не придумал. Во время моровых эпидемий могильщики вилами спихивали тела умерших в яму.

Вслед за последним всадником ползет по земле чудище с открытой пастью. Кони надвигаются неотвратимо... Кони трех всадников с подковами: металлическим цокотом звучит их галоп. Четвертого коня художник оставил некованным. У его поступи костяной звук. Всадник-Смерть отпустил веревочные поводья. На его коне ни седла, ни стремян. Всадник с устремленными вперед, безумными, яростно округлившимися глазами конем не управляет. Под копыта его коня падают поверженный ужасом бюргер, крестьянин, горожанка. Они не пытаются сопротивляться. Крестьянин еще не упал, он единственный, кто стоит на ногах, но взмах его руки беспомощен, она повисает в воздухе — от гибели не отмахнешься. Испуганное недоумение застыло на сытом лице бюргера. Позади него бледное лицо мужчины, упавшего навзничь прямо под копыта коней.

Апокалипсис говорил, что от гибели пытаются спастись «и цари земные и вельможи, и богатые и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный...». Дюрер продлил этот список. Первым на его гравюре адская пасть поглощает епископа. Некоторые исследователи поддаются соблазну — усмотреть в этом прямую оппозицию художника католической церкви. Пожалуй, это слишком прямолинейно. Ведь и в куда более ранних додюреровских «Плясках» и «Триумфах смерти» показывалось, что перед смертью все равны...

Страшная кавалькада едва вмещается в лист — так создается ощущение, что она стремительно проносится мимо наших глаз. Движутся всадники, вслед за ними надвигается тьма, пожирая свет, который еще виднеется на горизонте. Дюрер создает мрак, тесно сближая почти прямые, но колеблющиеся черные линии. Они рождают не просто тьму, но тьму движущуюся. Стремительная горизонтальная штриховка служит фоном для коней: тьма опережает их, увлекая за собой. Стрела на луке, взмах меча подсказывают направление скачки. Кони вытягивают шеи, напрягают удила, прядают ушами. Кажется, слышен их топот.

Сколько рассказов о сражениях, о грозно наступающей коннице, о зловещем свисте стрел, о паническом страхе, охватывающем людей, надо было услышать, сколько страшных картин в своем воображении вызвать, чтобы создать эту гравюру! Художник испытывает страх, которым дышит его время, острее, чем его сограждане. В его уме грозные видения обретают такую яркость, которая обычным людям, к их счастью, не дана. Но когда он ищет, как выразить чувство ужаса, когда даже для воплощения всемирного ужаса он обдумывает композицию, страх отступает. Претворить ужас в образ — значит отчасти победить его. Ведь это он сам из ничего создал на дереве и бумаге апокалипсических всадников, дал им движение, оружие, лица... Значит, как ни грешна эта мысль, он сильнее их. По крайней мере, пока творит их образы.

Дюрер то разделяет события одной главы на несколько гравюр, то совмещает события нескольких в одной.

После четырех всадников текст Апокалипсиса становится еще более сложным. Мысль того, кто писал эти пророчества, мечется. Ему чудятся вопли погибших за веру. Они будут отомщены, уверяет он, когда число убиенных возрастет. Странное утешение! Но тот, кто писал Апокалипсис, иного дать людям не мог. В годы его жизни императорский Рим усиливал жестокий гнет всех бесправных. И не было силы, способной ему противостоять. Оставалось одно. Думать: чем хуже, тем лучше! Чем больше жертв, тем ближе возмездие. Погибшие могут утешаться белыми одеждами, которые раздадут им на небесах. Это Дюрер и изобразил на листе — «Снятие пятой и шестой печатей». Вот одна из душ получает белую одежду. Это молодой мужчина. Он просовывает голову и руки в рубаху, которую держит ангел. Могучие мышцы напряглись на спине. Движутся, сходясь, лопатки. Даже небесного видения не нарисуешь без набросков, сделанных с натуры, например в бане, где любил работать Дюрер. То, что происходит в небе, оставаясь видением, обретает земные черты...

Испытания человечества продолжаются. После того как снята печать шестая, началось великое землетрясение. Дюрер показал, как вот-вот обрушится гора. Сейчас от нее начнут отваливаться глыбы: «И солнце стало мрачно, как власяница, и луна сделалась, как кровь». Дюрер дает обоим светилам угрюмо-мрачные человеческие лица. Грозный мужской лик помещен в тонкий серп ущербной луны. Лучи луны остры, как кинжалы. Лучи солнца извиваются, как змеи. У них черный цвет. Страшное черное солнце стоит над гибнущим миром.

Огромные пылающие звезды падают на землю. Слышишь свист, с которым они разрезают воздух. «И небо скрылось, свившись, как свиток...» Возможно ли сделать зримой такую метафору? Для Дюрера — возможно. Огромным облаком накрыл он землю. Оно простирается от края листа до края — от одного конца мира до другого. И облако это сворачивается, его края закручиваются, шатер, который оно образует над миром, сужается. Образ сжимающегося мира возникает задолго до того, как он появился в книгах современ-

«Семь светильников».

ных фантастов. А под страшно сворачивающимся небом, между каменными глыбами, готовыми рухнуть, — объятые ужасом грешники.

Дюрер резко делит толпу надвое: слева — простые люди, справа — знатные. Простолюдин в отчаянии вздымает руки к небу. Пожилая женщина пытается прикрыть своим телом ребенка. «А дети чем виноваты?» — возникает неизбежный вопрос у того, кто читает Апокалипсис. Дюрер не знает на него ответа, но гибнущих детей изображает с щемящей душу жалостью. Молодая женщина, тоже подняв руки, стоя на коленях, склоняется от ужаса к земле: ее поза подобна воплю. А в другой половине — король с короной, папа, епископ, монахи. Так Дюрер показал «царей земных и вельмож, и богатых тысяченачальников».

Епископов Апокалипсис не упоминал, а папы тогда вообще еще не существовало. Однако Дюрер не только поместил папу на своей гравюре, но и лицо его сделал отталкивающим: жирное, с тройным подбородком, заплывшие глаза, рот искривлен судорогой страха. И все-таки несмотря на все, что происходит вокруг, лицо это сохраняет выражение жестокой надменности. Когда позже, в годы Реформации, «Апокалипсис» Дюрера приобретет большую популярность, этот лист с беспощадно изображенным папой станет одной из главных тому причин.

Чуткий к языку образов, к перемене ритма, к светотени, Дюрер почувствовал важную особенность Апокалипсиса. Его неведомый автор догадывался: бесконечно нагнетать ужас нельзя. Если страшные пророчества будут следовать одно за другим, они перестанут производить впечатление. Так, за видением светил, которые меркнут, и мира, который гибнет, возникает иная картина. Появляются четыре ангела. Они удерживают четыре земных ветра, чтобы те не дули на землю. Передышка! Мрак и отчаяние уступают место свету и надежде. Фигуры ангелов величественны и спокойны. Каждый вооружен мечом. Еще один ангел метит праведных, спасенных от гибели, почему эта гравюра и называется «Клеймение праведных». Ангел бережно и привычно держит тоненькую кисточку. Видимо, Дюрер нарисовал его с одного из своих учеников.

Снята седьмая печать. Передышка продолжается. Спасенные возносят хвалу богу («Хор праведных»). Радость и спокойствие не покорились Дюреру. Лица молящихся некрасивы и напряженны. Даже Дюрер не сумел увлекательно изобразить славословящую толпу. Поучительная неудача!

Передышка длится недолго. Семь ангелов получают трубы («Трубный глас»). Такие трубы звучали над готовыми броситься на штурм войсками. Современники Дюрера знали этот звук. От него замирала душа, как от волчьего воя. Ангелы затрубили в трубы, на землю обрушился град и хлынула кровь. Горят деревья и трава. Море обращается в кровь. Рушится с неба в колодец звезда Полынь, и горькой становится вода на земле. На солнце надвигается черная тьма. Еще одна звезда падает на землю, отворяя еще один колодец. Оттуда поднимается дым. Он омрачает солнце и небо и превращается в хищную саранчу. Вот образы, созданные для Дюрера!

Он строит гигантскую сцену. Вверху между богом и алтарем восьмой ангел. Он бросает на землю жертвенный огонь. В его лице ни гнева, ни угрозы. На губах улыбка удовольствия, в глазах любопытство. Он — воплощение беззаботной жестокости. Бедствия охватывают землю. Буря топит корабли. Плывут по воде обломки мачт, в ужасе поднимает руки гребец, чью лодку захлестывает волна. Другой пытается спастись вплавь. Но куда плыть? Перед ним — пылающий

берег. Наискосок пересекает небо хищный орел. Ветер свистит [redacted] полураскрытых крыльях, из клюва выры[redacted] клич: «Горе, горе, горе». Огромные руки высовываются из-за облака, швыряют [redacted] море огненную гору. Она взрывается огнем [redacted] паром, как вулкан, [redacted] вода вокруг [redacted] закипает.

Об огненной горе [redacted] Апокалипсисе говорится, [redacted] руках, бросающих [redacted] море, [redacted] слова. Нет подобного образа ни у одного [redacted] прежних иллюстраторов. Это находка Дюрера. Ангельские руки — маленькие [redacted] небе, приблизившись к земле, стали зловеще-огромными. А внизу, насколько хватает глаз, расстилается мирный пейзаж. Мягкие холмы, обрывистые берега, редкие прозрачные рощи, манящие в даль дороги, извилистые реки. Только что земля эта была спокойной [redacted] прекрасной. Но прозвучали грозные трубы — [redacted] все, что есть [redacted] ней, гибнет...

Мы смотрим [redacted] этот лист и не мо[redacted] избавиться от чувства, что художник провидел сквозь [redacted] бомбежки [redacted] пожары, которые довелось пережить нам, провидел Хиросиму [redacted] Нагасаки.

Дюрер страстно добивался того, чтобы его гравюры были [redacted] можно более убедительными. Он [redacted] просто наделяет ангелов крыльями. Каждая пара крыльев — иная. Одни широко распахнуты, другие раскрыты наполовину, третьи сложены. [redacted]дом — терпеливые наблюдения над птицами. Анатомия крыла передана безупречно. На корабле точно изображен прямой парус, вздутый шквальным ветром. Колодец, куда упала звезда, Дюрер строит [redacted] больших, грубо отесанных камней и соединяет [redacted] скрепами. Снова фантастическое убедительно, потому что детали жизнеподобны.

Мрачные пророчества продолжаются. Раздается звук шестой трубы («Ангелы-мстители»). Ангелы врубаются [redacted] толщу беззащитных людей. Один схватил [redacted] волосы женщину, пригнул ее голову и замахнулся мечом. Рот его широко раскрыт [redacted] выдохе. Так выдыхает мясник, когда обрушивает топор на тушу. Второй ангел отталкивает старика, молящего о пощаде, и, подняв меч, готовится разить [redacted]. Третий направил оружие [redacted] папу и императора, уже поверженных во прах. Четвертый добивает упавшего с коня рыцаря, высоко подняв [redacted] над головой обеими руками. Ангелы повернуты друг к другу спинами. Так [redacted] рукопашных схват[redacted] становились пехотинцы. Земля покрыта телами поверженных. Видны только [redacted] лица. Здесь гибнут люди [redacted] племен [redacted] наречий, правые [redacted] виноватые. Карающий божий гнев выглядит безжалостно слепым. Лист полон движения. Так [redacted] кажется, что мечи ангелов угрожающе свистят над головой зрителя. [redacted] верхней части листа над горизонтом несутся кони небесного воинства, дышащие огнем, дымом, серой. Дюрер снова дал проглянуть между крыльями ангелов кусочку мира, еще [redacted] затронутому бедой. Светел этот уголок мира, но небо над [redacted] уже потемнело. Свет померкнет [redacted] здесь. Полная гибель человеческого рода близка.

«Блудница Вавилонская»

Когда Дюрер изображал разящих меченосцев, скачущих коней, закованных [redacted] броню рыцарей, корабли, горы, дома, деревья, он чувствовал себя уверенно. Ему помогал огромный запас наблюдений, зоркая [redacted] цепкая память. А вот новая глава поставила его перед такими трудностями, [redacted] которым он не знал [redacted] подступиться. Вот эти строки: «И видел [redacted] другого ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, [redacted] лицо [redacted] как солнце, [redacted] ноги [redacted] как столпы огненные. [redacted] руке у него была книга раскрытая. [redacted] поставил он правую ногу свою [redacted] море, [redacted] левую [redacted] землю...»

Не пропуская [redacted] единого слова, вчитывался художник [redacted] этот текст, но многое оставалось ему непонят-

ным. Семь громов поведали нечто Иоанну, [redacted] голос [redacted] неба повелел ему сказанное скрыть. Сразу вслед [redacted] этим предсказание: «Времени уже [redacted] будет». Наверное, надо понимать так: назначенный срок наступил — предсказанное вот-вот свершится. Но что? Голос [redacted] неба повелевает Иоанну [redacted] книгу из рук ангела [redacted] проглотить ее, скрыть, спрятать от непосвященных заключенную [redacted] ней тайну. А спрятав ее, снова пророчествовать, ощущая горечь тайны [redacted] губах.

Нелегко изображать такие иносказания. Обходить [redacted] Дюрер не хотел. Голоса громов зримыми [redacted] сделаешь, но ощущение могучей силы, которая созда[redacted] строкой [redacted] громах, определяет величественный строй гравюры. Лик ангела увенчан радугой и излу[redacted] сверкающие лучи. Рука, подъятая для клятвы, пробивает облако огромным — [redacted] полнеба! — взмахом, другая властно протягивает книгу Иоанну. Тело [redacted] художник скрыл [redacted] клубами облаков, предоставив воображению дорисовывать его. Руки Иоанна, охватив[redacted] книгу, устремляются вслед за рукой ангела, подъятой для клятвы. Это движение проходит через [redacted] лист, объединяя его единым порывом.

Дюрер не может оставаться среди отвлеченных символов. Ему необходимы живые подробности. На траве рядом [redacted] Иоанном раскрытая тетрадь. Видны исписанные страницы. [redacted] тетради привязаны чернильница [redacted] прибор для письма. У берега растет камыш, [redacted] нему подплывают, изогнув длинные шеи, белые лебеди. Берег лесистый: вблизи растет узловатый дуб, вдали стройные сосны...

Художнику казалось, что работа никогда [redacted] будет закончена. Трудясь над Апокалипсисом, он ощущал себя путником, шагающим [redacted] тяжким грузом [redacted] плечах [redacted] бесконечной дороге. Едва преодолев одну крутизну, [redacted] оказывался перед другой. А сколько [redacted] еще впереди? Стояло жаркое лето, когда Дюрер начал трудиться над этим циклом. Изредка [redacted] позволял себе уйти [redacted] городские стены, пройтись по окрестностям. Там [redacted] траву [redacted] сушили сено. Полыхали зарницы, гремели грозы. Дюрер медленно шел по пыльной дороге, глядел вокруг себя и не видел окружающего. Ум [redacted] был занят образами Апокалипсиса. Разве что взгляд остановится [redacted] развесистом старом дереве, на темнеющей туче, [redacted] заводи, поросшей камышом. Это может пригодиться!

Прошло лето, наступила осень — жаркая и сухая, [redacted] он все еще трудился над Апокалипсисом. Пожелтели и опали листья. Пронеслись над головами [redacted] перелетных птиц. Подули холодные ветры. Чувствовалось приближение зимы, [redacted] работа еще не была закончена. Наступил новый, 1498 год, [redacted] он еще продолжал [redacted].

Цикл, который требует усилий, столь длительных, столь напряженных, не [redacted] быть ровным от начала и до конца. Особенно, когда текст, сколько ни вчитывайся [redacted] него, остается загадочным. Вот, например, 12-я глава. Дюрер читал [redacted] перечитывал ее, [redacted] оста[redacted] чередой туманных знамений: появляется некая жена, облаченная [redacted] Солнце. Затем красный дракон с семью головами [redacted] десятью рогами. Да еще [redacted] го[redacted] у него [redacted] диадем. Дракон хочет пожрать [redacted]денца, рожденного солнечной женщиной...

Загадочность Апокалипсиса, повторы и противоре[redacted] нем приводили [redacted] недоумение даже богословов, посвятивших всю жизнь изучению священного писания. Современные исследователи могут установить, [redacted] образы древней поэзии Востока отразились в [redacted] тексте, какие дохристианские представления наложили на [redacted] отпечаток. Дюрер [redacted] подвергал Откровение Иоанна критическому анализу. Он испытывал мучения, похожие на мучения переводчика, который переводит текст, где [redacted] отдельности понятно каждое слово, [redacted] общий смысл ускользает. Но миновать эту главу он не решился. Он знал [redacted] проповедей: семь [redacted] дракона обозначают семь смертных грехов: зависть, лень, гордыню, похоть, чревоугодие, ярость [redacted] скупость. От [redacted]которых [redacted] них, размышлял Дюрер, несвободен [redacted] он сам. Тем отвратительнее сделает он [redacted] обличья. Искаженные морды — верблюжья, кабанья, львиная, песья и еще трех неведомых зверей, разинутые пасти, вытянутые языки, щетина, чешуя, зазубренные рога, шеи, извивающиеся подобно змеям, острые когти, [redacted] пресмыкающегося, но [redacted] кошачьих лапах, огромный голый хвост, перепончатые крылья — здесь соединено все, что [redacted] вызвать чувство страха [redacted] омерзения («Семиголовый дракон»).

По правде говоря, Дюреру осталось непонятным, кто та женщина и [redacted] тот младенец, [redacted] которых говорится в этой главе: «И родила [redacted] младенца мужского пола, которому надлежит [redacted] народы...» Мария [redacted] Христос? Но ведь Иоанн записывал свои откровения [redacted] предсказывал грядущее много лет спустя пос[redacted] того, как, по Евангелию, родился Христос. Дюрер с детства привык верить, что существует книга, где [redacted] — истина. Вчитавшись [redacted] нее, он натолкнулся на противоречия. Он [redacted] усомнился [redacted] Откровения. Сокрушенно решил, что ему по грехам [redacted] дано постичь всей тайной премудрости. Но так [redacted] ему нужно было сделать зримыми солнечную женщину [redacted]денца, он изобразил их, как Марию и Христа.

[redacted] гравюре «Небесное воинство» [redacted] черном небе яростно сражается воинство архангела Михаила [redacted] Сатаной [redacted] обличье дракона. Мелькают перепончатые крылья, кривые когти, чешуйчатые лапы, извивающиеся хвосты, круглые совиные глаза, острые рога, то выступая [redacted] тьмы, то скрываясь [redacted] ней. Архангел Михаил нанес удар копьем [redacted] пасть дракону. Длинное [redacted] подобно молнии. Чудовище опрокинулось навзничь [redacted] сейчас рухнет на [redacted] страшной высоты. Воинство архангела Михаила мечами [redacted] стрелами доби[redacted] порождение тьмы. Победа нелегка! Огромное усилие ощущается [redacted] руках архангела, яростны [redacted] мечей, туго натянут лук — грозное сражение бушует [redacted] небе. А под черной тучей, [redacted] которой кипит битва, снова видна земля. Там — светлый день, спокойная [redacted] мирная даль. Это уже [redacted] маленький уголок, это огромный простор. Плывут корабли по морю, тянутся дере[redacted] вдоль дорог, город возносит [redacted] небу шпили башен. Дюрер находит подробность поразительную, которая сильнее всего передает ощущение спокойствия, обретаемого землей. Перед мостом, [redacted] въезде [redacted] город, гостеприимно поднят шлагбаум: опасность больше не угрожает жителям. Открытые городские ворота, поднятый вверх шлагбаум красноречиво говорят [redacted] мире. Но надолго ли?

Сражение [redacted] небе закончено, силы мрака побеждены, тьма отступает. Снова звонко, радостно, [redacted] звучит [redacted] света. Светло одеяние Михаила, [redacted] лучом пронзает воздух [redacted] копье, солнечный свет озаряет землю. Гравюра «Небесное воинство» воплощает борьбу света [redacted] тьмы, разума и неразумия, которая происходит [redacted] мире. Но, пожалуй, [redacted] ней запечатле[redacted] разные стороны души художника: ему были дороги зловещие видения, возникающие [redacted] тьмы, изломанность [redacted] напряженность, столь характерные для искусства средних веков, ему были дороги [redacted] солнечность, открытость, разумность, прославленные искусством Возрождения. Бурная, порывистая [redacted] сраже[redacted] мраке и [redacted] уравновешенного, спокойного, ясного дня звучат на этом [redacted] так [redacted] сильно, [redacted] они постоянно звучали [redacted] душе Дюрера..

Автор Апокалипсиса бросался [redacted] проблесков надежды [redacted] отчаянию. Едва рассказав [redacted] победе над злом,

он продолжает повествование о новом наступлении зла. Сатана, сброшенный с неба, вновь появляется на земле в обличье зверя. Ему передал свою силу и власть дракон, воплощавший мировое зло в предшествующих главах. Дюрер отчаянно старается поймать ускользающий смысл сбивчивых прорицаний. Зверь и дракон то сливаются воедино, то разделяются на два начала. Но все-таки — самое главное и самое страшное ясно: напрасной была недавняя победа. Земля не заметила ее, поклонилась злу...

Неведомый автор этой главы жил в страшные времена, видел преследования единомышленников, сам, наверное, перенес темницу, пытки, ссылку. Был измучен ужасом и тоской, обуреваем черными предчувствиями, лишь иногда ощущал слабую надежду. Был одержим желанием выразить свой страх, предостеречь мир, даровать надежду достойным. Мысли его путались, теснимые лихорадочными видениями. Он хотел сделать эти видения зримыми, искал пронзительные слова, сбивался, путался, бросал начатое и начинал все сначала, вдруг пугался врагов, преследований, соглядатаев, зашифровывал свою мысль. Так в числе 666 зашифровал он имя императора Нерона и назвал это число «числом зверя».

Смутный текст претерпел много превратностей, оброс ошибками переписчиков и переводчиков. Теперь он лежит перед Дюрером, приводя его в отчаяние своей загадочностью. От мира ясного и светлого, созданного в гравюре «Небесное воинство», снова ничего не осталось. Если не вглядываться. А если всмотреться, видишь напоминание о нем — несколько деревьев, вершина горы, полоска моря. Но они заслонены чудовищами, которые грозно попирают землю, надвигаясь на нее с двух сторон. Маленькими кажутся по сравнению с ними люди, покорно павшие на колени и смиренно поклоняющиеся злу. В толпе мелькают император в короне, епископ в митре и облачении, турок в чалме и халате, знатная дама, рыцари в шлемах, горожане в круглых шляпах, тучные монахи, седобородые старцы. Люди ведут себя неодинаково. Одни молитвенно складывают руки перед зверем, другие пытаются отвернуться от него, хоть бы глаза отвести в сторону. Их жжет стыд, что они вынуждены ему поклоняться.

Видения, без малого две тысячи лет назад запечатленные, гравюра, почти пять веков назад созданная, а мы, люди XX века, смотрим на этот лист, и нам видятся трагические события, свидетелями которых нам суждено было стать. Вот так в тридцатые годы на землю надвигался фашизм, вот так правители многих стран падали перед ним на колени...

На одном листе («Блудница Вавилонская») Дюрер решил соединить сцены из нескольких глав — те, в которых говорится о блуднице, сидящей на звере с семью головами, и об ангеле, предсказывающем гибель нечестивому Вавилону. Под блудницею в Апокалипсисе подразумевался императорский Рим — именно ему пророчилась неминуемая гибель. А во времена Дюрера это яростное обличение связывали с папским Римом. Семь голов зверя понимали не только как семь смертных грехов, но и как семь холмов, на которых был воздвигнут древний город.

На берегу потока гибнет в пламени город. По небу уже скачет грозное воинство, а люди на другом берегу, слепые к этим знамениям, выходят навстречу блуднице. Человек, одетый как император на гравюре «Мучение Иоанна», представляет блуднице знатных грешников. Сложны и загадочны пути творчества! О «великой блуднице» в Апокалипсисе говорится с гневом и отвращением: «С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле». Но обличье ее обманчиво-прекрасно. «Она облечена... в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом...»

На гравюре Дюрера блудница обольстительна. Тут нет и намека на то, что за ее прекрасной внешностью скрывается мерзость и зло. У нее молодое прелестное лицо, округлые руки и плечи, шелковистые волосы. В ее красоте нет ничего зловещего. На ней открытое платье, дорогие браслеты украшают нежные руки, обруч с драгоценными камнями сдерживает волосы. Кубок с мерзостями блудодейства, который она поднимает над головой,— чудо ювелирного искусства. Так и кажется, что черно-белая гравюра передает золото украшений и багряный цвет одеяния.

Да, конечно, земной мир полон мерзостей. Да, конечно, он осужден на гибель. Но почему греховный мир так соблазнительно прекрасен? Прекрасна юная женщина в праздничном наряде. Прекрасна девушка в толпе, преданно склонившая голову к плечу юноши. Прекрасен сильный мужчина, гордо и независимо подпершийся рукой. Прекрасен корабль с туго надутыми парусами. Прекрасен далекий горизонт. Прекрасен весь земной мир. Художник согласен с приговором неба, но не может распрощаться с обреченным миром без сожаления, не прославив его красоту.

И вот наконец Апокалипсис к великому облегчению художника начинает повествование о победе над мировым злом. Ангел заключает дьявола в преисподнюю («Новый Иерусалим»). Сатану на этом листе Дюрер показал не столько грозным, сколько уродливым, даже смешным. Чтобы отправиться в преисподнюю, ему нужно протиснуться в узкий люк. Сатана съежился, скорчился, прижал к чешуйчатой спине общипанные крылья... Ангел, который отправляет его в тысячелетнее заточение, неумолим, исполнен мужества и непреклонной воли. У него в руках огромный ключ и цепь. Он придерживает белоснежные одежды, чтобы не коснуться нечистого. Все это происходит на склоне холма. Рядом второй ангел указывает Иоанну на возникший над горой Новый Иерусалим. Город выглядит как обычный немецкий: квадратные и круглые башни, крутые крыши, острые шпили, кирпичная кладка стен. Главная башня еще не достроена. Согласно тексту, в Новом Иерусалиме нет церквей, но Дюрер не мог представить себе города без церквей и изобразил их. За городом — роща. Подножья гор омывает море. Птицы в ясном небе, невысокие горы, спокойная вода, надежно защищенный город — все это дышит чувством наконец обретенного мира и счастья.

Все! Закончена пятнадцатая гравюра, огромный труд завершен. Создан целый мир — с небом зримым и воображаемым, с грозными знамениями и мирными просторами, со смертями, со страхами, с упованиями, с непрерывным борением мрака и света и победой света. Но Дюреру все еще не верится, что работа закончена. Когда он наконец осознал это, на него обрушились усталость и опустошенность.

Понимал ли Дюрер, что, завершив «Апокалипсис», он навечно утвердился среди великих художников? Он не думал об этом. Теперь ему в гравюре доступно все: человеческие лица и запечатленные на них страсти, скрытые и явные чувства, бурные движения тела и души. Он может передать мягкость бархата, теплую пушистость меха, глянцевитость шелка, холодный блеск металла, игру драгоценных камней. Наряды богатых и рубища нищих. Трепет листвы. Рябь озера. Свет и мрак. Ветерок и ураган. Медленную поступь и бешеную скачку. Красоту и уродство. Ликование и ужас. Отчаяние и надежду...

В ТЕСНОЙ СВЯЗИ С ЖИЗНЬЮ

И. ДАВЫДОВ

ДЛЯ «АТЕИСТИЧНОЙ ТРИБУНЫ» — двухмесячного журнала, издаваемого Национальным советом и Софийским комитетом Отечественного фронта Болгарии и Домом социалистического быта и культуры,— характерно стремление максимально приблизить теорию к жизни, сочетать марксистско-ленинское освещение узловых проблем атеистической мысли с практикой атеистического движения в стране, с деятельностью организаций, занимающихся конкретными вопросами антирелигиозной пропаганды, воспитанием масс, особенно молодежи, в духе материалистического миропонимания. Эти задачи и определяют содержание небольшого по объему журнала.

Его первый раздел — «Лекции и консультации» — состоит преимущественно из обстоятельных статей видных болгарских ученых. Здесь публикуются материалы, в которых глубоко анализируются проблемы религии и атеизма.

Среди них, в частности, обращает на себя внимание статья профессора Ивана Калайкова «Современное биологическое познание и проблема происхождения человеческого духа» (1976, № 1). Автор исходит из положения, что «достижения биологического познания за последние два столетия безусловно подтверждают тезис о естественноисторическом происхождении человеческого духа. Познание живой природы, особенно на сегодняшнем этапе его развития, дает нам огромное количество фактов, проливающих яркий свет на предысторию человеческого мышления, на различные ступени его становления. Те же факты доказывают полную несостоятельность и абсурдность религиозного тезиса о божественном происхождении человеческого познания». Автор пишет, что «человеческий дух... есть производное от огромного ряда исторически развивающихся и совершенствующихся материальных форм биологического отражения».

Поскольку в Болгарии все еще сохранилось влияние ислама, «Атеистична трибуна» уделяет внимание критике и этой религии. Так, в статье Ибрагима Татарлы «Коран — «священная книга» ислама» (1974, № 6) дается научный анализ этого вероучения с использованием работ советских исламоведов. Реакционный характер ислама, пишет автор, проявляется и в его социальной доктрине. Первопричиной всего сущего, как в прошлом и настоящем, так и в будущем, эта религия, как, впрочем, и другие, объявляет божественный промысл, что объективно может служить увековечению эксплуатации человека человеком. Исламская мораль, как и мораль других религий, лишает человека свободы воли, действительного осмысления своих поступков и действий, видит в нем лишь орудие Аллаха. Содержащиеся в Коране оценки и нормы юридического характера, религиозные каноны служат укреплению реакционных порядков.

Журнал широко освещает историю болгарского свободомыслия и атеизма. Статья Ивана Унджиева «Атеизм Христо Ботева» (1976, № 1), в частности, приурочена к столетию со дня кончины великого болгарского патриота, поэта и мыслителя, в идеологии которого атеизм занимал большое место. «Отношение Христо Ботева к религии,—пишет автор,—определялось его революционно-демократическими взглядами и его материалистическим мировоззрением». Атеизм Ботева был оружием в его борьбе против буржуазии, против врагов революции. При этом надо учесть специфические особенности того исторического периода, когда «туркофилы и реакционная часть болгарской буржуазии пытались подменить борьбу за национальное освобождение борьбой за самостоятельную церковь и когда сама логика революционной борьбы требовала развенчания этой реакционной идеи деятелями революционной демократии».

Убежденный материалист, Христо Ботев решительно отвергал идею существования бога. Все его творчество проникнуто воинственным неприятием религии. Он подвергал уничтожающей критике клерикализм,

поповщину, мракобесие, боролся с ними во имя торжества науки и разума.

Ботевская тема нашла свое отражение и в интересной беседе редакции «Атеистичной трибуны» с известным болгарским историком академиком Владимиром Топенчаровым, посвященной столетию Апрельского (1876 г.) восстания болгарского народа против турецкого господства. В ней идет речь и о противоречивом отношении экзархата к болгарской национальной революции, о патриотической позиции низшего духовенства в тот период, о предательской роли направленных тогда в Болгарию западных религиозных миссий, особенно католической, и об участии мусульманского духовенства в подавлении Апрельского восстания.

В заключение академик Топенчаров ответил на вопрос о том, каково значение апрельских идей для атеистического воспитания в условиях развитого социалистического общества. «Интернациональный пафос апрельцев имеет значение непреходящее, — сказал он. — Незадолго до того, как разгорелось Апрельское восстание, один из его вождей Василь Левский так сформулировал один из пунктов республиканской программы, выдвинутой революционными демократами: «Болгары, турки, евреи и другие народности будут подчинены одному общему закону». Так среди апрельцев утверждался принцип интернациональной солидарности, позднее воплощенный в жизнь Коммунистической партией».

Вообще журнал проявляет постоянный интерес к истории болгарского народа. Рубрику «Из прошлого» можно найти почти в каждом номере. В статье «Об одном ученическом кружке 20-х годов» (1976, № 2), например, один из его бывших членов Филип Мартинов рассказывает, как он и другие старшеклассники реальной гимназии в городе Стара Загора под руководством нелегального Союза коммунистической молодежи изучали атеистическое наследие Маркса, Энгельса, Ленина. В то время этот кружок сыграл немаловажную роль в распространении научного материалистического мировоззрения среди молодежи, которой предстояло бороться за социализм и строить его.

Ряд материалов «Атеистичной трибуны» посвящен проблемам методики и практики атеистической работы, включая популяризацию и распространение новой, гражданской обрядности.

Об этом, в частности, идет речь в статье редактора журнала профессора Николая Мизова и Магдалены Кузмановой «Состояние и перспективы гражданских ритуалов в Габровском округе» (1976, № 1). В ней проанализированы результаты длительных социологических исследований. В последние годы, пишут авторы, гражданские ритуалы распространяются среди самых широких слоев нашего общества. Причины этого явления различны, но основных две. Прежде всего, это рост культурных, эстетических запросов трудящихся и далее — что особенно важно — систематическая забота партии не только о повышении материального благосостояния народа, но и об улучшении его идейного, эстетического и нравственного воспитания. В статье рассматривается динамика распространения в основном трех гражданских ритуалов: наречения имени, бракосочетания и похорон. Данные сравнительных социологических исследований, проведенных в Габровском округе в 1954, 1959, 1964 и 1974 годах, отчетливо свидетельствуют о неуклонном вытеснении религиозной обрядности новыми, гражданскими ритуалами.

На страницах журнала также освещается опыт работы Домов социалистического быта и культуры, существующих во многих городах и населенных пунктах Болгарии. В Асеновграде, например, сообщает Атанас Филипов (1976, № 2), при таком доме работают четыре секции: «Наука и религия», «Быт и религия», «Религия ислама» и «Лекционная пропаганда». Наряду с лекциями Дом проводит научно-практические конференции, вечера молодой семьи и семейного быта, поддерживает тесную связь с городским радио, местной газетой, устраивает выставки на атеистические темы и т. д.

На страницах «Атеистичной трибуны» освещается опыт и других организаций, занимающихся антирелигиозной пропагандой. Так, в статье Христины Ивановой (1976, № 1) рассказывается о деятельности 153 клубов «Молодой атеист», существующих и в учебных заведениях столицы. Их работа не прекращается в период летних каникул. Она координируется Софийским городским Домом социалистического быта и культуры, который организует также общегородские конференции с участием представителей этих клубов.

Пропагандист находит на страницах журнала и рекомендации по работе с родителями. Это тем более важно, что именно они закладывают в сознании ребенка зачатки миропонимания.

Нашему собрату «Атеистичной трибуне» исполняется три года. Вышедшие за это сравнительно короткое время номера свидетельствуют о том, что журнал болгарских атеистов занял достойное место среди аналогичных изданий других стран социалистического содружества.

ИЗ ИСТОРИИ КИПРСКОГО КРИЗИСА

К. ДАНИЛОВ

Предлагаем вниманию читателей статью о подоплеке трагических событий на Кипре, о попытках афинской хунты использовать греческую и кипрскую церкви для подавления прогрессивных сил на острове, для ликвидации его суверенитета, независимости и территориальной целостности, для последующего «энозиса», то есть присоединения Кипра к Греции и превращения его в военную базу НАТО в качестве «непотопляемого авианосца» в восточной части Средиземного моря для борьбы с прогрессивными режимами на Ближнем Востоке. Статья не претендует на исчерпывающий анализ всех этих событий, получивших достаточно подробное освещение в нашей печати.

УЛЬТИМАТУМ ХУНТЫ И ПОЗИЦИЯ ЦЕРКВИ

11 февраля 1972 года греческое правительство вручило президенту Макариосу ноту, в которой требовало передать под контроль вооруженных сил ООН оружие, закупленное кипрским правительством для защиты республики, провести реорганизацию этого правительства, включив в его состав лиц, угодных афинскому режиму, очистить государственный аппарат от противников энозиса и впредь согласовывать с Афинами все вопросы внутренней и внешней политики Кипра. Западные комментаторы указывали, что речь шла конкретно об удалении из правительства министра иностранных дел Киприану, министра внутренних дел Комодромоса, министра народного образования Петридиса, руководителя службы безопасности Томбазоса и других и об увольнении из государственного аппарата всех патриотов-демократов.

Ультиматум хунты встретил решительный отпор со стороны абсолютного большинства кипрского народа, выступившего в поддержку правительства Макариоса. Около 200 тысяч греков-киприотов, собравшихся на площади перед президентским дворцом, выразили поддержку Макариосу и потребовали отвергнуть ультиматум.

Прогрессивные силы Кипра получили активную поддержку социалистических стран и международной демократической общественности. Советское правительство выразило решительный протест против грубого вмешательства во внутренние дела Кипра.

Не ограничиваясь грубым внешнеполитическим давлением на правительство Макариоса, хунта, чтобы свалить его и добиться энозиса, пустила в ход закулисные подрывные силы.

Прежде всего это были подпольные террористические группы, возглавляемые генералом Гривасом, и правоэкстремистские политические объединения.

Другим закулисным рычагом хунты стали члены синода кипрской церкви митрополиты: Пафоса — Геннадиос, Китии — Антимос и Киринии — Киприанос. Их сотрудничество с фашистским режимом в Афинах не было случайным. Они безоговорочно поддерживали шовинистическую концепцию лидеров хунты о «бесспорном» праве Греции на Кипр. Эта концепция провозглашала независимое островное государство всего лишь «неосвобожденной частью греческой нации», Грецию — «мозгом, душой и становым хребтом всех эллинов», а Афины — «центром всего эллинизма». Поэтому, утверждали пропагандисты хунты, «любая часть нации, находящаяся за пределами греческого государства, должна не сводить глаз с Афин и руководствоваться в своих усилиях только интересами национального центра. Кипр как независимое государство существует только для внешнего мира, но не для Греции». «Греция и Кипр являются лишь двумя выражениями одной и той же действительности с той лишь разницей, что Греция — центр, а Кипр — ее провинция», — писал хунтовский шеф пропаганды Георгалас в газете «Элефтерос космос» 5 марта 1972 года.

«Черные полковники» нередко ссылались на примеры из истории Византийской империи, когда соединялись интересы меча и креста и последний нередко вмешивался в прерогативы светской власти вплоть до прямого участия епископов и священников в государственных переворотах. Хунта рассчитывала, что именно после ее резкой ноты президенту Макариосу настал момент для открытого вмешательства синодов элладской и кипрской церквей во внутренние дела Кипрского государства. Уверенность полковников в успехе подобной акции основывалась на том, что церковь не только не выступила против шовинистической идеологии и расправ хунты с прогрессивными силами, но даже не осудила террористов, покушавшихся на жизнь Макариоса, хотя он является не только президентом Кипра, но и главой тамошней церкви.

Получив такую команду из Афин, трое из четырех членов кипрского синода — митрополиты Геннадиос, Антимос и Киприанос — на его заседании 2 марта 1972 года в отсутствие архиепископа Макариоса потребовали его ухода с поста президента республики или же, в противном случае, его отстранения от руководства кипрской церковью. Формально это требование мотивировалось принципом невмешательства главы церкви в политическую деятельность.

Инспирированный характер этой фронды был очевиден. Макариос дважды — в 1959 и в 1968 годах — избирался абсолютным большинством кипр-

ского народа президентом республики и в течение 12 лет совмещал эти посты, однако ни один из митрополитов не выражал по этому поводу никаких сомнений. Требования митрополитов были абсурдными и потому, что деятельность президента, так же как и вопрос о его замене, входит в компетенцию избирателей, а не священного синода. В истории соседней Греции были примеры совмещения в одном лице светской и духовной власти. Так, в 1945 году функции регента и премьер-министра этой страны исполнял глава элладской церкви архиепископ Дамаскинос.

На второй день после упомянутого решения кипрского синода полковники подтвердили свою ультимативную ноту. Тогда же по указке хунты ее верный ставленник глава элладской церкви архиепископ Иеронимос не остановился перед вмешательством во внутренние дела суверенного иностранного государства, заявив, что «Макариос не должен совмещать руководство церковью и страной». 4 марта 1972 года это заявление было официально подтверждено в специальном сообщении, опубликованном пресс-бюро греческого синода.

Ультиматум хунты, поддержанный руководством элладской церкви и большинством синода кипрской церкви, вызвал бурные народные манифестации на острове в поддержку Макариоса. На улицах городов появились листовки: «Кипру угрожает серьезная опасность». Студенты и школьники прекратили занятия, некоторые из них взобрались на колокольни и ударили в набат. Стены домов, витрины магазинов, стекла автобусов были обклеены портретами Макариоса. Демократическая пресса призывала рабочих, крестьян, интеллигенцию, молодежь оставить работу и учебу и прийти на площадь перед президентским дворцом, чтобы выступить в защиту главы государства. По этим призывам была приостановлена работа всех промышленных предприятий, учреждений и учебных заведений, закрылись магазины. Крыши домов, церквей и учреждений, прилегающих к площади, были усеяны людьми. Толпы народа заполнили все отходящие от нее улицы. Манифестанты требовали отвергнуть ультиматум афинских диктаторов и их ставленников в кипрской церкви.

Президент отверг его. В заявлении, сделанном 19 марта 1972 года, он подчеркнул, что в тяжелый для республики час будет вместе с народом выполнять свой долг в качестве главы государства. Несколько позже в интервью греческой газете «Неа политиа» Макариос подтвердил это заявление, сказав: «Принимая свое решение по этому вопросу, я буду руководствоваться только национальными интересами, а не мнениями или решениями трех митрополитов». В его поддержку выступили главы ряда православных церквей, указав, что совмещение светской и духовной власти не нарушает церковных канонов. Таким образом профашистская церковная иерархия в Греции и на Кипре оказалась в полной изоляции. От нее отвернулись не только массы верующих, но и большая часть рядовых священников.

Встревоженные митрополиты поторопились вылететь в Афины для консультации со своими хозяевами. По возвращении в Никозию они направили 27 марта 1972 года Макариосу пространный меморандум, в котором повторили свои требования, мотивировав их на сей раз всякого рода антикоммунистическими измышлениями, заимствованными из пропагандистского арсенала хунты. Кипрские митрополиты обвиняли Макариоса в том, будто он нанес удар по церкви, лишил ее «эллинского характера и целенаправленности», «отошел от национального центра», то бишь от Афин, будто «противник христианства коммунизм получил широкое влияние и проник в государственный аппарат и во все поры общественной жизни» и будто Кипр теперь находится в «удушливых тисках коммунизма», который «стал, по существу, опорой главы кипрской церкви» и т. д. В заключение утверждалось, что вся политика Макариоса пользуется поддержкой международного коммунистического движения и «атеистического Советского государства».

Но президент не поддался на угрозы и продолжал твердо проводить свой независимый политический курс. Не собирался он также отойти от руководства церковью и сложить с себя обязанности ее главы, как того требовали мятежные митрополиты. Успешно противостоять нажиму извне и изнутри, который непрерывно, годами оказывала на него афинская хунта и ее ставленники на острове, Макариос смог лишь благодаря поддержке, с одной стороны, подавляющей части своего народа, в том числе основной массы верующих и рядовых священнослужителей, а с другой — прогрессивной мировой общественности и прежде всего Советского Союза и других стран социалистического содружества, давно требовавших прекращения всякого иностранного вмешательства в дела Республики Кипр.

Убедившись, что Макариос отверг их ультиматум, хунтовские ставленники — три митрополита, составлявшие тогда большинство в синоде кипрской церкви, — пошли на ее раскол, объявив о своем решении лишить Макариоса сана архиепископа. Но он не поддался и на эту провокацию. К тому времени в защиту его позиции выступили многие православные церкви, в том числе Русская.

Ее глава патриарх Московский и всея Руси Пимен, в частности, выразил озабоченность событиями на Кипре и удивление тем, что в столь грозный час для страны «члены священного синода дерзнули выступить против своего архиепископа, чтобы он оставил свое служение народу в качестве президента, ссылаясь на несовместимость его мирского служения со священным саном... Нам кажутся совершенно неосновательными такие доводы сегодня, когда идет 13-й год пребывания национального героя Кипра и архиепископа на высоком посту президента Республики. Мы имеем ряд подобных примеров совмещения в одном лице церковной и гражданской власти в истории и других православных церквей. Исключительность же исторического момента и многолетнее общепризнанное служение блаженнейшего Макария своему народу и Кипрской церкви делает несостоятельными такие заявления» [1].

В феврале 1973 года на Кипре состоялись очередные президентские выборы, в результате которых Макариос был переизбран еще на один срок. После этого, опираясь на патриотически настроенных священников и мирян, он заявил трем оппозиционным митрополитам, что окончательно отвергает их требования. Тогда в марте того же года эти иерархи по указке генерала Гриваса и его афинских хозяев пошли на открытый раскол, вынеся от имени синода решение о низложении Макариоса с поста архиепископа и назначении «престолохранителем» архиепископского трона митрополита пафосского Геннадиоса.

Макариос объявил это решение незаконным и, продолжая во внутрицерковных делах опираться на патриотически настроенных священнослужителей и мирян, созвал 5 июля 1973 года заседание Большого синода, в котором приняли участие 15 высших православных иерархов, в том числе патриархи Александрийский — Николай, Антиохийский —

---

[1] «Известия», 24 марта 1972 г.

Илия, представители Иерусалимской и других православных патриархий. В течение почти двухнедельного обсуждения вопроса о положении в этой церкви и после отказа трех митрополитов пересмотреть свою позицию Большой синод единогласно принял решение о лишении их сана и всякой власти в церкви и переводе их в ряды мирян. Он обвинил этих митрополитов в нарушении церковных канонов, которое выразилось в незаконном созыве синода и лишении Макариоса сана архиепископа, в расколе церкви и в неуважении к Большому синоду.

После этого решения Макариос как глава кипрской церкви использовал полномочия, предоставляемые ему каноническим правом, и кооптировал в синод других, патриотически настроенных иерархов. 1 августа 1973 года этот новый состав синода принял решение об увеличении числа епархий на острове с 4 до 6 и о выборах новых митрополитов.

Таким образом, ставка афинской хунты на активизацию внутрицерковной оппозиции на Кипре оказалась битой. Это было серьезным ударом по планам внешней и внутренней реакции.

Тем временем происки империалистических кругов на Кипре все усиливались. Активизировались террористические группы из «святой бригады» генерала Гриваса. Положение в восточной части Средиземного моря еще более осложнилось. «К опасному очагу кризиса на Ближнем Востоке кое-кто, видимо, собирается теперь добавить новый источник осложнений в районе Средиземноморья... — охарактеризовал тогда обстановку, сложившуюся в этом регионе, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — Иначе нельзя расценить грубые попытки вмешательства во внутренние дела Республики Кипр, ультимативные требования об изменении состава правительства, что в конечном счете нацелено на ликвидацию независимости и территориальной целостности кипрского государства» [2].

24 апреля 1972 года ЦК Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) принял специальное решение в связи с обострением кризиса на острове и вокруг него. В резолюции указывалось, что «линия на мирное демократическое решение кипрского вопроса, последовательно проводимая президентом Макариосом и его правительством, находит полную поддержку со стороны АКЭЛ... Критический характер обстановки на Кипре настоятельно требует сплочения всех патриотических сил вокруг президента Макариоса ради спасения Кипра, преодоления опасности раздела страны и ее подчинения иностранным империалистическим интересам». Это решение имело большое значение в дальнейшем сплочении патриотических сил и явилось ответом на ультиматум хунты и требования митрополитов.

25 ноября 1973 года в Греции на смену хунте полковников пришла генеральская хунта, которая считала, что те отступили от первоначальной программы борьбы против прогрессивных сил и стали «слишком либеральными». Был взят курс на ускоренное «решение» кипрского вопроса путем террора, направленного против левых сил, и вооруженного свержения законного правительства.

ФАШИСТСКИЙ ПУТЧ

Хунта готовилась к авантюре на Кипре, широко используя клерикальные круги, запугивая их мнимой «коммунистической угрозой» эллинизму и всему цивилизованному миру. Эта авантюра была последним актом отчаяния фашистской военщины, подготовленным ее безрассудной мечтой о возрождении панэллинизма и великой Греции — колыбели европейской цивилизации.

Путч, организованный генералами, как известно, был совершен 15 июля 1974 года греческим офицерством, занимавшим командные посты в кипрской национальной гвардии. Опираясь на внутреннюю реакцию, в том числе на ставленников хунты в церкви, по команде из Афин и с согласия определенных кругов НАТО, греческие офицеры, поддержанные национальной гвардией, окружили танками президентский дворец, разрушили его огнем артиллерии, создали марионеточное правительство во главе с политическим авантюристом Самсоном, развязали массовый террор против патриотов-демократов и приступили к подготовке «энозиса». Президенту Кипра архиепископу Макариосу угрожала физическая расправа, но ему удалось скрыться и затем вылететь через Лондон в Нью-Йорк с жалобой в Совет Безопасности ООН на вероломство греческой военщины и ее покровителей в НАТО.

В заявлении, сделанном по этому поводу ТАСС, вскрывалась подоплека фашистского путча, нити которого тянулись «за пределы острова, к тем силам, которые давно вынашивали замыслы против независимости и суверенитета Республики Кипр. Именно эти силы направляли и организовали внутреннюю реакцию в стране, поощряли ее подрывную деятельность, вплоть до террористических актов» [3].

Заявление квалифицировало вмешательство хунты во внутренние дела островного государства «как действия, грубо попирающие Устав ООН и общепринятые нормы международного права».

В заявлении выражалась решительная поддержка единственно законного правительства президента Макариоса, всех «тех, кто в этот трудный для Кипра час дает отпор мятежникам». Заявление ТАСС и демарши, предпринятые Советским правительством перед правительствами Греции, Турции, США, Англии и Франции, охладили пыл зарвавшихся афинских авантюристов и их агентуры на острове, укрепили позиции его патриотических сил во главе с Макариосом и заставили империалистические круги, стоявшие за спиной фашистской хунты и ее ставленников, пойти на попятный и «порекомендовать» афинским правителям передать власть в Греции в руки правобуржуазной оппозиции.

Перед лидерами хунты встала дилемма: капитуляция или греко-турецкая война. Они выбрали первое, передав власть представителям правобуржуазных сил Греции во главе с Караманлисом, возвратившимся из десятилетней эмиграции в Париже. На Кипре марионеточное правительство Самсона, просуществовавшее всего 8 дней, распалось.

Грубое иностранное вмешательство в дела Кипра причинило огромный ущерб республике: 40 процентов ее территории оказалось оккупировано. На ней расположены основные промышленные и сельскохозяйственные центры, а также туристские комплексы, дававшие крупные валютные поступления в государственный бюджет. Транспорт, экономика и торговля парализованы; без крова и работы осталось около 200 тысяч греков-киприотов, ставших беженцами и лишившихся средств существования.

В связи с этим ТАСС 17 февраля 1975 года от имени Советского правительства заявил: «За последние дни руководством турецкой общины в одностороннем порядке предприняты шаги по созданию обособленного государственного образования на заня-

[2] «Правда», 21 марта 1972 г.
[3] «Правда», 16 июля 1974 г.

той войсками Турции части территории острова. Эти шаги фактически направлены на закрепление положения, которое являлось результатом вооруженного вмешательства извне [redacted] дела Республики Кипр... Таким образом, налицо новая попытка определенных кругов НАТО сорвать процесс урегулирования и осуществить раздел острова вопреки интересам кипрского народа». Советский Союз, указывалось в заявлении, «с самого начала возникновения конфликта на Кипре последовательно выступает [redacted] защиту независимости, суверенитета и территориальной целостности кипрского государства, в поддержку его законного правительства... В руководящих кругах Советского Союза считают, что создавшаяся ситуация требует незамедлительного выполнения в полном объеме [redacted] решений Организации Объединенных Наций по Кипру. Долг всех государств — способствовать этому [redacted] предпринять энергичные усилия для сохранения Кипра [redacted] самостоятельного, суверенного и территориально цельного государства» [4].

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Таким образом, наиболее реакционная часть руководства элладской [redacted] кипрской церквей сыграла резко отрицательную роль в период господства хунты и несет ответственность за последствия ее деятельности. Кстати, с падением военно-фашистской диктатуры [redacted] Греции прогрессивная общественность поднимала вопрос [redacted] привлечении [redacted] судебной ответственности бывшего примаса элладской церкви архиепископа Иеронимоса [redacted] сотрудничество с фашистским правительством [redacted] за ущерб, причиненный церкви. Но эти требования не встретили поддержки со стороны правящих консервативных кругов.

Возвратившись [redacted] декабре 1974 года [redacted] Никозию, Макариос сформировал новое правительство. Были приняты меры по ликвидации последствий путча, а террористические группы поставлены вне закона. Ныне усилия прогрессивных сил направлены на мирное решение кипрского вопроса, восстановление территориальной целостности, вывод всех иностранных войск, укрепление суверенитета [redacted] независимости государства. Однако империалистические происки на острове не прекратились. Решения Совета Безопасности по Кипру не выполняются.

Важную роль в борьбе за нормализацию положения на острове и ликвидацию последствий иностранного вооруженного вмешательства во внутренние дела Республики Кипр сыграло новое заявление, с которым ТАСС от имени Советского правительства выступил [redacted] июне нынешнего года. Оно указывало на недопустимость положения, сложившегося в этом суверенном государстве в результате непрекращающихся попыток его раздела [redacted] присутствия там иностранных войск, обращало внимание на бедствия и невзгоды тысяч киприотов, которые превратились [redacted] беженцев [redacted] своей же собственной стране, на продолжающееся невыполнение решений, принятых почти два года назад Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН в целях урегулирования кипрского кризиса, на угрозу превращения острова в обход этих решений [redacted] опорную базу НАТО.

«В советских руководящих кругах, — подчеркивалось в заявлении, — высказывают серьезную озабоченность неоправданной затяжкой кипрского урегулирования и попытками использовать трудное положение, в котором оказалась Республика Кипр, для навязывания ей решений, которые чужды интересам кипрского народа. Советский Союз против попыток искать пути к кипрскому урегулированию [redacted] спиной народа Кипра [redacted] узких интересах тех или иных стран или военных блоков. В Советском Союзе по-прежнему считают, что наилучшую возможность урегулирования кипрской проблемы представлял бы собой созыв представительной международной конференции по Кипру в рамках ООН» [5].

Президент Макариос неоднократно с признательностью отмечал важную роль, какую Советский Союз и социалистическое содружество [redacted] целом играли и играют [redacted] усилиях по справедливому урегулированию кипрской проблемы. «Мы высоко ценим конструктивный вклад СССР и других социалистических стран, — заявил он, например, в начале июля нынешнего года [redacted] интервью газете «Ризоспастис». — Кипрское правительство поддерживает советское предложение о созыве представительной международной конференции по Кипру в рамках ООН» [6].

Высокую оценку июньское заявление нашей страны по кипрскому вопросу получило [redacted] Конференции коммунистических [redacted] рабочих партий Европы (Берлин, 29—30 июня 1976 г.). «Этот шаг на государственном уровне большого друга Кипра, — сказал [redacted] своем выступлении на этом форуме европейских коммунистов глава делегации АКЭЛ тов. Х. Петас, — является выражением последовательного соблюдения принципов пролетарского интернационализма, представляющего собой фундамент внешней политики [redacted] Советского Союза. Мы хотели бы воспользоваться случаем, чтобы [redacted] с этой трибуны выразить безграничную благодарность кипрского народа [redacted] эту поддержку» [7].

От имени 29 европейских коммунистических и рабочих партий [redacted] трудящихся своих стран участники Конференции в Берлине в принятом ею итоговом документе «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе» подтвердили свою единодушную солидарность с кипрским народом, потребовав «немедленного выполнения резолюций ООН по Кипру, предусматривающих уважение независимости и суверенитета, территориальной целостности неприсоединившейся Республики Кипр, немедленный [redacted] безоговорочный вывод всех иностранных войск с Кипра, безотлагательное возвращение всех беженцев в родные места в условиях, обеспечивающих их безопасность, а также мирное решение кипрской проблемы путем рациональных и конструктивных переговоров между обеими кипрскими общинами под покровительством Организации Объединенных Наций, направленных на то, чтобы в атмосфере свободы [redacted] равноправия добиться такого урегулирования, которое отвечает интересам двух групп населения Кипра — греков [redacted] турок» [8].

Таким образом, борьба миролюбивых сил за ликвидацию кризиса [redacted] этом районе продолжается. «В Европе все еще существует, в частности, такой сложный и опасный узел напряженности, как проблема Кипра, — отмечал в докладе [redacted] XXV съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — Мы убеждены, что разумный учет интересов и прав обеих общин [redacted] Кипре — при безусловном уважении независимости, суверенитета [redacted] территориальной целостности Республики Кипр [redacted] без попыток навязывать киприотам извне чуждые им решения — позволит урегулировать эту острую проблему [redacted] благо мира, безопасности и спокойствия в Европе» [9].

---

[4] «Правда», 17 февраля 1975 г.
[5] «Правда», 22 [redacted] 1976 г.
[6] «Правда», [redacted] 1976 г.
[7] «Правда», [redacted] 1976 г.
[8] Там же.
[9] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 19.

РЕВИЗИОНИЗМ И РЕЛИГИЯ

Юзеф ГРУДЗЕНЬ,
доктор философии, доцент,
заместитель заведующего
отделом философии
Института основных проблем
марксизма-ленинизма при ЦК ПОРП

В НЕКОТОРЫХ социалистических странах, особенно в ПНР, римско-католическая церковь играет роль оппозиции по отношению к социализму. Опыт последних лет еще раз показал, что главной организованной антисоциалистической силой в нашей стране, своеобразным центром объединения всех, по сути, антигосударственных течений и одновременно их последней надеждой является реакционная часть епископата. Эта сила все еще располагает комплексной философско-мировоззренческой системой, организационной базой, многочисленными кадрами и к тому же еще международными связями (через Ватикан). Конечно, возможности католической церкви в нашей стране теперь значительно ограничены. Утрачивает вес и ее политическая аргументация, использующая прежде всего наши трудности и неудачи.

Вступив в сделку с наиболее консервативными силами римско-католической церкви, ревизионисты в Народной Польше также установили (в 1968 г.) личные контакты с высшими церковными деятелями и совместно с ними участвовали в разработке акций против социализма. Эти антисоциалистические мотивы легли в основу разнообразных попыток извратить марксистско-ленинскую теорию религии.

Подобно своим предшественникам, современные ревизионисты провозглашают лозунги «политической свободы» и «демократии», борются за абсолютную «свободу» религии и стремятся сделать ее, как отмечал еще В. И. Ленин, «частным делом» не только по отношению к современному государству, но и по отношению к марксистской партии[1]. Выступая против диктатуры пролетариата, за «интегральную демократию», они требуют также «свободной церкви в свободном государстве» и «религиозной и церковной свободы». Последнее требование в основном сводится к попыткам добиться признания марксистской партией и социалистическим государством принципа нейтральности мировоззрения, закрепить мировоззренческий плюрализм.

Необходимость нейтральности мировоззрения в любом государстве пропагандируется, кстати, и югославским философом-ревизионистом П. Враницким. Он выступает даже за множественность течений в марксизме-ленинизме по образцу христианства. Этот постулат мировоззренческого плюрализма равнозначен отказу от целенаправленного формирования научного мировоззрения.

При этом утверждается также, будто социалистическое государство должно признать все функционирующие в обществе мировоззрения равноценными, поскольку они, по словам, например, современного польского философа-ревизиониста Лешека Колаковского, основаны на вере, идентичны и, стало быть, равноценны.

Таким образом ревизионистский постулат «церковной свободы» сводится к созданию ничем не ограниченных условий для безбрежной деятельности всех существующих церковных институтов во всех областях общественной жизни как при капитализме, так и при социализме и, по сути дела, соответствует программе политического клерикализма и церковного интегризма. Претворяя в жизнь принцип «абсолютного равенства», социалистическое государство обязано, по мнению ревизионистов, признать принцип идеологического плюрализма, считая религиозное мировоззрение и церковную идеологию равными партнерами социалистического государства и его идеологии. По мысли ревизионистов, оно обязано отказаться от идеологической борьбы, создав условия для «свободного развития» всех идеологий.

Настаивая на «новом переосмыслении» марксистского учения о религии, современные ревизионисты пытаются оправдать этот отход от марксизма ссылками на необходимость его «творческого развития» по мере изменения действительности. При этом они сначала низводят марксизм-ленинизм до уровня философии эпохи Просвещения, а затем обвиняют его в «устарелости» и делают вывод о необходимости его «возрождения». Этот методологический прием и есть исходный пункт ревизии марксистско-ленинской теории религии и атеизма.

Югославский философ С. Врцан, например, считающий себя «современным марксистом», вопреки очевидным фактам утверждает, будто в марксистской мысли «укоренилось убеждение, что с точки зрения своего содержания религия является собственно собранием глупостей», не имеет «реального человеческого смысла». По его словам, марксисты якобы убеждены, что «всеобщее образование и общественные преобразования сами по себе ведут к ослаблению и отмиранию религии», которую они «считают фактом исключительно надындивидуальным и коллективным, совершенно не учитывая все ее индивидуальные и личностные аспекты»[2]. К по-

---

Сокращенный текст доклада, прочитанного в конце прошлого года в Москве на симпозиуме ученых социалистических стран «Атеизм и религия в современной борьбе идей» (отчет о нем см. в мартовском номере нашего журнала). Полностью доклад будет опубликован в 21-м выпуске «Вопросов научного атеизма» (прим. ред.).

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 19.

[2] Здесь и ниже высказывания С. Врцана приводятся по его статье в журнале «Chrzescijanin w swiecie», № 19/5 1972, s. 39—41.

добным же фальсификациям марксистско-ленинской теории религии прибегает и Л. Колаковский.

Сравнивая классические формулировки марксистской теории религии с тем, что совершается в современном христианстве, приводя произвольно вырванные из контекста «факты»[1] изменений, какие, в частности, имеют место в доктрине римско-католической церкви, ревизионисты утверждают, будто эти сдвиги обусловливают качественные преобразования и стратегии церквей и социальных функциях религии, что современное христианство «уже не является тем, чем было раньше», и поэтому, мол, марксистская теория религии, якобы приспособленная к условиям XIX века, также нуждается в принципиальных поправках.

При этом ревизионисты исходят из того, будто церковь изменила свое отношение к «современному миру и всем его компонентам», в том числе к атеистам и марксистам, и выступает сегодня не с позиции анафемы, крестовых походов, а с позиции диалога. Утверждается также, будто церковь изменила свое отношение к секуляризации, видит социальные корни этого явления и даже приемлет его в определенных рамках. И наконец, якобы церковь ныне позитивно оценивает науку и разум, а также труд человека, который она трактует не как следствие первородного греха, а как форму «продолжения дела Создателя». Характерной чертой ревизионистских оценок современных религиозных институтов является также причисление их к факторам, способствующим историческому прогрессу.

В действительности все обстоит иначе. Признавая **относительную** автономию мира и человека, церковь по-прежнему утверждает, что они всем, в том числе самим своим существованием, обязаны всевышнему. Концентрируя внимание людей на эсхатологии, религия продолжает подчинять их материальную практику «эсхатологической практике», материальные потребности — потребностям религиозным, всестороннее развитие человека — религиозному совершенствованию и т. д.

Достаточно обратиться хотя бы к документам, принятым II Ватиканским собором, и к последним папским энцикликам. В принятой собором пастырской конституции «О церкви в современном мире» говорится, в частности, что церковь добивается того, чтобы «закон божий был вписан в жизнь земного государства», и оставляет за собой право давать «моральную оценку политическим вопросам». Как же после этого можно говорить о каком-то «полном перевороте» в церкви и ее доктрине?!

Из того факта, что верующие трудящиеся, несмотря на свою религиозность, одобряют социалистическое учение и участвуют в борьбе за реализацию вытекающих из него прогрессивных преобразований, ревизионисты делают также неправомерный вывод, будто религия как форма общественного сознания становится прогрессивной и уже не препятствует «усвоению общественно-политических основ социалистической ориентации».

На самом же деле, как о том свидетельствует общественная практика, «прогрессивное общественное движение верующих» — результат не их религиозности, а того, что политико-экономическая и социально-культурная программа социализма отвечает коренным жизненным интересам всех трудящихся независимо от их отношения к религии. Из того факта, что «миллионы христиан стремятся к активному участию в переустройстве мира», вовсе не следует, что это заслуга религии и что возможность покончить с отчуждением, как утверждают современные ревизионисты, «содержится в самой ее сущности».

Опираясь на учение З. Фрейда и его последователей, Л. Колаковский поставил под сомнение марксистско-ленинскую теорию корней религии. Частично еще соглашаясь с Марксом (в 1962 г.), что религия выполняет компенсаторную функцию в отношении тех требований, которые люди не могут удовлетворить в действительности, Л. Колаковский одновременно подверг критике марксистские взгляды на социальные корни религии. По его мнению, самые глубокие ее истоки коренятся не в общественной жизни, а в «неполноте человеческого существования», в его «патологическом характере», в «убожестве рода человеческого», в психологической и биологической структуре человека.

По Л. Колаковскому, религия, будучи следствием «выявления человеческого рода из остальной природы», является «особой формой существования», неотъемлемым от человека способом понимания истории, смысла мира и собственной сущности, опорой человеческого бытия[2].

Как полагает Колаковский, основной источник религии — это углубляющееся нарушение равновесия между «сущностью человека» и цивилизацией. Род человеческий является «результатом декаданса, или, что то же самое, дегенерации органической природы». Он «принципиально плохо приспособлен к жизни, причем несовершенство этой адаптации непрестанно увеличивается и требует все новых целительных средств; существует необходимость постоянной замены оскудевших и мельчающих органических средств искусственными инструментами, среди которых важную роль играет религия».

Таким образом, по Л. Колаковскому, религия превращается в некий искусственный инструмент, опору, позволяющую с помощью мифов и ритуалов сократить разрыв между человеческой природой и цивилизацией, чего нельзя достичь биологическими средствами. Религия, пишет он, относится к «приспособлениям того же самого типа, как вставные зубы, парики, очки для близоруких, костыли для безногих; это одно из многочисленных средств, регулирующих бесконечно прогрессирующее убожество рода человеческого. Этот процесс необратим: человек — это тупик жизни, болезнь природы, ошибка эволюции». Вслед за Фрейдом Колаковский утверждает, будто религия неотделима от существования человека.

Далее Колаковский попытался возвести религиозные мифы в ранг научных утверждений, а «эсхатологическую практику» — в ранг материальной. «Религиозные представления, мифы,— [illegible] он,— подобно научным представлениям, выполняют познавательную функцию, ибо они служат инструментом «познавательной интерпретации и описания опыта мира, следовательно, они являются формой мыслительной организации».

Л. Колаковский также утверждает, что поскольку противоречие между стремлениями биологического человека и миром культуры все больше углубляется, то вместе с прогрессом культуры «увеличивается общественная сила религиозных представлений... Необходимость восстановления равновесия внутри физического мира, необходимость нового со-

---

[1] Ревизионисты, писал Ленин, в научном отношении всегда грешили «поверхностным обобщением односторонне-выхваченных фактов, вне связи их со всем строем капитализма...». В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 21.

[2] Здесь и далее высказывания Л. Колаковского приводятся по кн.: L. Kolakowski. Kultura i fetysze. Warzawa, 1967. s. 7, 38—39.

гласования сознания с природой при одновременной невозможности вернуться к первоначальной интеграции — именно этот конфликт обеспечивает жизненность религиозных символов». Полемизируя с тезисом, что «страх создал богов», он считает, что богов создал страх не перед природой, а «страх перед самим собой, выделенным из природы».

Как видим, в этих взглядах абсолютизируются биологические и психологические корни религии и одновременно исключаются ее социальные корни. Сначала человек вырывается из общественного контекста, а затем констатируется «непрочность» его бытия, требующая «костылей» — религии.

Кстати, психоаналитическая концепция «непрочности человеческого бытия» есть, по сути дела, повторение томистской концепции «случайности бытия». Заимствуя ее различные варианты, современные ревизионисты делают затем из нее вывод, будто корни религии связаны с психофизической структурой человека и религия прочно связана с родом человеческим. А это уже не что иное, как апология фидеизма.

Требуя «обогащения и осовременивания» марксизма-ленинизма и «расширения его горизонтов», пытаясь «плодотворно обобщить все ценное и позитивное в творчестве человека на протяжении веков», ревизионисты настаивают также на «обогащении» марксизма и социализма религиозными ценностями.

Л. Колаковский, в частности, требует «восстановления христианской культуры». «Если наша культура должна существовать и развиваться дальше,— пишет он,— то учение Христа нельзя ни исключить из нашей культуры, ни относиться к нему с пренебрежением». Таким образом, он настаивает на христианизации всей культуры, в том числе и социалистической [5]. Тем самым он отказывается и от собственных взглядов периода 50-х годов, когда он еще справедливо считал, что условием развития гуманистической культуры является ее освобождение от церковного учения, что Евангелие полно демагогии, внутренних противоречий и антигуманно по содержанию. Но затем, в 60-е годы, Колаковский изменил свое отношение к религии — «от неприязни», по его собственному выражению, до «восхищения».

Судя по всему, прежняя критика им религии была поверхностной. И не удивительно, что его былая эмоциональная неприязнь к ней переродилась ныне в чувственную симпатию. Ведь эмоции у ревизионистов заменяют научную аргументацию.

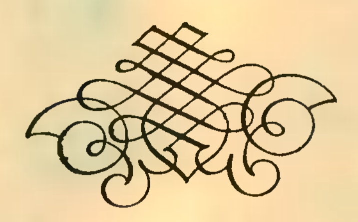
Провозглашаемые ревизионистами взгляды, являясь выражением уступок и капитулянтства перед противодействующими силами, вообще не отличаются оригинальностью. Это эклектические взгляды, содержащие «обрывки отсталых теорий» [6], подтверждающие то, что давно уже провозгласили представители либеральной буржуазии [7].

[5] L. Kolakowski. Jesus Chrystus prorok i reformator. «Argumenty», 1965, № 51—52, s. 6. На эту статью ссылались в своих проповедях многие церковники в Польше, заявляя, в частности, что «даже такие марксисты, как Колаковский, видят неповторимость и величие учения Христа».

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 183.

[7] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 17—26.

Всего сто лет,

уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в октябре 1876 года

В числе братии невельского монастыря был дьякон Евгений, дряхлый-предряхлый монах, читавший... на обедне дрожащим от старости голосом. Настоятель Амвросий стал упрекать за это Евгения, который отвечал ему, что он (Евгений) уже стар и возвратить или исправить то, что отняла у него сама природа, не может. Ответ этот показался о. Амвросию слишком дерзким, и он посадил бедного старца в карцер, где побил его по лицу сапогами. Евгений, разумеется, стал кричать, на крики сбежалась братия, которой настоятель и объяснил, что «этот мерзкий еще притворяется (!) и кричит!».

Еще факт. Особенным уважением жителей Невеля пользуется в монастыре иеромонах С...а, крепко нелюбимый за что-то настоятелем монастыря. Это нерасположение настоятеля дошло до того, что он перестал пускать к С...е на свидание городских жителей, затем стал стеснять его в пище... начал распускать слухи, что С...а болен какой-то ужасной болезнью, и, чтобы убедить в этом братию, отправился однажды в келью С...ы, связал ему руки, стащил с него всю одежду и, оставив почти нагого, запретил допускать кого-нибудь к заключенному монаху, боясь, вероятно, чтобы С...а не послал куда следует жалобы. Прошение обиженного, однако, было послано в Витебск, и когда оттуда потребовали объяснения, то Амвросий представил иеромонаха С...у чуть не сумасшедшим, так что иеромонаха вызывали даже в консисторию.

«Голос»

...Дьякон местной Покровской церкви Кобещанов найден повесившимся в квартире своей на гарусном шарфе, привязанном концами к железному кольцу, вбитому в потолок. Благодаря энергии и такту, с которым следователь приступил к делу, 25 сентября открылось следующее: покойный... был умный и чрезвычайно доброй души. Эти качества завербовали ему расположение всех прихожан... Это кое-кому не понравилось. И вот на дьякона подан был донос, донос не подтвердился, дело прокурорскою властью прекращено и возвращено в консисторию. Консистория распорядилась Кобещанова от служения отстранить, а о поступках его произвести следствие. Несчастный Кобещанов, чувствуя себя правым, сверх того будучи совершенно без средств к жизни, впал в ужаснейшее отчаяние и совершенное душевное расстройство... и, наконец, в порыве душевного мучения покончил с собой.

«Одесский вестник»

Большинство учителей духовных семинарий бежит в учителя же, но только не духовных семинарий, а гимназий или других каких-либо учебных заведений ведомства министерства народного просвещения. Значит, причина бегства заключается не в звании и должности учителя вообще, но в должности учителя именно духовных семинарий. Затем не бывало почти случаев, чтобы молодой и энергичный учитель гимназии перебегал со своей должности на должность учителя духовных семинарий.

«Православное обозрение»

Конец монастырского владения

В. Ф. Зыбковец. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МОНАСТЫРСКИХ ИМУЩЕСТВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1921 гг.). М., изд-во «Наука», 1975, 205 стр., 2350 экз., 71 коп.

XXV съезд КПСС еще раз осудил «факты неклассового подхода в оценке исторических явлений», потребовал активизировать наступательную борьбу против всякого рода ненаучных, фальсификаторских теорий и взглядов. С такого рода представлениями и оценками можно подчас встретиться, когда речь идет о прошлом нашей родины, о роли в ее истории религии и церкви. Порой эта роль искаженно преувеличивается, замалчивается реакционная сущность русской православной церкви как пособника самодержавия, душителя свобод, эксплуататора трудящихся. В научную разработку этой сложной и актуальной проблемы заметный вклад вносит книга известного исследователя истории религии и атеизма В. Ф. Зыбковца, вышедшая уже после его смерти.

Впервые вводя в научный оборот обширный архивный материал, автор анализирует состояние православных монастырей накануне Великой Октябрьской социалистической революции и убедительно раскрывает их реакционную роль как форпостов самодержавия и правящей церкви в борьбе против революции.

В центре внимания исследователя — проблемы, связанные с разработкой и осуществлением мероприятий Советского государства по национализации монастырских земель и имуществ. Автор наглядно показывает, что ликвидация монастырской собственности отвечала интересам трудящихся масс России, прежде всего крестьянства.

Опираясь на архивные источники, широко привлекая разнообразную литературу, автор рассказывает, как протекал сложный процесс национализации монастырских имуществ. Он начался в 1917 году, длился несколько лет и завершился в целом к 1921 году.

Большой интерес представляют выявленные В. Ф. Зыбковцом особенности национализации монастырей в различных районах страны, а также итоговая часть его труда, посвященная рассмотрению того, как молодая Советская власть использовала монастырские имущества, что дала трудящимся их национализация.

Умело оперируя материалом, свидетельствующим о нарастании в начале XX века, в частности в годы первой русской революции, крестьянского движения против церковной и монастырской собственности, автор органически связывает с ним свой анализ состояния монастырского хозяйства накануне октября 1917 года. Он дает заслуживающую особого внимания типологию монастырей, исследует структуру их имуществ, доходов, сокровищ и капиталов, в которых «материализован труд и сбережения многих поколений трудового народа, который один имеет неоспоримое право на обладание ими».

Это право, как показано в монографии, было реализовано только Советским государством: царское и буржуазное Временное правительства, официальная церковь принимали энергичные меры, вплоть до карательных, для охраны частной собственности, в том числе и церковно-монастырского землевладения. Единым фронтом выступали они против решения аграрного вопроса в России в интересах трудящихся. Посягательство на земельную и иную, особенно на церковную и монастырскую, собственность духовенство объявляло наитягчайшим грехом. Даже в преддверии социалистической революции поместный собор российской православной церкви в специальном послании в сентябре 1917 года угрожал адскими муками крестьянам, захватывавшим церковные и монастырские земли.

В. Ф. Зыбковец обстоятельно рассматривает основные законодательные акты Советского государства о национализации монастырских имуществ. Книга дает представление о конкретных трудностях воплощения в жизнь этих постановлений. Здесь и отсутствие опыта у молодых органов Советской власти на местах, и противодействие эсеров и меньшевиков, пробравшихся в местные Советы, и церковная контрактация, и антисоветские выступления, и гражданская война. Тот же поместный собор, например, 10 апреля 1918 года издал специальное постановление, по которому православному духовенству вменялось в обязанность «принять меры к возвращению всех отобранных имуществ церквей, монастырей, церковных учреждений и организаций, в том числе зданий духовных учебных заведений и консисторий».

В. Ф. Зыбковец завершает свое исследование закономерным выводом: институт монашества в советском обществе не имеет почвы для массового существования и воспроизводства. Его социальная база — нищета, обездоленность, забитость и невежество народных масс — в Советском Союзе отсутствуют. «Институт монашества в нашей стране, — отмечает автор — несомненно переживает свою финальную стадию, заканчивает свою тысячелетнюю историю. Этот факт имеет глубокий социально-этический смысл и свидетельствует в пользу социалистического образа жизни, складывающегося в нашей стране в процессе социалистического строительства и постепенного перехода от социализма к коммунизму».

Работа В. Ф. Зыбковца представляет собой определенный вклад в советскую историографию: до сих пор по этой теме не было ни монографических исследований, ни оригинальных статей, ни источниковедческих обзоров. Особо следует отметить, что в приложениях к монографии впервые даются различные систематизированные сведения о монастырях Российской империи. Каждый, кто занимается или просто интересуется историей православных монастырей в России, с выходом этой работы получил незаменимый справочник. Недостатком книги В. Ф. Зыбковца, не умаляющим, однако, ее оценки как ценного исследования, можно считать то, что автор лишь упоминает о негативном отношении обновленцев 20-х годов к монашеству, но не раскрывает и не анализирует его. Но это — особая проблема, еще ждущая своего исследования.

Н. КРАСНИКОВ,
кандидат исторических наук

Конкретно, доказательно

В. В. Коник. КРИТИКА ЭСХАТОЛОГИИ СВИДЕТЕЛЕЙ ИЕГОВЫ. М., изд-во «Знание», 1976, 54 стр., 5100 экз., 10 коп.

Брошюра В. В. Коника, выпущенная в серии «В помощь лектору», адресована пропагандистам атеизма. Она учит, как вести беседы со свидетелями Иеговы, учитывая специфику этого вероучения и вытекающие из нее особенности их психологии. Автор встречался со многими верующими и на основе своих наблюдений дает советы о том, как разрушить у

них психологический барьер к светской информации, преодолеть негативное отношение к атеизму. Материал такого рода представляет большую ценность для тех, кто ведет индивидуальную работу с верующими.

Важное достоинство брошюры — аргументированность изложения. В тексте, насыщенном новейшей информацией, нет голословных утверждений, автор всегда указывает, где опубликованы критикуемые им пункты вероучения, высказывания руководителей конфессии.

Со знанием дела анализируются в брошюре противоречия в догматах о конце мира, в частности противоречия «богооткровенных истин» идеологов свидетелей Иеговы, дискредитирующих себя и свое вероучение неоднократными несостоявшимися пророчествами, что вселяет в сознание верующих сомнения в их истинности, подрывает доверие к ним со стороны рядовых верующих. Брошюра учит пропагандиста, как использовать эти сомнения, чтобы подготовить почву для отхода верующих от религии.

Обширный фактический материал В. В. Коник излагает ясно и доходчиво. Все термины и сложные моменты объяснены в сносках. А для тех, кто хотел бы более подробно ознакомиться с этой конфессией, в конце брошюры приведен довольно полный список литературы.

М. ДАНИЛОВА

В местных издательствах

Г. М. Лебединец. ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ КОРНЕЙ РЕЛИГИИ. Львов, изд-во при Львовском ун-те, 1975, 238 стр., 2900 экз., 1 руб. 33 коп.

Разработка проблем, касающихся корней религии, ее социального фундамента и особенностей секуляризации, причин существования религии, путей ее преодоления и особенностей религиозного сознания, — важная задача научного атеизма. Этим вопросам посвящена книга Г. М. Лебединца.

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, автор рассматривает причины, породившие религию, в аспекте соотношения свободной и несвободной практической деятельности. Такой подход дает возможность глубже раскрыть социальные корни религиозности, показать, что религия закономерно порождается несвободой, бессилием человека в условиях первобытнообщинной и антагонистических формаций. Разрабатывая проблему социальных корней религии, автор пользуется понятием «социальная основа религии». Под ней понимается совокупность главных и второстепенных причин и условий, порождающих религиозное мировосприятие. Один из положительных моментов книги — попытка автора показать взаимодействие социальных, гносеологических и психологических корней религии, «механизм» их воздействия на процесс осознания действительности.

Далее автор прослеживает тенденции изменения социальной основы религии в процессе развития общества и вызванное этим изменение объекта и особенностей религиозного отражения действительности. Он сосредоточивает внимание на противоречиях современного государственно-монополистического капитализма, порождающих противоположные тенденции: тенденцию сохранения и оживления религиозности, которая поддерживается не только клерикальными кругами, реакционными политическими партиями, но и государством, его бюрократическим аппаратом, опирающимся на традиционные учреждения, идеологические институты для подавления воли и политической активности масс, и тенденцию ее ослабления и формализации под влиянием научно-технической революции, развития сознания масс и других факторов.

Подробно рассмотрены в книге закономерности секуляризации социалистического общества. Автор отмечает, что в условиях развитого социализма секуляризация приобретает всесторонний, последовательный характер и ведет к замене религиозного мировоззрения материалистическим.

Анализируя процесс воспроизводства религиозности в социалистическом обществе, автор рассматривает основные сферы общественной жизни: сферу производства, быта и общественно-политической деятельности. Такой подход, с нашей точки зрения, методологически оправдан: восходить от экономической основы общества к надстроечным явлениям и в такой последовательности прослеживать факторы, обусловливающие существование пережитков религии и их частичное воспроизводство.

В работе раскрыты особенности и основные закономерности изменения религиозного сознания в процессе развития социалистического общества. Критикуя современные богословские концепции, автор показывает, что модернизация религии не меняет основной сущности религиозного мировоззрения, реакционной социальной роли религии; оставаясь превратным, иллюзорным осознанием действительности, она уводит духовные и физические силы людей с правильного пути, тормозит прогресс общества, сковывает социальную активность верующих.

Автор подчеркивает, что религия представляет собой исторически преходящий феномен. Когда общество достигнет необходимого уровня свободы, наступит эпоха «естественной смерти» религии, ее закономерного отмирания.

Интересные мысли высказаны автором и по вопросу о типологии верующих, который еще окончательно не решен и требует дополнительных специальных исследований. Однако по этому вопросу выступали в печати многие авторы, мнения и предложения которых достойны более внимательного рассмотрения. Автор ограничил круг ученых В. Танчером, Е. Дулуманом и Б. Лобовиком. Г. М. Лебединец считает, что критерием религиозности «может быть только такое поведение, которое более или менее явно свидетельствует о вере человека в сверхъестественное». В связи с этим надо было оттенить мысль, что вера в сверхъестественное не всегда бывает осознанна. А это затрудняет определение религиозности. Так, вера в приметы, силу различных талисманов не обязательно имеет непосредственную связь с религиозностью человека. Она часто обусловлена неверными, ненаучными представлениями о причинно-следственных отношениях в природных и общественных явлениях. Как нам кажется, анализ религиозности не должен замыкаться в категориях, относящихся только к сфере сознания, ограничиваться областью осмысленного, сознательного отношения и оценки действительности. Как известно, среди соблюдающих религиозные обряды немало людей неверующих. Они не осознают религиозного значения некоторых обрядов, принимая их за полезное, проверенное временем национальное достояние. Это люди, по существу, неверующие. Но и они, конечно же, нуждаются в атеистическом воздействии.

Вряд ли оправдано согласие автора с мнением, пусть уже ставшим в нашей атеистической литературе в некотором смысле обычным, что перечисление степеней религиозности надо начинать с фанатически верующих. Фанатизм, фанатичная вера —

это область отношений к вере, выходящих за пределы самой веры, поведение верующего в семье, коллективе, обществе. Фанатизм не прямо связан с глубокой убежденностью, это не степень религиозности, не показатель полной поглощенности сознания элементами и компонентами веры. Это скорее социально-политический стереотип поведения.

На наш взгляд, следовало бы указать в книге и на различия и диалектику связи между стихийно-материалистическими и религиозными убеждениями. У автора немало интересных наблюдений, чтобы подчеркнуть недостаточность стихийно-материалистических убеждений как гарантии от религиозного влияния.

Книга эта, несомненно, заинтересует читателя творческим подходом к ряду теоретических вопросов, значительным количеством фактического материала, последовательностью и убедительностью изложения, тесной связью с задачами атеистического воспитания.

Р. ДАШКИН

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Я. Г. Абдуллин. ТАТАРСКАЯ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МЫСЛЬ. Казань, Татарское книжн. изд-во, 1976, 320 стр., 3000 экз., 75 коп.

Давид Анахт. АНАЛИЗ ВВЕДЕНИЯ ПОРФИРИЯ. Ереван, Изд-во Академии наук Арм. ССР, 1976, XXXI, 211 стр., 1000 экз., 1 руб. 45 коп.

К. Е. Дмитрук. СВАСТИКА НА СУТАНАХ. М., Политиздат, 1976, 192 стр. с илл., 200 000 экз., 46 коп.

«ЖИВОПИСЬ ВОЛОГОДСКИХ ЗЕМЕЛЬ XIV—XVII вв.». М., «Советский художник», 1976, 80 стр. с илл., 2500 экз., 1 руб. 25 коп.

Г. Загянская. ПЕЙЗАЖИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВА. М., изд-во «Искусство», 1976, 119 стр. с илл., 25 000 экз., 1 руб. 79 коп.

Л. М. Игнатенко. ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖИЗНЬ. Минск, изд-во «Беларусь», 1976, 94 стр., 10 000 экз., 13 коп.

А. М. Каримский. РЕВОЛЮЦИЯ 1776 ГОДА И СТАНОВЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ. М., изд-во «Мысль», 1976, 296 стр., 3000 экз., 1 руб. 27 коп.

А. Карпюк. ВЕРШАЛИНСКИЙ РАЙ. Роман-быль. М., изд-во «Советский писатель», 1976, 367 стр., 30 000 экз., 56 коп.

Е. Н. Карцева. ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БУРЖУАЗНОЙ «МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ». М., изд-во «Знание», 1976, 112 стр., 42 280 экз., 23 коп.

Б. Д. Кочнев. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАГОРОДНЫЕ КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ. Ташкент, изд-во «Фан», 1976, 84 стр. с илл., 1200 экз., 51 коп.

В. Н. Лощанский. ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ УЧАЩИХСЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФИЗИКИ. Изд. 2-е. М., изд-во «Просвещение», 1976, 158 стр., 80 000 экз., 29 коп.

Е. Макаров и П. Плотников. МУЗЕИ ИСТОРИИ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ ПРЕДПРИЯТИЯ. М., Профиздат, 1976, 63 стр., 12 000 экз., 14 коп.

Е. М. Мелетинский. ПОЭТИКА МИФА. М., изд-во «Наука», 1976, 407 стр., 5500 экз., 1 руб. 77 коп.

«МИР ВОКРУГ НАС». М., Политиздат, 1976, 191 стр. с илл., 150 000 экз., 1 руб. 31 коп.

«НА ДМИТРОВСКОЙ ЗЕМЛЕ». Фотоальбом. М., изд-во «Советская Россия», 1976, 28 стр. с илл., 50 000 экз., 61 коп.

В. Орлова. ОНИ ПОРВАЛИ С РЕЛИГИЕЙ. Орджоникидзе, изд-во «Ир», 1976, 115 стр., 3000 экз., 7 коп.

Р. П. Платонов. В ПОИСКАХ ВЫСОКОЙ ДЕЙСТВЕННОСТИ. М., Политиздат, 1976, 78 стр., 80 000 экз., 14 коп.

М. Скибицкий. БОГ И «ВЕРУЮЩИЕ» УЧЕНЫЕ. М., Политиздат, 1976, 110 стр., 200 000 экз., 15 коп.

И. В. Суханов. ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ. М., Политиздат, 1976, 216 стр., 150 000 экз., 45 коп.

А. Д. Урсул и Ю. А. Школенко. ОБИТАЕМАЯ ВСЕЛЕННАЯ. М., изд-во «Знание» (Серия «Научный атеизм», № 6), 55 500 экз., 11 коп.

В. Н. Урывский, С. Ф. Поволоцкий и П. П. Толстобров. ПРЕСТОЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ. КОМУ ОНИ СЛУЖАТ? Воронеж, Центр.-Чернозем. книжн. изд-во, 1976, 140 стр., 5000 экз., 22 коп.

«ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АСТРОНОМИИ XX ВЕКА». Сборник статей. М., изд-во «Наука», 1976, 479 стр., 3400 экз., 2 руб. 21 коп.

«ФИЛОСОФЫ — ПЕДАГОГАМ». Формирование научного мировоззрения в процессе преподавания естественных и математических дисциплин в средней школе (перевод с немецкого). М., изд-во «Прогресс», 1976, 219 стр., 20 000 экз., 67 коп.

Ф. Энгельс. К ИСТОРИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ХРИСТИАНСТВА. М., Политиздат, 1976, 39 стр., 100 000 экз., 6 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

А. Белов, А. Шилкин. Антисоветизм в западной религиозной радиопропаганде. «Политическое самообразование», 1976, № 7, стр. 68—76.

В. И. Викторов. Рецензия на кн.: А. И. Клибанов. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем; его же. Из мира религиозного сектантства. Встречи, беседы, наблюдения. «Вопросы истории», 1976, № 6, стр. 146—149.

Л. Я. Дадиани. Сионистский вариант «социализма». «Рабочий класс и современный мир», 1976, № 3, стр. 114—124.

А. Д. Колпаков, Е. Ю. Полякова. Рецензия на кн.: Т. У. Моуди. Олстерский вопрос. 1603—1973. «Вопросы истории», 1976, № 6, стр. 187—190.

В. И. Кочнев. Шри Ланка (Этническая история и социально-экономические отношения до начала XX в.). М., 1976. Из содержания: Глава III. «Религиозные верования и их роль в социальной жизни», стр. 272—344.

А. П. Окладников. От Аиги до Уналашки: удивительная судьба Ивана Попова. «Вопросы истории», 1976, № 6, стр. 121—129.

Я. Б. Рабинович. Пушкинский юбилей, епископ Петр и Пермская городская дума (эпизод из истории общественной жизни Перми конца XIX в.). «Ученые записки», № 348. «Исследования по истории Урала», вып. IV. Пермь, 1976, стр. 138—146.

М. М. Скибицкий. Был ли верующим академик И. И. Павлов. «Здоровье», 1976, № 7, стр. 22—23.

«Формирование научного мировоззрения». Чебоксары, 1975, Вып. I. Из содержания: **Г. Н. Плечов.** Рост культурно-образовательного уровня населения как фактор формирования атеистического мировоззрения, стр. 57—73; **Г. Е. Кудряшов.** Об обыденной синкретической религиозности, стр. 74—88; **Л. Ю. Браславский.** Динамика эволюции общины евангельских христиан-баптистов в Чувашии и критика их антинаучного мировоззрения, стр. 89—99; **Р. С. Кириллов.** Вопросы формирования научно-атеистического мировоззрения в условиях развитого социалистического общества, стр. 99—104; **Т. Г. Гурова, Ю. С. Гуров.** Формирование научно-материалистического мировоззрения подрастающего поколения, стр. 104—119; **Ю. С. Гуров.** Кризис религиозного мировоззрения и распространение марксистско-ленинских идей среди молодежи в современных капиталистических и развивающихся странах, стр. 119—134.

«Центральная Азия в кушанскую эпоху». Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975. Из содержания: **Б. А. Литвинский** Распространение буддизма в Средней Азии, стр. 191—198; **Л. С. Васильев.** Кушаны и проникновение буддизма в Китае, стр. 210—216; **Л. Мялль.** Некоторые проблемы возникновения махаяны, стр. 219—222; **А. Н. Зелинский.** Кушаны и Махаяна, стр. 223—236.

А. А. Чечулин. Малые группы и мировоззрение верующих. В кн.: «Современный детерминизм и социальное предвидение». Новосибирск, 1976, стр. 163—173.

В. С. Шульгин. Рец. на кн.: Н. Н. Покровский. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. «Вопросы истории», 1976, № 3, стр. 155—158.

Д. Шигаев. Наблюдения атеиста. «Агитатор», 1976, № 8, стр. 47—48.

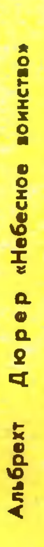
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

ЯРОВОЙ Михаил Тимофеевич — один из старейших журналистов страны. Долгое время работал в газете «Известия», в частности ее корреспондентом в Польше и Чехословакии. Публиковался в журналах «Огонек», «Вокруг света», «Новое время», «Советы депутатов трудящихся». Автор нескольких книг. В нашем журнале выступает впервые.

ЛАВРЕНТЬЕВ Михаил Владимирович — член Союза журналистов СССР, автор сценариев документальных кинофильмов, передач Центрального телевидения, очерков в периодической печати, главным образом на тему «Люди нравственного подвига». В нашем журнале печатается впервые.

ТАЖУРИЗИНА Зульфия Абдулхановна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории атеизма Московского университета. Автор книг «Философия Николая Кузанского» (1972 г.), «Буржуазный гуманизм: иллюзии и действительность» (в соавторстве с Е. В. Боголюбовой, 1975 г.), «Буржуазный атеизм в прошлом и настоящем» (1976 г.) и других, а также многих статей по проблемам научного атеизма. В нашем журнале печатается с 1975 года.

Адрес редакции: 109004. Москва, Ж-4, Ульяновская ул., 43, корп. 4. Телефоны: 297-02-51. 297-10-89. А 09697. Сдано в набор 16. VII. 76 г. Подписано к печати 23. VIII. 76 г. Тираж 440 000 экз. Зак. 03521. Бумага 84×108[1]/16. Физ. п. л. 6. (10,08 усл. п. л.)
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна».
г. Киев. Брест-Литовский проспект. 94.

Альбрехт Дюрер «Небесное воинство»

Об «Апокалипсисе» Альбрехта Дюрера читайте в этом номере статью Сергея Львова «ОТЧАЯНИЕ И НАДЕЖДА».

Цена 30 коп.
70602